

Fiatal Szlavisták Budapesti Nemzetközi Konferenciája VIII.

8th Conference for Young Slavists in Budapest

Eötvös Loránd Tudományegyetem
Bölcsészettudományi Kar
Szláv és Balti Filológiai Intézet

Eötvös Loránd University
Faculty of Humanities
Institute of Slavonic and Baltic Philology

Budapest
2020

Fiatal Szlavisták Budapesti Nemzetközi Konferenciája VIII.

**8th Conference for Young Slavists in Budapest
(held on 10th May 2018)**

Főszerkesztő/ Editor-in-chief:
Rágyanszki György

A szerkesztő munkatársai/ Associate editors:
Hamsosvzki Júlia
Máté Lajos

Technikai szerkesztő/ Technical editor:
Máté Lajos

Bírálok/ Reviewers:
Dr. Bajzek Mária
Dr. Császári Éva
Dr. Dudás Előd
Dr. Dudás Mária
Dr. István Anna
Dr. Jakovljević Dragan
Dr. Janiecz-Nyitrai Agnieszka
Dr. Kiss Szemán Róbert
Dr. Kovács Oxána
Dr. Menyhárt Krisztina
Dr. Pálosi Ildikó
Dr. Pátrovics Péter
Dr. Urkom Aleksander
Dr. Várnai Dorota
Dr. Yankova Veneta

Felelős kiadó/ Publisher:
Dr. Kiss Szemán Róbert

ISBN 978-963-489-193-2

Tartalom/Contents

Костантин Адирков

Трансформативни процеси в поемата „Дон Жуан” на Байрон 5

Perla Bartalošová

Príručný slovník anglicizmov pre slovenských seniorov 9

Мария-Лия Борисова

Семиостилистични особености в романа „Възвишение” на Милен Русков..... 13

Manca Černivec

Nekatere normativne zadrege sodobnega uporabnika jezika 15

Венера Димитрова

Синтактични и прагматични характеристики на диалоговото единство въпрос – отговор в българския език 19

Sonja Delatović

O hungarizmima u hrvatskome jeziku uz istraživanje poznavanja i uporabe među studentima 26

Kristina Đorđević

Jabuka u frazeološkoj slici sveta (na srpskom i slovačkom materijalu)..... 30

Ľubica Hroncová

Mesto a spoločnosť v próze Daniela Bacháta-Dumného 34

Emilia Hruszowiec

Sytuacja Żydów podczas powstania Chmielnickiego na podstawie kroniki Natana Hannowera *Jawein Mecula*..... 39

Yordan Karapenchev

Сравнителен анализ на лингвостилистичните характеристики на копирайтинг текстове..... 42

Kristína Krajanová

Polámané figúrky (Kříž profesora Hunku Jána Bodenka)..... 48

Přemysl Krejčík

Genderové stereotypy v české dystopické próze druhé poloviny 20. století..... 51

Magdalena Lara

Constructing National Identities Through Dictations: The Perspective of the Anthropology of Writing 55

Tomáš Móri

Jozef Bem v polskej a maďarskej literatúre..... 59

Aleksandra Nechunaeva

Производные слова с префиксами отрицания и противодействия в современном русском языке: динамика сочетаемости и семантики..... 63

Aleksa Nikolić

Dve verzije ekspresionističke Itake - Gotfrid Ben i Miloš Crnjanski..... 66

Bence Nyéki

Контрастивный анализ словообразования имён существительных с субъективно-оценочными значениями в русском и венгерском языках. Субъективно-оценочная рамка в семантическом представлении..... 70

Zuzana Obertová

Entwicklungstendenzen der polnisch-slowakischen Komparatistik vom 20. Jahrhundert bis zur Gegenwart 74

Andrzej Olszewski

Przyczyny wydarzeń marcowych w Polsce w 1968 roku..... 77

Michał Podśędek

Badania historyczne w kategoriach koncepcji czynności i wytworów Kazimierza Twardowskiego 79

Ágnes Szebényi

František Kupka jako symbolistická osobnost 83

Kristína Estera Szudová

Účast' Slovákov v Maďarsku na Kongrese európskych menšín v Ženeve v roku 1931 v zrkadle dobových novinových článkov..... 89

Lenka Tkáč-Zabáková

Lexika češtiny v premenách času 94

Катерина Войнова

Езикови стратегии за изграждане на фалшиви новини в онлайн медиите 98

Maciej Waraczewski

Судьбы вспомогательного глагола в формах перфекта в древнепольском и древнерусском языках – сравнительный анализ..... 102

Piotr Wojnarowicz

People's Crusade – an ouverture to the First Crusade 106

Анна Закутня

Системні стильові та структурні ознаки українських рекламних текстів кінця XIX- першої половини XX століття..... 109

Костантин Адирков

Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria

kostantin.adirkov@gmail.com

Трансформативни процеси в поемата „Дон Жуан” на Байрон

The text considers Byron's poem "Don Juan", aiming to mark some of the transformations that take place in the plot of Don Juan in the first third of the nineteenth century. The work focuses on one of the main characters underlying the base of the story, namely the Commander. The aim is to consider the variations of the Commander's figure in the poem and how they affect the narrative's timing.

Keywords: Don Juan, Commander, transformations, interpretations, narrative.

Обект на изследването ще бъде поемата „Дон Жуан” на Байрон, с оглед на някои от трансформациите, които настъпват в сюжета през първата третина на XIX век. Настоящият текст ще се фокусира върху един от централните образи, залегнали в основата на сюжета – образът на Командора и неговите вариации в поемата на Байрон. Целта е, от една страна, да се набележат иновативните идеи по отношение на развитието на образа на Командора, от друга, да се проследи как представените в поемата вариации на този образ (и респективно на това сцени) рефлектират върху темпоритъма на повествованието и задвижват действието.

Според Рамиро де Маесту историята за Дон Жуан представлява синтез между две стари легенди – тази за Мошеника и тази за Каменния Гост (Цит. по Weinstein 1959: 4). В една или в друга степен, двете намират място в по-голямата част от литературните разработки по темата. Например в пиесите „Севилският подигравчия и Каменният гост” (около 1630) на Тирсо де Молина, „Дон Жуан, или Каменният гост” на Молиер (1665), по-късно в операта „Дон Джовани” (1787) на Моцарт и Да Понте, а след това в малката трагедия „Каменният гост” на Пушкин (1830). Това превръща двата мотива в съществен компонент от традиционния сюжет.

Сюжетът за Дон Жуан разкрива последния като безпътен прелюбодеец, отдал се на прелъстяването на нови и нови жени, готов да извърши дори убийство в името на насладата и честта си. При много от любовните авантюри му се налага да прибегва до дуели, в които убива противниците си. Обикновено дуелираният се е любимият на жената, която Дон Жуан е прелъстил или се кани да прелъсти.

Съществен елемент от историята представлява дуелът с бащата на момичето, т. нар. Командор (итал. *Commendatore*). Командорът играе двойствена роля в сюжета, появявайки се, както в началото, така и във финала. Затова образът му може да бъде мислен двойко: през призмата на загрижения баща, който става жертва на Дон Жуан, но и като изпълнител на Божията воля, предвид това, че във финала наказва прелъстителя за делата, които е извършил. Тази втора функция на Командора е особено важна, предвид първоначалния замисъл историята за Дон Жуан да функционира като пример – подобно на средновековния жанр на т. нар. „*exemplum*” – за това какво се случва с несправедните и прелюбодейците. Поради това и първите литературни разработки по темата представляват или най-малкото се доближават до жанра на т. нар. моралитета – пиеси с нравоучителен характер. За такава, в известна степен би могла да се смята и пиесата на Молина.

Бидейки изпълнител на наказанието на прелъстителя, образът на Командора се явява необходимото за сюжета препятствие, което Дон Жуан не може да премине. В този смисъл фигурата му съставлява съществена част от историята за прелъстителя и поради това заслужава самостоятелен преглед. На менение сме, че подобно на фигурата на Дон Жуан, тази на Командора търпи своеобразни трансформации във времето, като особено любопитни са те през първата третина на XIX в. Настоящата работа ще се съсредоточи върху превъплъщенията на фигурата на Командора в поемата „Дон Жуан” на Джордж Гордън Байрон.

Едната от причините да се спрем на творбата на Байрон е, че обикновено критиката не разглежда поемата като част от продукцията на тема Дон Жуан. Другата е, че смятаме, че с „Дон Жуан” Байрон дава

оригинална интерпретация на вече придобилите популярност образ и сюжет, като с това отваря пътищата пред бъдещите трактовки. Подобна трактовка например представлява пиесата „Каменният гост” на Пушкин, която продължава идеи, заложили от преди това в поемата на Байрон.

При предстоящия анализ последователно ще бъдат разгледани трансформациите на фигурата на Командора в поемата.

„Дон Жуан” на Байрон

В изследването си върху проблема за Дон Жуан в литературата Лио Уайнстейн твърди, че в поемата на Байрон са изчезнали почти всички традиционни за сюжета елементи и персонажи, например фигурите на слугата, на Доня Ана, Елвира и Командора (Weinstein 1959: 79). Поради това той разглежда поемата като стояща встрани от основните литературни произведения по темата, като в изследването си ѝ отделя едва три страници.

На мнение сме, че Байрон разчупва предходните представи и интерпретативни подстъпи, под формата на които преди това е бил представян сюжетът, като ни предлага една своеобразна роматическа разновидност на образа на Дон Жуан. Първото, което прави впечатление в поемата е различният подход при интерпретирането на сюжета. За разлика от дотогавашните разработки, които представят прелъстител в зряла възраст, английският поет изобразява формирането и израстването на персонажа. Това, което отличава неговия Дон Жуан в отношенията му с жените е, че обикновеноне той, а те са активната страна. Последното дава основание на Уайнстейн да смята, че ако се изключи заглавието, поемата на Байрон вероятно не би била мислена като принадлежаща към литературната продукция на тема Дон Жуан (Weinstein 1959:79).

Склонни сме да смятаме, че макар на пръв поглед сюжетът в поемата (доколкото бихме могли да говорим за такъв) да се отдалечава от общоприетата представа, в нея присъстват голяма част от традиционните сюжетни елементи и персонажи, включително фигурите на слугата и Командора.

Особено колоритни са имплицитно представените тук вариации на фигурата на Командора. Тук е мястото да отбележим статията на Роксана Кручану „Митът за Командора в легендата за Дон Жуан и неговата реинтерпретация при „Дон Жуан” на Байрон”, в която изследователката открива в поемата на Байрон три разновидности на фигурата на Командора – Дон Алфонсо, пиратът Ламбро и херцогиня Фиц-Фълк, всяка от които по специфичен начин реинтерпретираща традиционния образ (Crucianu 2014).

Първата песен от поемата проследява израстването на младия Дон Жуан и прелъстяването му от по-младата и омъжена приятелка на майка му, Доня Юлия. Една вечер по-възрастният и ревнив съпруг на Доня Юлия, Дон Алфонсо, решава да изненада жена си в стаята ѝ, където се натъква на Дон Жуан. Следва схватка, в края на която младият прелъстител се измъква, оставайки без дрехата си (I, 186) (Байрон 1986: 78).

Традиционната за сюжета сцена с промъкването на Дон Жуан в стаята на момичето, което се кани да преклещи и последвалия след това дуел с Командора в поемата получават своеобразна интерпретация. Тук мотивът е видоизменен – Дон Алфонсо е не баща, а съпруг на Доня Юлия (каквото ще бъде по-късно и убитият от Дон Жуан съпруг на Доня Ана от малката трагедия на Пушкин). И макар дуелът да приключва благополучно и за двете страни – нещо нетипично за традиционния сюжет, имаме основание да мислим фигурата на Дон Алфонсо като своеобразна вариация на образа на Командора. Ясно отчетлива е шеговитата и иронична закачка от страна на Байрон при пресъздаването на дуела, при който Дон Жуан остава без дрехи. В случая можем да говорим за своеобразно принизяване и пародирание на популярния и превърнал се в традиционен за сюжета елемент на дуела. Зад плаща на пародията и комизма, обаче прозира тънката сатирична нотка на Байрон, целяща да изобличи тогавашните човешки нрави и порядки. Последното твърдение е в унисон с един от възприетите от критиката начини да бъде мислена поемата, а именно като социална сатира (Wood 1971).

В по-нататъшната смислова част от поемата, каквато формират следващите три песни, присъства друга вариация на образа на Командора, този път в лицето на пирата Ламбро. След като връзката между Дон Жуан и Доня Юлия бива разкрита, последният бива изпратен на пътешествие (I, 190, 191; II, 8, 9) (Байрон 1986: 79; 90), по време на което се появява буря, която го отвежда до брега на непознат остров. На острова той бива открит и спасен от гъркинята Хайди (II, 112) (Байрон 1986: 116). Тя е дъщеря на местния владетел – пиратът Ламбро. По време на отсъствието на Ламбро от острова, пламва любовта между двамата. Минава дълго време, като всички смятат пирата за загинал, поради това устройват

продължителни увеселения. Сред празненствата и шума Ламбро незабелязано се завръща на острова (III, 21-23) (Байрон 1986: 148) и изненадва Дон Жуан и Хайди (IV, 35) (Байрон 1986: 151). Дон Жуан се опитва да я защити, но пиратът го заплашва първо с моряците си, след което и с пистолета си (IV, 40) (Байрон 1986: 185). Хайди застава пред Дон Жуан (IV, 42) (Байрон 1986: 185), но посредством хората си, Ламбро изтръгва прелъстителю от гъркинята (IV, 46, 47) (Байрон 1986: 186). Непосредствено след това Дон Жуан бива качен в трюма на пиратския кораб (IV, 50, 51) (Байрон 1986: 187), за да бъде продаден по-късно като роб.

Макар тази сцена на пръв поглед да няма общо със сюжета, ако погледнем по-внимателно, в нея бихме могли да открием вариация на образа на Командора и в частност на този, така характерен за традиционния сюжет епизод със схватката между Командора и Дон Жуан. Представената тук вариация на образа се отличава от своя прототип с това, че представлява негов своеобразен антипод. Вместо да се притече на помощ на дъщеря си, какъвто е случаят с традиционния сюжет, пиратът напада влюбените.

Образът на Командора, такъв, какъвто го познаваме от творбите на Молина и Моцарт-Да Понте, не случайно носи титлата командор. Той е човек с висок военен ранг и авторитет, които е получил заради заслугите си. Проявява се като доблестен мъж, който държи на честта на семейството и особено на тази на дъщеря си. В противовес на това Ламбро представлява негова пълна противоположност. Той е пират, който изкарва прехраната си с обири, търговия с роби и убийства (II, 127; III, 14-17) (Байрон 1986: 119; 146-147). Олицетворение на самия грешник, Ламбро не може да осъществи преминаването на Дон Жуан в Ада, както изтъква и Роксана Кручану (Cruceanu 2014: 171). Друг е въпросът, че прегрешенията на Дон Жуан не са и толкова големи за подобно наказание. За сметка на това, фигурата на пирата способства засилването на напрежението, а продаването на Дон Жуан като роб – разгръщането на действието.

Посочените качества отличават Ламбро от традиционния образ на Командора. Въпреки това, сюжетната ситуация и своеобразният дуел между пирата и прелъстителю дават основание персонажът да бъде мислен като разновидност на образа на Командора.

Характерно за поемата на Байрон е редуването на разнообразни картини и сцени – от комични и идилични до трагедийни и сериозни. Това дава основание да мислим сцените с пирата Ламбро в два плана: като способстващи смяната на предишната идилична атмосфера с тази на изпълнени с напрежение картини, но едновременно с това и като задвижващи действието и благоприятстващи последвалите пътешествия на Дон Жуан. Всичко това превръща фигурата на Ламбро и сцените, в които участва в катализатор, способстващ промяната на модуса на повествованието. Дуелът с пирата се явява и своеобразна завръзка на произведението, подобно на завръзката следхождаща дуела между Дон Жуан и Дон Алфонсо. Поради това има съществена роля за идейния замисъл на поемата. Фигурата на Ламбро, от своя страна, представлява оригинална трактовка на образа на Командора и като такава буди интерес във връзка с развитието на образа.

В цитираната по-горе статия Кручану посочва трета разновидност на образа на Командора в поемата. Този път в лицето на херцогиня Фиц-Фълк, която се промъква в стаята на Дон Жуан, за да го прелъсти. Според изследователката, с тази трета вариация на образа на Командора Байрон обогатява сюжета за Дон Жуан, като вместо да изпрати прелъстителю в Пъкля, осъществява неговото своеобразно „еротично бягство” от наказанието. Всичко това, продължава Кручану, свидетелства за желанието на Байрон „да заиграе” с морализаторското послание от последната сцена от легендата (Cruceanu 2014: 171-172). Първоначалната поява на маскираната като монах с качулка Фиц-Фълк пред Дон Жуан (XVI, 21-24) (Байрон 1986: 508-508), последвалото ѝ нахлуване в стаята му и разкриването ѝ (XVI, 112-123) (Байрон 1986: 532-535), могат да послужат като подкрепа на твърдението на Кручану, като дават основание херцогинята да бъде мислена като своеобразна разновидност на образа на Командора. Тези две сцени с Фиц-Фълк привнасят напрежение и интрига, в иначе забавения от предходните песни темпоритъм на повествованието. От друга страна представляват оригинална трактовка на финалните части на вече познатия сюжет, като обогатяват възможностите пред по-нататъшните литературни разработки.

Като обобщение на предложения анализ можем да кажем, че в поемата на Байрон се наблюдава мултиплициране на фигурата на Командора, като представените тук вариации на образа са противопоставени една на друга. В единия случай сцената с дуела между Дон Жуан и Дон Алфонсо е пародийно принизена, в другия, при схватката с Ламбро – изключително напрегната. И в двата случая сцените рефлектират върху темпоритъма на повествованието, като предпоставят по-нататъшните пътешествия на персонажа. Образът на Херцогиня Фиц-Фълк бихме могли да мислим като оригинална,

макар и отдалечаваща се от традиционната представа и функция на Командора, негова романтическа разновидност, даваща възможност за нова трактовка на добилия вече популярност сюжет – възможността за „еротично бягство”, пред традиционното до този момент наказание на прелъстителя.

Направеният анализ на трансформациите на фигурата на Командора в „Дон Жуан” на Байрон показва близостта на поемата до традиционния сюжет за прелъстителя, но едновременно с това и оттласкването ѝ от същия, предвид иновативните стратегии при интерпретирането на темата. Вариациите на образа на Командора в поемата на Байрон способстват за популяризирането на сюжета като обогатяват възможностите пред по-нататъшните трактовки. Това превръща поемата в съществена част от развитието на сюжета за Дон Жуан.

Bibliography

Байрон, Д. (1986), *Дон Жуан*, Ред. А. Шурбанов, Пред. С. Хаджикосев, Прев. Л. Любенов, София: Народна култура.

Cruceanu, Roxana (2014), The Myth of the Commendatore in the Don Juan Legend and its reinterpretation in Byron's "Don Juan" – *Revista Academiei Fortelor Terestre* Nr. 2 (74), pp. 168-175.

Weinstein, Leo (1959), *The Metamorphoses of Don Juan*. Stanford, California: Stanford University Press.

Wood, Gerald (1971), *Byron's Don Juan: A Study in the Structure of Its Satire*. University of Florida.

Perla Bartalošová

Ludovít Štúr Institute of Linguistics of the Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia
p.bartalosova@gmail.com

Príručný slovník anglicizmov pre slovenských seniorov¹

In the study I present the forthcoming Handleable Dictionary of anglicisms for Slovak seniors. I inform about the conditions of its occurrence. I present the general characteristic the Dictionary, the basics of Dictionary processing and its type and purpose. I explain his composition respectively what types of words were included in the Dictionary. Based on specific password, I represent the construction of a password in the Dictionary.

Key words: Dictionary, Slovak seniors, Anglicisms.

Úvod

V nasledujúcom príspevku predstavujem *Príručný slovník anglicizmov pre slovenských seniorov*, ktorý vznikol ako sprievodný výsledok výskumu mojej dizertačnej práce s názvom *Jazyk seniorov z hľadiska sociolingvistiky*. Vytvorenie daného slovníka vyplynulo z jazykovej potreby tých seniorov, ktorí sa zúčastnili môjho výskumu. Predmetný slovník je lexikografickým spracovaním anglicizmov zo súčasného slovenského jazyka, ktorý má plniť účel praktického „príručného“ alebo „vreckového“ výkladového slovníka anglicizmov predovšetkým pre starších ľudí.

Anglicizmy sa spájajú skôr s jazykom mládeže, avšak sú súčasťou aj každodenného života iných vekových kategórií. Nachádzajú sa totiž na obaloch potravín, v reklamách, v jedálnych lístkoch v rôznych reštauráciách, na informačných tabuľkách. Ak im ľudia nerozumejú, ich život je sťažený. Cieľom *Príručného slovníka anglicizmov pre seniorov* je preto nielen uľahčiť komunikáciu slovenských seniorov s ich mladšími používateľmi jazyka, ale aj ich každodenný život. Priblížením anglicizmov seniorom by im zároveň mohli začať rozumieť, čiže by pre nich neboli kognitívne cudzie a možno by ich mohli začať vnímať ako súčasť ich diferencovanej normality.

V súčasnosti sa môžeme stretnúť so *Slovníkom cudzích slov (akademický)* z roku 2005, ktorý obsahuje cudzie slová zo všetkých jazykov. Lexikálna zásoba je však najdynamickejší systém jazyka a vzhľadom na jazykové zmeny, ktoré nastali v 21. storočí, už daný slovník nedokáže zachytiť anglicizmy, ktoré sa k nám pri rýchlom (hlavne technologickom) vývoji postupne dostávajú. Z tejto oblasti je potrebné spomenúť aj väčší projekt lingvistov na Prešovskej univerzite, ktorí pripravujú *Slovník slovenských neologizmov* (Ološtiaková, Lucia). V súčasnosti však vnímam deficit na slovník anglicizmov² pre slovenských seniorov. Pri deficite na publikáciu približujúcu anglicizmy seniorom pritom nemám na mysli veľký slovník anglicizmov obsahujúci tisíce hesiel, ale príručný slovník, čiže slovník vreckového formátu, aby ho seniori mohli mať stále pri ruke.

Na základe môjho predchádzajúceho dizertačného výskumu, v ktorom som sledovala jazyk seniorov a sústredila sa aj na ich jazykové potreby, si myslím, že práve pre staršiu skupinu používateľov jazyka bude táto publikácia prínosná. Pri tejto myšlienke pri tom nadväzujem na S. Ondrejoviča (2014: 54), ktorý uvádza, že v Rakúsku vyšiel v roku 2009 Anglicko-nemecký slovník pre seniorov *Wörterbuch für Senioren. Englisch – Deutsch*. V ňom sa uvádzajú nemecké ekvivalenty základných výrazov anglického pôvodu, s ktorými sa rakúski seniori v bežnom živote stretávajú najčastejšie. Je to slovník, v ktorom sa „prekladajú“ a vysvetľujú základné pojmy z oblasti a) počítačov (*hoax/houks/, spam/spem/, zoom/zum/*), b) televízie a rozhlasu (*casting*), c) životných potrieb atď. Hoci lexikograficky ide o amatérske dielo, pripravili ho pedagógovia a študenti Vyššej spolkovéj

---

¹Výskum vznikol v rámci grantu Jazykovedného ústavu Ludovíta Štúra SAV v Bratislava: *VEGA 2/0014/19 Diskriminačná inštrumentalizácia jazyka a v rámci grantu Katedry slovenského jazyka Filozofickej fakulty Univerzity Komenského: APVV-18-0176 Sociálna inklúzia kultiváciou používania jazyka.*

²Anglicizmy môžeme na základe *Súčasného slovníka slovenského jazyka* (2006) definovať ako jazykový prvok (slovo, výraz, syntaktickú konštrukciu) prevzatý z angličtiny do iného jazyka.

školy pre ekonomické odbory, príručka zožala neobyčajný úspech. Vydavatelia museli opakovane doplniť náklad (Ondrejovič 2014: 54).

Všeobecná charakteristika slovníka

Typ a cieľ slovníka

Cieľom *Príručného slovníka anglicizmov pre seniorov* je priblíženie najpoužívanejších anglicizmov zo súčasného slovenského jazyka s výstižnými výkladmi významu jednotlivých heslových slov s relevantnými gramatickými údajmi.

Slovník je určený všetkým seniorom zaujímavujúcich sa o význam anglicizmov v slovenčine. Mám pri tom na mysli bežných používateľov jazyka. Slovník je teda určený aj ľuďom bez vyššieho vzdelania. Ide o výkladový, resp. prekladový slovník, keďže každá heslová stať obsahuje aj anglické slovo, z ktorého anglicizmus pochádza. Slovník nemá normatívny, kodifikačný charakter, ale je určený pre bežných používateľov jazyka a plní informačnú funkciu.

Kompozícia slovníka – Ako v slovníku hľadať

Slovník obsahuje cca 400 heslových slov – anglicizmov, ktoré sú rozdelené abecedne podľa tematických oblastí, s ktorými sa spájajú. Najpotrebnejšími tematickými oblasťami, ktoré sú súčasťou každodenného bytia ľudí, sú potraviny, nápoje, zdravie, či drogéria, avšak slovník obsahuje aj oblasť hudby, literatúry či anglicizmy, ktoré sa spájajú skôr so svetom mladých ľudí, keďže jedným z cieľov predkladaného príručného slovníka je zľahčiť komunikáciu seniorov s ich mladšími komunikačnými partnermi.

Na uľahčenie vyhľadávania jednotlivých hesiel sa na začiatku *Príručného slovníka anglicizmov pre seniorov* nachádza zoznam hesiel podľa tematických skupín s číslami strán, kde sa príslušné heslá nachádzajú.

1. Cestovanie

strana 16
airbnb [erbiémbí]
barbecue [bárbikjú] *neskl. s.*
booking [búking] *-u m.*
booknúť [búknúť]
botel-a L *-im.*
bus *-u/-a m.*
check-in [ček-in] *nesklon. m.*
couchsurfing [kaučsurfing] *-u m.*

Strana 16
doubledecker [dabledeker] *-a. mn.*
doubledeckry *m.*
day [dej] *nesklon. m.*
geocaching [geokoučing] *-u m.*

strana 17
holiday [holidej] *neskl. s.*
jet lag [džetleg] *neskl. m.*
just married [džastméri] *neskl. kešneskl. m.*
mayday [mejdej] *neskl. s.*
steward-a *m.*
tiket-*u m.*
voucher [vaučer] *-u m.*
welcome [velkam] *neskl.*

Ukážka zo slovníka z vybraných tematických oblastí:

Cestovanie

Anglicizmus	z anglického slova + preklad	Význam
barbecue [bárbikjú] neskl. s.	z angl. barbecue – grilovačka	1. piknik v prírode, pri ktorom sa opeká mäso na špeciálnom zariadení, hovorovo grilovačka, posedenie spojené s grilovaním. 2. mäso upečené na ražni alebo rošte
doubledecker [dabledeker] <i>-a</i> mn. doubledeckry m.	z angl. double – dvojitý, deck – poschodie, plošina	dvojposchodový autobus, typický pre Veľkú Britániu – Londýn

Ekonomika

Anglicizmus	z anglické hoslova + preklad	význam
IBAN skr.nesklon. m.	skratka z angl. International – medzinárodný + Bank – bankový + Account – účet + Number – Číslo	Medzinárodné číslo bankového účtu používané pri transakciách v rámci EÚ, ktoré má rovnakú štruktúru vo všetkých krajinách. Príklad IBAN štátnej pokladnice: SK4381800000007000001494.
internet banking [internet benking] – u m.	z angl. Internet – internet + Banking – bankovníctvo	Prístup k účtu cez internet. Cez internet banking sa dajú posielat' peniaze z účtu na druhý účet. Je možné cez internet banking platiť účty, kontrolovať si všetky pohyby na účte.

Nápoje

Anglicizmus	z anglického slova+ preklad	význam
coffee break [kofibrejk] -um.	z angl. coffee – káva + break – prestávka	kávová prestávka (obyčajne na spoločenských podujatiach)
coffee to go [kofitúgou] neskl.	z angl. coffee – káva + to go – na cestu	ide o službu, keď si môžete kúpiť kávu a dajú vám ju so sebou, na cestu, obyčajne v plastovom poháriku. Nepijete ju teda na danom mieste, v kaviarni.
energy drink [enerdži drink] -um.	z angl. energy – energia + drink – nápoj	nealkoholické nápoje, obyčajne s vysokým obsahom kofeínu, taurínu či vitamínov, ktoré majú stimulačný efekt a zvyšujú energiu a fyzickú aktivitu konzumenta.
fruit juice [fruit džús] - um.	z angl. fruit – ovocie + juice – džús	ovocný džús

Stavba hesla

Heslá, ktoré zachytávam v slovníku pre seniorov, sú štruktúrované v tabuľke s niekoľkými atribútmi (stvárnenými v samostatných stĺpcoch tabuľky).

V prvom stĺpci uvádzam anglicizmus aj s jeho výslovnosťou v hranatých zátvorkách (napr. live [lajv] neskl. prísl.). Heslové slovo alebo anglicizmus stojí na začiatku heslovej state a je zvýraznené tučným typom písma. Uvádza sa v základnom pomenúvacom tvare. Po jednotlivých heslách v prvom stĺpci sa nachádza prípona v genitíve jednotného čísla, napr. -a, -u. V niektorých prípadoch sú uvedené aj problémové prípony v rôznych pádoch, napr. v nominatíve množného čísla – *N mn.* (kto, čo), v datíve – *D* (komu, čomu), v lokáli – *L* (o kom, o čom), v inštrumentáli – *I* (s kým, s čím). V prípade, ak ide o nesklonné slovo, pri hesle sa nachádza skratka neskl. Na záver hesla v prvom stĺpci je uvedený rod daného pojmu, napr. *m.* – mužský rod, *ž.* – ženský rod, *s.* – stredný rod. Ak ide o skratku, tak pri hesle je uvedená skratka *skr.* V prípade, ak heslo nie je podstatným menom, príslušný slovný druh je označený skratkami: *príd.* – prídavné meno (bajkový *príd.* – bicyklový, cyklistický), *prísl.* – príslovka (live [lajv] neskl. prísl. – naživo, živé vysielanie).

V druhom stĺpci uvádzam anglické slovo, z ktorého anglicizmu spochádza – aj s prekladom daného slova (z angl. live – živý, naživo).

Napokon v treťom stĺpci uvádzam výklad anglicizmu (vysielanie naživo). Vo výkladoch rátam s tým, že adresáti slovníka sa s anglickým jazykom, resp. novou technikou často nikdy nestretli. Usilujem sa preto o zrozumiteľné vysvetľovanie. Pri lexikografickom spracovaní vychádzame z odbornej literatúry (porov. Orgoňová – Bohunická 2012).

Ak sa v niektorom výklade významu nachádza tento znak ☞ - znamená to, že slovo sa v slovníku nachádza ako osobitné heslo, treba ho hľadať v tematickej oblasti, do ktorej patrí. Napr. *display*☞ – treba vyhľadať v oblasti informatika - počítače.

Pri uvádzaní gramatickej charakteristiky, či významu vybraných heslových slov som vychádzala primárne z prvých zväzkov *Slovníka súčasného slovenského jazyka* (ďalej len SSSJ), ktorý však nie je považovaný za kodifikačnú príručku. Daný slovník zatiaľ vyšiel v troch zväzkoch spracovávajúcich heslá so začiatočným písmenom: A-G, H-L, M-N. Ide o najnovší výkladový slovník. Keďže anglicizmy sú predovšetkým nové jednotky v jazyku, ktoré v nejednom prípade ešte nie sú adaptované, veľakrát ich ostatné kodifikačné príručky, napr. *Krátky slovník slovenského jazyka*, ale ani spomínaný SSSJ neobsahujú, a preto ich gramatická charakteristika bola problematická.

Zber materiálu

Heslá zo slovníka som získavala tri roky (od roku 2015 do roku 2018), a to rôznymi spôsobmi. Časť anglicizmov pochádza od študentov a študentiek slovakistiky z hodín Lexikálnej interpretácie textu, čiže som ich nazbierala počas mojej pedagogickej praxe. Ďalšie anglicizmy som získala pozorovaním, napr. v Bratislave pri prechádzke v meste so sledovaním anglických nápisov, informačných tabúl.

Na záver

Predkladaný príspevok mal za cieľ predstaviť *Príručný slovník anglicizmov pre slovenských seniorov*. Na záver vyslovujem nádej, že predmetný slovník splní svoj cieľ a uľahčí komunikáciu slovenských seniorov s ich mladšími používateľmi jazyka a aj ich každodenný život.

Bibliography

Ondrejovič, Slavomír (2014). Homo loquens v čase globalizácie. In: *Registre jazyka a jazykovedy (I): na počesť Daniely Slančovej*. Prešov, Prešovská univerzita v Prešove.

Orgoňová, Oľga. – Bohunická, Alena (2012), *Lexikológia slovenčiny. Učebné texty a cvičenia*. Praha, Columbus.

Kačala, Ján – Pisárčiková, Mária – Považaj, Matej a kol. (2003), *Krátky slovník slovenského jazyka*. Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Buzássyová, Klára – Jarošová, Alexandra a kol. (2006), *Slovník súčasného slovenského jazyka. A – G*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Buzássyová, Klára – Jarošová, Alexandra a kol. (2006), *Slovník súčasného slovenského jazyka. H – L*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Buzássyová, Klára – Jarošová, Alexandra a kol. (2006), *Slovník súčasného slovenského jazyka. M – N*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Wörterbuch für Senioren. Englisch – Deutsch. Klagenfurt 2009.

Мария-Лия Борисова

Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria
liqborisova@abv.bg

Семиостилистични особености в романа „Възвишение” на Милен Русков

The semio-stylistic codes in the novel Summit by Milen Ruskov are represented by some examples in the phonetic, lexical, phraseological, morphological, syntactic and stylistic levels. Is presented the hypothesis that with the help of the semio-stylistic features in the text of the novel was successfully recreated a part of the specifics of the Bulgarian National Revival language.

Keywords: Bulgarian language, semio-stylistic codes, Bulgarian National Revival

Романът „Възвишение” на Милен Русков е издаден през 2011 г.. В текста е проследено случилото се по време и след обира в Арабаконак (проход в Западна България) през 1872 г. Разказът се води от името на главния герой Гичо. Езикът, използван в романа, не се придържа към съвременните норми на българския книжовен език, защото погледът е обърнат към спецификите на езика на Възраждането.

С помощта на семиостилистичните особености в текста на романа успешно е пресъздадена част от спецификите на възрожденския език. Тази хипотеза може да бъде проверена с помощта на анализа на емпиричния материал по модела, използван от Гергана Дачева в „Стилистични кодове на комичното” (Дачева 2002).

Семиостилистичните кодове в романа „Възвишение” са представени чрез някои примери на фонетично, лексикално, фразеологично, морфологично, синтактично и стилистично ниво. Трябва да бъде направена уговорката, че моделът на Г. Дачева не е приложен изцяло, защото настоящото изследване не цели изчерпателност, а само да представи част от рамките на дисертационния труд, посветен на проблема.

На фонетично ниво често се наблюдава липсата или промяната на знака. Чрез този похват се създава усещането за автентичност. Диалектното кодиране също подпомага реализирането на целта, като чрез него се изгражда една паралелна езикова реалност. Най-честите фонетични промени, които се срещат, са свързани с редуцията на гласни и елизията на съгласни звукове. В примера: „...ила, че ми трябаш!” (Русков 2011:9) се наблюдава редуция на предната гласна *e*. Тя е специфична за източните български говори. Елизията в непреходния глагол от несвършен вид *трябвам* във второ лице, единствено число отново отправя към диалектните специфики на разговорната реч, които са били актуални по времето на Възраждането. Палатализация на съгласните в красловието на думите допълва усещането за автентичност: „Ами аз мисля, бачо Гичо, кат’ сме тръгнали за такава работа като нашта, да го кръстим...” (Русков 2011:12).

Интересна е формата, която се употребява, когато авторът използва възвратната частица *се*. В нея е използван рефлекс на *л* – *я*: „Та ся спрях и дълго го изгледах, докато ми ся запечата в умът...” (Русков: 2011:129). В текстове от третата четвърт на XIX в. такава употреба на формата е отразена. Тя не е произволно създадена, за да отговори на нуждите на текста.

Лексикалните особености са пример за трансформативните ментални процеси, отразени на езиково равнище. Употребата на чужда лексика в процеса ѝ на асимилация представя трудностите, свързани с осмислянето и уместното ѝ използване, пред които е бил поставен българинът по време на Възраждането. Този проблем е отразен в текстове, създавани в тази епоха. В сатиричната пиеса „Криворазбраната цивилизация” на Добри Войников, публикувана през 1871 г., една от главните героини често изпитва затруднения при изговарянето на думи от чужд произход. Милен Русков е обърнал внимание на този проблем и ясно го е отразил в текста си. Във „Възвишение” се откриват примери за чуждици, навлезли от френския език: „— А, хубаво направи — рече той. — Прибери го тоз рибо... револв... револвер. — Ливорвер — поправих го аз. Ще го науча да го казва.” (Русков 2012:206). Изразът „поправих го аз” може да се чете като поредния маркер на Възраждането в контекста на идеята за различните езикови норми, съществуващи по това време. Употребата на асимилирана чужда лексика от гръцки, персийски и латински език в израза: „Насякъде далавери, търгаши, содомисти.” (Русков 2012:251) свидетелства за различните културни влияния, които пряко са се отразили в речника на българина. Високата честота на

употребата им само в едно изречение може да бъде приета като пример за семиостилистичен код, отправящ към различни рецептивни нива в съзнанието на читателя.

На фразеологично ниво се откриват примери, които свидетелстват за употребата на знака в стилистиката на разговорната реч като маркер за устойчивото му декодиране. Чрез тяхната употреба езикът на текста звучи по-близък и разгадаем за читателя в ролята му на носител на българския език. Използвани са фразеологизми, които успешно функционират и в съвременната реч: „От едната гола клюка. Дори да има нещо истина в нея, от мухата слон правят.” (Русков 2012:214), „Там му бил фърлен пъпът.” (Русков 2012:216), „А все ся ти към сладкото накланяш, като муха на мед.” (Русков 2012:406).

В ролята им на семиостилистични кодове фразеологизмите функционират като мост между отминалата епоха и съвременното, на чиято основа в съзнанието на съвременния читател се изгражда усещането за достоверност. Езикът на текста трябва да звучи автентично във време, в което той вече не съществува по начина, по който е съществувал преди. За да не бъде отхвърлен, както и идеята, която носи да остане неразбрана, авторът често употребява примери, които да дадат на читателя усещането за плавен преход между спецификите на уподобените възрожденскивербални кодове и актуалното езиково състояние. Без тези семиостилистични мостове, носещи кодовете на връзката между минало и непреходност, цялостната концепция на текста би изгубила значение.

На морфологично равнище езикът отново отправя към моделите на Възраждането. Той е експресивно натоварен. Патетичното звучене е един от разпознаваемите кодове на епохата, с чиято помощ се подсилва усещането за достоверност. Употребени са експресивни и неутрални глаголи – експресивни: „развява”, „свива”, „подтисна”, „отърве”; неутрални: „виждам”, „люлеят”, „рекох”, „преминава”. Открива се многократната употреба на съществителното име *брат* в звателна форма: „брате”, „братя”. Прилагателните имена също са силно експресивно натоварени при описанието на природата и емоциите на героя: „светът е много хубав”, „нежна младост мечтата”, „хватка му е желязна”, „мъчна безпътница”.

Синтактичните особености също свидетелстват за динамика. В ролята им на семиостилистични кодове те подпомагат реализирането на идеята за пресъздаване на спецификите на възрожденските вербални кодове. Само в рамките на един абзац се наблюдават употреба на безглаголни изречения, редуване на сложни изречения с прости с цел създаване на динамика, наличие на инверсия, която се среща често в разговорната реч: „Наоколо цяла поляна празна, а аз реших баш оттам да мина. Защо? Убий ма, не мога ти каза! Видя ми ся естествено. И като му прескачах поводите, конят ся уплаши и дръпна назад — кое е наистина най-естествено нещо, — поводите му ся изпънаха и изведнаж дигнаха нагоре, аз ся спънах като прерязан и паднах на един остър камък, кой от земята стърчи, макар че ся едва види, и като паднах, разбих си баш коляното в ръба му.” (Русков 2012:98) .

На стилистично ниво впечатление прави употребата на интертекстуалните похвати. Изразът: „Суета сует и сичко е суета!” (Русков 2012:290) отправя към Стария завет. Специфичен за Българското възраждане е връзката с християнската религия. Чрез употребата на израза се подсилва усещането за автентичност на изказа. Открива се пример за диалог на ризоматично отворените светове. В книгата си „Семиостилистични кодове” Дачева твърди, че такъв тип връзки предлага особени пресечни точки, в които не просто отделни думи, образи или мотиви, а и съществуващи (при това запомнящи се) стилистични кодове на определени автори се пресичат – също по запомнящ се начин – като очевидно се разчита именно на точките на пресичане (Дачева 2001:158), В текста на Русков има ясен пример на това явление: „Наш народ ся образова и възвисява не с дни, а с часове.” (Русков 2012:277) в диалог с Вазовата ода „Каблешков“: „И в няколкодена тайно и полеканародътпорасте на няколко века!”. В съзнанието на поколения българистихът от текста на Вазовфункционира като код на Възраждането. По този начин читателятполучавапоредния аргумент на базата, на който да се довери на текста на романа в ролятаму на адекватен пример за спецификите на възрожденскитевербалникодове.

Краткият преглед на семиостилистичните особености в романа „Възвишение” на Милен Русков доказва хипотезата, че те подпомагат изграждането на език, който успешно да уподобява спецификите на Възраждането. Тази цел се реализира на когнитивно и емоционално ниво.

Bibliography

- Дачева, Гертана (2001), Семиостилистика Сепарш.
Дачева, Гертана (2002), Стилистични кодове на комичното; Сепарш.
Русков, Милен (2012) Възвишение; Жанет 45.

Nekatere normativne zadrege sodobnega uporabnika jezika

The article presents the threefold concept of the norm in standard language and its relation to codification, where codification is understood as the acceptance and record of the norm in the reference books. By the modern user of the Slovene language, normative problems are created when generating texts, which can not be resolved with the help of existing reference books or the information in them is contrary to experience and expectations of the user. In resolving normative problems Language Advisory Service of the Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language can help. The article deals with some normative problems that are created by the user and are not normative from the point of view of the reference books. The article compares their treatment in the reference books and Advisory Service and, through the analysis of the corpus, represents their extension in modern use.

Keywords: norm, normative problems, user, Advisory Service, usage

Sodobni jezikovni uporabnik se pri tvorjenju besedil srečuje z vprašanji jezikovne pravilnosti in ustreznosti – srečuje se z normativnimi zadregami. Ob tem se vzpostavlja razmerje med uporabnikom, kodifikacijo in knjižnojezikovno normo. Razumevanje razmerja med knjižnojezikovno normo in kodifikacijo je bistveno za razumevanje nastajanja normativnih zadreg.

Knjižnojezikovno normo določajo tri sestavine, in sicer (1) jezikovni sistem, (2) jezikovna raba in (3) jezikoslovno uravnavanje (Verovnik 2005: 111).

Sistem jezika je ogrodje jezika, ki mora ostajati čim bolj nespremenljivo in v trikotniku (sistem – raba – norma) predstavlja najtrdnější vogal trikotnika, saj spremembe v sistemu potekajo zelo počasi (Verovnik 2005: 112).

Jezikovna raba pomembno regulira knjižnojezikovno normo in jo moramo ugotavljati na vseh jezikoslovnih ravneh. Nosilci splošne rabe so tisti tvorniki besedil, ki jim širše okolje priznava kultiviranost izražanja in najbolj vplivajo na jezikovno rabo in prek nje na (pre)oblikovanje norme kultiviranega izražanja (Verovnik 2005: 112–113).

Jezikovno uravnavanje, ki predstavlja tretji vogal trikotnika, je neposredno uzakonjenje oz. kodifikacija norme v temeljnih jezikovnih priročnikih in posredno delovanje v obliki jezikovnega svetovanja, pomožne jezikovne literature ipd. (Verovnik 2005: 113).

Norma se v prepletu jezikovnega sistema, rabe in zunajjezikovnih dejavnikov nenehno spreminja. Ekspliciten zapis norme v priročnikih pomeni kodifikacijo (Verovnik 2005: 113–114).

Pri uporabniku jezika se lahko pri tvorjenju besedil vzpostavljajo normativne zadrege. Razumevanje izraza normativne zadrege povzemam po H. Dobrovoljc in S. Kreku, ki navajata, da so normativne zadrege »vsaj tista mesta v jezikovnem sistemu, ob katerih je uporabnik jezika oz. govorec negotov« (2011: 90).

Jezikovni uporabnik si pri razreševanju normativnih zadreg lahko pomaga z normativno informacijo v obstoječih normativnih priročnikih, če pa jih s to informacijo ne more razrešiti ali pa ta ni v skladu z njegovimi izkušnjami in pričakovanji, lahko rešitev za svojo zadrego išče tudi v spletnih jezikovnih svetovalnicah. Normativna zadrega je tako vsako vprašanje, ki ga zastavi uporabnik, ne glede na vzrok zadrege. Spletne svetovalnice so lahko zastavljene v obliki pogovornega/forumskega ali nepogovornega/neforumskega načina posredovanja odgovorov. Neforumski način svetovanja je značilen za Jezikovno svetovalnico Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša pri ZRC SAZU (v nadaljevanju Jezikovna svetovalnica).

Jezikovna svetovalnica je oblika jezikovnosvetovalne dejavnosti, ki odgovarja na konkretna jezikovna vprašanja uporabnikov, torej vsebine svetovalnice niso predvidene vnaprej, temveč sproti kot odzivi skupine raziskovalcev na vprašanja uporabnikov. Jezikovna svetovalnica s svetovalno dejavnostjo posredno deluje na jezikovno uravnavanje, tj. enega treh gradnikov knjižnojezikovne norme, zaradi svojega uradnega oz. institucionaliziranega položaja ter jezikovno usposobljenih svetovalcev. Kot navaja Dobrovoljc, je naloga

svetovalnice pojasnjevanje in komentiranje jezikovnih zadreg, ne pa narekovanje rešitev, ki bi bile v nasprotju s prevladujočo prakso, ob tem je na morebitno odstopanje od kodifikacije utemeljeno in opozorjeno (2018).

V nadaljevanju sta prikazani normativni zadregi, ki z vidika jezikovnih priročnikov nista normativni. Predstavljena je obravnava v normativnih jezikovnih priročnikih, tj. Slovarju slovenskega knjižnega jezika (v nadaljevanju SSKJ) in Slovenskem pravopisu (v nadaljevanju SP), Jezikovni svetovalnici ter s pomočjo analize korpusa predstavljena njihovo razširjenost v sodobni rabi. Gradivni vir za analizo je korpus Gigafida.

Polvikanje

Polvikanje je jezikovni pojav, pri katerem prihaja do mešanja med edninskimi in množinskimi oblikami pri ogovarjanju posameznika. Toporišič navaja, da je polvikanje značilno »zlasti za pogovorni jezik na nekaterih področjih Slovenije [in] [r]azodeva na pol intimen ali neprizadet poslovni odnos do nižjih« (1991: 122).

SSKJ in SP obravnavata jezikovni pojav polvikanjav iztočnici *reči*. V SSKJ je zapisan zgled *ponovite, prosim, kar ste rekel, rekla*, zgledu je pripisana oznaka pogovorno. Z oznako pogovorno SSKJ označuje besede ali zveze »iz vsakdanje govorice ljudi, ki ne govorijo v narečju« (Uvod, § 132). V SP je zgled *Saj ste vi to rekla* označen s črno piko, ki zaznamuje v knjižnem jeziku prepovedano (Pravila, § 23).

Oba jezikovna priročnika označujeta jezikovni pojav polvikanja kot v knjižnem jeziku zaznamovan jezikovni pojav. Polvikanje je v slovenskem jezikoslovju znano že od slovnice *Kranyska Grammatika* Marka Pohlina iz leta 1768 (Pohlin 2003: 279, v Jelovšek 2011: 73) in za knjižni jezik kot nesprejemljivo označeno v *Windische Sprachlehre* Ožbalta Gutsmana (1777: 90, v Jelovšek 2011: 73).

V Jezikovni svetovalnici je bilo zastavljeno vprašanje, katera od dveh oblik (*pozdravljeni, ga. Darja* ali *pozdravljena, ga. Darja*) je pravilnejša v dopisu, pripisana je trditev, da nekateri trdijo, da sta pravilni obe. Na vprašanje je odgovoril Marko Snoj. V odgovoru je najprej navedeno, kako v slovenščini vikamo in s katerimi jezikovnimi sredstvi, v nadaljevanju je razloženo, katera jezikovna sredstva uporabimo pri polvikanju, in navedeno, da je polvikanje »pogovorno in družbeno sprejemljivo le v manj formalnih govornih položajih, v katerih se želimo ogovorjenemu približati za korak [...], [v z]apisanem pa učinkuje robato, kaže znake nižje jezikovne kulture in je zato za marsikoga celo žaljivo« (Snoj 2016). Odgovor ni vrednotenje jezikovnega pojava v razmerju prav – narobe, temveč primerno – neprimerno glede na okoliščine rabe.

Pri pregledovanju pojavitev v korpusu sem se omejila le na obliko polvikanja z množinskim pomožnim glagolom (*ste, boste*) ter edninske oblike deležnikov.

Iskalni poizvedbi za iskanje po korpusu sta bili:

(1) [word="ste"][tag!="," & tag!="..." & tag!="-" & tag!=":" & tag!=";" & tag!="." & tag!="?" & tag!="!"]{0,2}[tag="Ggdd-e.*"] in

(2) [word="boste"][tag!="," & tag!="..." & tag!="-" & tag!=":" & tag!=";" & tag!="." & tag!="?" & tag!="!"]{0,2}[tag="Ggdd-e.*"].

Z besedami: (1) Poišči vse korpusne pojavitve, ki vsebujejo pomožni glagol *ste* in mu od prvega do tretjega mesta sledijo deležniške glagolske pojavitve v ednini. Vmes naj ne bo ločil. (2) Poišči vse korpusne pojavitve, ki vsebujejo pomožni glagol *boste* in mu od prvega do tretjega mesta sledijo deležniške glagolske pojavitve v ednini. Vmes naj ne bo ločil.

Prva iskalna poizvedba vrne 2606 zadetkov korpusnih pojavitev, druga 1023. Med rezultati je nekaj pojavitev, pri katerih ne gre za polvikanje – po pregledu naključnih 200 pojavitev je pri prvi poizvedbi treba izključiti 14 % zgledov, pri drugi pa 9 %, število zadetkov iskalne poizvedbe moramo temu ustrezno zmanjšati. Viri pojavitev so pri obeh iskalnih poizvedbah sicer raznovrstni, po zastopanosti je največ pojavitev iz transkripcij govora v Državnem zboru, sledijo viri z interneta, med katerimi je največ komentarjev na spletu, v katerih je jezik prav tako približan govorjenemu. Še posebej pri slednjih je veliko zgledov, pri katerih ne gre za polvikanje, temveč je posledica napačnega skladenjskega označevanja, ki je posledica redukcije končnega -i.

Stavčni zgledi iz Gigafide:

1. iskalna poizvedba:

(1) *Jaz nisem rekel, da ste si vi vzela 10 minut časa, jaz sem rekel, da ste prekinila sejo za 10 minut, to je velikanska razlika.*

(2) *Zakaj ste nehal skakati tako kmalu?*

2. iskalna poizvedba:

(1) *Na lastni koži boste občutil pregovor Konec dober, vse dobro.*

(2) *Ali ste kdaj razmišljali o tem, da boste postala pilotka?*

Glede na korpusno analizo ugotavljam, da je polvikanje jezikovni pojav, ki je v rabi prisoten in značilen za govorne položaje oz. položaje, v katerih se jezik kljub pisnemu prenosniku približa govornemu.

V kolikor

SSKJ in SP obravnavata zvezo *v kolikor*, ki se pojavlja v pogojnih odvisnih stavkih, v iztočnici *kolikor*. V SSKJ je zapisan zgled *v kolikor ne poravnate računa pravočasno, vam zaračunamo zamudne obresti*, zgledu je pripisana oznaka neustaljeno. Z oznako neustaljeno SSKJ označuje besede ali zveze, »ki se kljub dosedanjim prepovedim dosti uporabljajo« (Uvod, § 157). V SP je zgled *V kolikor mi ne verjamete, vprašajte še koga* označen s krožcem, ki zaznamuje v knjižnem jeziku nepravilno (Pravila, § 23). V obeh priročnikih je naveden veznik *če*, ki je v knjižnem jeziku glede na zvezo *v kolikor* nezaznamovan.

Oba jezikovna priročnika označujeta zvezo *v kolikor* kot normativno neustrezno in v knjižnem jeziku zaznamovano. Na neustreznost in nepotrebnost zveze *v kolikor* sta opozorila tudi že Gradišnik (prim. npr. 1993: 59, 60) in Sršen (prim npr. 1998: 183) in jo prav tako kot sedaj veljavni normativni priročniki nadomeščala z veznikom *če*.

V Jezikovni svetovalnici sta dve temi, ki obravnavata zvezo *v kolikor*. Prvi uporabnik se sprašuje, zakaj zveza ni ustrezna, in navede, da SSKJ navaja, da je raba neustaljena, da pa v SP te informacije ni, kar ne drži, saj pravopis v zgledu rabe zveze uporabi normativno oznako. V skladu s tem je tudi podan odgovor Helene Dobrovoljc, da »[t]ako SSKJ kot SP 2001 zvezo *v kolikor* v pogojnih odvisnih stavkih vrednotita kot normativno neustrezno« (Dobrovoljc 2015). V nadaljevanju sta pojasnjeni oznaki neustaljeno in krožec ter navedena svetovana oblika v priročnikih. Drugi uporabnik občuti rabo zveze kot jezikovno nemarnost, ki ga v jeziku moti, in želi potrditev, da gre za »precejšnj[o] težav[o], na kater[o] bi kazalo bolj opozarjati«. Tudi na to vprašanje je odgovorila Helena Dobrovoljc in navedla, katere oznake so zvezi pripisane v jezikovnih priročnikih in kaj te oznake pomenijo. V nadaljevanju pojasni, da »[o]čitno daje ta zveza javnim govorcem in govorkam več možnosti za razmišljanje pri prostem govoru ali vsaj občutek izbrušene knjižnosti, sicer je ne bi uporabljali v takem obsegu« (Dobrovoljc 2018), dodaja pa še mnenji Petra Weissa – ki meni, da je zveza še posebej razširjena v uradnih ali poluradnih dopisih, kjer zveza deluje bolj učeno –, in Tine Lengar Verovnik – ki si zvezo razlaga kot hiperkorekcijo, po kateri bo tvorec besedila bolj verjetno posegel, če je v jeziku manj suveren (prav tam). Oba odgovora, naslanjajoč na jezikovna priročnika, torej vrednotita zvezo kot v knjižnem jeziku zaznamovano, drugi odgovor pa uporabnika seznanja tudi z morebitnimi razlogi za obstoj in razširjenost zveze ter dodaja okoliščine rabe, kjer je zveza najpogosteje rabljena.

Iskalna poizvedba v korpusu je bila:

[lemma = "v"][lemma = "kolikor"].

Z besedami: poišči vse pojavitve leme *v*, ki ji v korpusu neposredno sledi lema *kolikor*.

Iskalna poizvedba je vrnila 18258 pojavitev.

Stavčni zgledi iz Gigafide za iskalno poizvedbo:

(1) *V kolikor vas bo zamikalo, da bi zaplesali, nikar ne oklevajte – prepustite se glasbi in zaplešite.*

(2) *V kolikor pod sedimentom naletimo na kamnine iz diatomita, je to dober pokazatelj nahajališč nafte in zemeljskega plina.*

Viri pojavitev so raznovrstni, po zastopanosti je največ pojavitev iz transkripcij govora v Državnem zboru (3770 zgledov rabe zveze oz. 21 %). Pregled naključnih 200 pojavitev je pokazal, da je zveza v *kolikor* razširjena predvsem v publicistiki in govornem jeziku.

Glede na ugotovitve, ki izhajajo iz pregleda normativnih oznak v kodificiranih jezikovnih priročnikih in pregleda stanja v sodobnosti s pomočjo korpusne analize, za analizirani jezikovni zadregi ugotavljam, da vrednotenje jezikovnih pojavov v razmerju prav – narobe ni dovolj, temveč mora biti utemeljeno glede na okoliščine rabe, saj so kljub prepovedi v rabi prisotni. Posamezne jezikovne izbire sicer res niso pričakovane in primerne na vseh ravneh jezikovnega sporazumevanja, vendar jih zato ne moremo označiti kot nepravilne.

Bibliography

- Besedilni korpus slovenskega jezika Gigafida. Dostop prek: <https://www.clarin.si>.
- Dobrovoljc, Helena (2015), *Normativno vrednotenje zvez »v kolikor« in »v slučaju«*. Jezikovna svetovalnica. <https://svetovalnica.zrc-sazu.si/topic/853/normativno-vrednotenje-zvez-v-kolikor-in-v-slu%C4%8Daju>. Dostop 17. 4. 2018.
- Dobrovoljc, Helena (2018), *Tri največje jezikovne nemarnosti*. Jezikovna svetovalnica. <https://svetovalnica.zrc-sazu.si/topic/2682/tri-najve%C4%8Dje-jezikovne-nemarnosti>. Dostop 18. 4. 2018.
- Dobrovoljc, Helena (2018), *Vprašanje glede svetovalnice in njenih pristojnosti*. Jezikovna svetovalnica. <https://svetovalnica.zrc-sazu.si/topic/3014/vpra%C5%A1anje-glede-svetovalnice-in-njenih-pristojnosti>. Dostop 6. 5. 2018.
- Dobrovoljc, Helena, Krek, Simon (2011), Normativne zadrege – empirični pristop, v: Kranjc Simona (ur.), *Meddisciplinarnost v slovenistiki* (Obdobja 30). Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
- Gradišnik, Janez (1993), *Slovensko ali angleško?* Celje: Mohorjeva družba.
- Janez Sršen (1998), *Jezik naš vsakdanji*. Ljubljana: Gospodarski vestnik.
- Jelovšek, Alenka (2011), Polvikanje v slovenščini v luči starejših pisnih virov. *Jezikoslovni zapiski*, letnik 17, številka 1.
- Jezikovna svetovalnica. <https://svetovalnica.zrc-sazu.si/>. Dostop 10. 4. 2018.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika (1970–1991). Ljubljana: SAZU – Državna založba Slovenije.
- Slovenski pravopis (2001). Ljubljana: SAZU – ZRC SAZU – Založba ZRC.
- Snoj, Marko (2016), *Polvikanje*. Jezikovna svetovalnica. <https://svetovalnica.zrc-sazu.si/topic/1261/polvikanje>. Dostop 10. 4. 2018.
- Toporišič, Jože (1991), *Slovenska slovnica*. Maribor: Obzorja.
- Verovnik, Tina (2005), *Sodobni slovenski jezik med rabo, normo in kodifikacijo*. V: Kovačič, Melita, Erjavec, Karmen (ur.). *Uvod v novinarske študije*. Ljubljana: Fakulteta za družbene vede.

Венера Димитрова

Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria
veneradimitrova@abv.bg

Синтактични и прагматични характеристики на диалоговото единство въпрос – отговор в българския език

The main goal of this article is to examine the pragmatic and syntactic features of the dialogue unity question – answer. The study focuses on the beginning of the second utterance (reaction to the question), exploring possible options for postponing the answer. The pragmatic elements, marking the beginning of the second utterance, are also analyzed.

Key words: dialogue, question, answer, delay response, pragmatic marker

Обект на изследване в настоящата работа е комуникативното взаимодействие между участниците в разговора. Предмет е диалогичното единство от въпрос като реплика стимул и началото на репликата реакция, която би следвало да съдържа отговор на въпроса.

Целта на научната публикация е да се проучат някои от прагматичните и синтактичните специфики на диалоговото единство от въпрос и отговор, като се акцентира върху началото на репликата реакция. Реализирането ѝ е свързано със задачата да се проучат варианти за отлагане на даване на отговор.

Една част от примерите, които служат за анализ, са взети от платформата за устна реч *bgspeech*, свързана с ресурси с машинно обработени записи от непринуденото устно общуване на български език, а друга е подбрана специално за нуждите на настоящето изследване.

Участниците в разговорите са не повече от двама. Диалогът между комуникантите е структуриран по специфичен начин разговор. Той се състои в неформални, неинституционализирани форми, при които редуването на участниците протича свободно (Левинсън 1983: 284), именно каквото е непринуденото устно общуване. Само по себе си то се отличава със спонтанен характер, което се отразява на фонетичното, граматическото и стилово му оформление.

Примерите в публикацията са взети от диалози, които са се провели очи в очи, в разговори с едни и същи ситуативни условия за двете страни. При контакт лице в лице има възможност за използването на неезикови средства, които допълнително моделират структурата и изразителността на вербалното общуване, което между комуникантите е повлияно от социолингвистични и психологически фактори, включително социални норми на поведение.

В диалога двамата събеседници непрекъснато сменят комуникативните си роли, като реализират различни дейности – говорене и слушане. Говорещият е активната страна, неговата роля е свързана с кодирането на изказването. Комуникативната роля на слушащия е да декодира информацията. От степента на нейното осмисляне се определят и комуникативните действия на събеседниците. От тяхното синхронизиране на говорене и слушане зависи и резултатът на диалога като цяло.

В рамките на настоящия текст първо ще бъдат представени обстоятелствата, при които се допуска забавянето или отлагането на отговора на въпрос. След това ще се разгледат конкретни езикови елементи, които осъществяват отлагането на репликата реакция на втория комуникант. Накрая ще бъдат представени и случаи на отлагане на отговора в структурата на разговора.

Причини за отлагане на отговор

Обикновено с въпросителните изказвания говорещият посочва непълноти в информацията си, които желае да бъдат запълнени от слушателя (Ницолова 1984: 113). Този процес е осъществен успешно, когато говорещият е убеден, че слушателят е в състояние и иска да отговори на зададения въпрос. Освен това въпросът трябва да има поне един истинен отговор, да има връзка с темата на разговора и да не бъде безсмислен. Питането на настоящето изследване е какво би провокирало отлагането на отговора на даден

въпрос. Като трябва да се отбележи и ролята на оценката на говорещите за речевата ситуация, която влияе върху избора на езикови средства от страна на комуникантите.

Причините могат да бъдат следните:

1. Следствие нарушаване на максимите на Грайс

Грайс съставя препоръки за добър и успешен разговор. Те са, както следва (Димитрова 2009: 62):

I. Изисквания за качество:

1. Не казвай нищо, в истинността, на което не си уверен.
2. Не казвай нищо, за което нямаш убедителни доказателства.

II. Изисквания с количествен характер:

1. Езикът ти трябва да съдържа не по-малко от необходимата информация.
2. Изказът ти трябва да съдържа не повече от необходимата информация.

III. Изисквания за релевантност (свързани с отношението на говорещия към слушащия):

1. Избягвай непонятните изрази.
2. Избягвай двусмислеността.
3. Бъди кратък.
4. Бъди организиран.

IV. Изискване за вежливост.

Последната максима е обвързана с начина на общуване между слушателя и говорещия и с установената между тях степен на вежливост, която е препоръчително да не се подминава под влияние на случайни фактори. Последната максима не е нарушена в нито един от разгледаните двойки реплики от въпрос и отговор, тъй като отношенията между говорещите са между хора, чието участие в развитието на темата е относително равноправно. Нарушаването на изискванията за релевантност може да обърка слушателя и да предизвика отлагане на отговора му, като същото се отнася и до максимите за количество и качество. В зависимост от обстоятелствата, при които протича диалогът, в развитието на разговора могат да се допуснат различни нарушения на представените принципи.

Следователно спазването на тези изискванията да се говори релевантно, ясно и истинно и да се споделя само информация, която може да се докаже, няма как да не превърне речевия акт в успешен. Спазването им непременно би довело до успешното реализиране на запитването на първия комуникант, а именно получаването на директен отговор.

2. Отрицателни интерогативи за реализиране на конкретен отговор

В своя статия Джон Херитидж пише за т. нар. *отрицателни или негативни въпроси*. Тяхната употреба се среща най-вече в медиите и по-конкретно в интервюта. Използват се в запитвания за провокация, напр. *Вие ли платихте за неговото убийство?* Срещат се при критика или отрицателни интерпретации. Възможно е да не се търси информация, а по-скоро „такива въпроси често се употребяват като изказвания за изразяване на позиция или гледна точка“ (Херитидж 2002: 1428). Като цяло по време на интервю отрицателната формулировка на въпросите е силен коз за постигането на целта интервюиращият да внуши предварително очакван отговор. Но тъй като предмет на изследване в настоящата публикация не е медийният език, а разговорната българска реч, ще се разгледат случаи, когато чрез въпроса се реализира дадена позиция, която може да бъде под формата на критика или обвинение. Например в следния разговор в *пример 1*. на детска площадка

1. А: Иване, ти или Мария хвърли телефона на брат ти в боклука?

Б: Ами / не бях аз.

ядосана майка се обръща към едно от децата с конкретно обвинение в извършването на пакост, но не знае кой е вършителят на действието. Двоуми се между две лица и пита едното с въпрос, изискващ да- или не-отговор. Задавайки въпроса към едно от лицата, който смята за вероятен вършител на действието в своя въпрос, неговата реакция е придружена от отговор в отрицателна форма и прагматичен маркер за отлагане на репликата реакция, която е сигнал на неговото объркване и изненада от въпроса на комуникант А. Подобно на разгледания пример, други въпроси от този тип в настоящата публикация се отличават с

количествена характеристика – изискват кратък да- или не-отговор, който не позволява по-свободна аргументация.

- Елементи за отлагане на отговор в началото на реплика реакция

В българската разговорна реч спонтанността и неподготвеността на комуникантите позволяват включването на някои езикови елементи в началото на отговора, които да забавят неговото реализиране. Най-често срещаните в устно общуване са частиците, някои вметнати думи и изрази, както и т.нар. филъри.

- *частицата ами*

Частиците са широко разпространени в разговорната форма на българския език. Най-често служат като сигнали за начало на репликата. Много често тя започва по специфичен начин, като „най-честите сигнали за начало в българския език са: *е, ами, ама* и различните комбинации в които участва *бе: а бе, да бе, е бе*“ (Ангелова 1988: 525). Всяка една от частиците може да се срещне в началото на въпросително изказване като реплика стимул, също и в началото на реплика реакция (не е изключено да бъде въпрос):

2. А: е тогава защо си дошъл?

В пример 2. *е* служи като усилителна частица на въпросителната дума в изказването. Но когато става въпрос за отлагане на отговор, се прибегва до една от най-често употребяваните частици в разговорната реч, а именно един от най-универсалните елементи – частицата *ами*. В следния пример:

3. А: какви бяха процентите?

Б: ами / аз не съм – / не мога да сметна в проценти. но шейсет минути музикален час запълваш

в реплика реакция частицата *ами* означава „вербална реакция, която не съвпада или не отговаря на очакванията на другия участник в комуникацията“ (Тишева 2014: 77). Последвалата пауза (/), освен че удължава отменянето на отговора на комуникант Б, дава допълнително време на комуникант А да се подготви за последвалата информация, която най-вероятно няма да удовлетвори въпроса му. Употребата на *ами* може да се срещне при уклончиви отговори, които не дават пълна информация на конкретен въпрос, подобно на пример 3.

В друг случай събеседникът може да отложи директния отговор, за да обмисли добре своята аргументация, или да покаже, че се дистанцира от съдържанието на изказването. Например:

4. А: Е не се ли пресити на българска музика?

Б : ами не аз тогава беше по / беше насила . и отначало когато човек го карат насила / той не се влюбва така лесно и бързо . но пък аз предпочитам да работя с оригиналите / а не със репродукциите . тези хора си живеят във нас / те идваха при нас / аз им знам а : възходите / неудачите / за професионално става дума . ние с някои от тях сме връстници / заедно раснахме / заедно ставахме известни / те по-бързо разбира се. не се притесних и където и да ходех после след националното радио / те идваха и ме следваха / знаеха и намираха ме

В пример 4. е зададен ясен въпрос, чийто отговор представлява разпокъсани с паузи изказвания, които вместо да попълнят празнотите в информацията на питане, съдържат информация за косвени събития, които „заобиколят“ конкретният отговор по модела на шикалкавенето, което е характеристика на устното общуване. Реплика на комуникант Б напомня на употребата на *ами* в началото на изказване при ситуации като тези за печелене на време за обмисляне на добра аргументация и отлагане на неадекватен отговор на студенти по време на изпити.

Въпросът на комуникант А може да се възприеме и като изразена ясна позиция, която очаква своето потвърждение от отговора на втория събеседник. По този начин се внушава предварително очакван отговор, който не се материализира ясно в реплика реакция.

- *вметната дума значи*

В българската разговорна реч с висока честотна употреба се среща вметнатата дума *значи*, която служи като прагматичен маркер за начало на реплика и за привличане на вниманието:

5. Б: значи / освен че искаха - аз попаднах в а редакцията / която се занимаваше със / забавната музика - / всички поп певци и рокмузиканти ъ: оттогава ги познавам.

Значи, подобно на *ами*, успешно намира своята употреба в абсолютното начало на изказването като маркер за печелене на време или отлагане на неадекватен отговор. В *пример 4*. може да замени *ами* в абсолютното начало, без това да се отрази на изказването. Съответно може да говорим за синонимна употреба в разгледания *пример 4.1* и *4.*:

4.1. А: Е не се ли пресити на българска музика?

Б: Значи не аз тогава беше по / беше насила . и отначало когато човек го карат насила / той не се влюбва така лесно и бързо . но пък аз предпочитах да работя с оригиналите / а не със репродукциите . тези хора си живеят във нас / те идваха при нас / аз им знам а : възходите / неудачите / за професионално става дума . ние с някои от тях сме връстници / заедно раснахме / заедно ставахме известни / те по-бързо разбира се. не се притесних и където и да ходех после след националното радио / те идваха и ме следваха / знаеха и намираха ме

- филъри

Фонационните средства (филъри) също могат да се срещнат в началото на репликата за запълване на нежелани от говорещия паузи в речевия поток (Тишева 2014: 68), ако комуникант Б обмисля как да отговори на зададения въпрос. В сравнение с *ами* и *значи*, които сигнализират самото забавяне на отговора, употребата на филъри е продиктувана от наличието на подобно отлагане, което може да не бъде маркирано с прагматичен маркер, както е в *пример б.*:

б. А: ти попадъш първо ф националното радио / нали така

Б: а: да.

Комуникант А съобщава твърдение, за чиято истинност е зададеният въпрос, изискващ потвърждаването или отричането му. Комуникант Б не дава обратна връзка за очаквания отговор на събеседника си с някои от разгледаните досега два прагматични маркера за отлагане на отговора, а запълва с филъра *а-а-а* паузата между въпроса стимул и своята реплика реакция. Подобни филъри могат да се употребяват при несигурност в избора на отговор, когато въпросът е зададен по подобен начин, вместо да даде възможност участник Б да се аргументира по-подробно, а се настоява за даден еднократен да- или не-отговор.

От друга страна, във връзка с негативните въпроси, интерогативът след изказано твърдение, което според комуникант А е истинно и неоспоримо, съответно очаква своето вербално потвърждение от втория участник в разговора, може да се тълкува като предварително внушен очакван отговор. Тук трябва да се обърне внимание, че формалното представяне на въпроса в *пример б*. по никакъв начин не променя предствянето на конкретната информация.

- *виж*, *виж какво*, *виж сега*; *всъщност*; *да ти кажа*

В самото начало на реплика реакция освен фрази като *виж*, *виж какво*, *виж сега*, придружени от прагматични частици, могат да се срещнат и *да ти кажа*, *всъщност* и др. Тяхната функция е свързана с един от начините на отлагане чрез удължаване на началото на изказването (Тишева 2014: 79), например за да може комуникантът да спечели повече време за обмислянето на изказването си:

7. Б: виж какво може пък да се пробваш / като афишираш / че продаваш със десет минути / - с десет процента / примерно / по-евтино билета.

В *пример 7*. направеното предложение може да не удовлетворява очакванията на слушателя като съвет. В други случаи употребата на подобни фрази с прагматичен маркер *ами* допълнително удължава отлагането

на репликата реакция, което навежда на мисълта, че говорещият може да подозира реакцията на слушателя си като неочаквана, неприемлива, неприятна или нежелана като отговор. В *пример 8*

8. А: *Е зависи дюрон / ма вики добре първо кажи ми за тебе на какво – за какво ти трябва компютър?*

Б: *Ами всъщност то за мене - то е по скоро за сестра ми по хубавото щото тя...*

А: *Тя ще играе тетрис (сmee се) кажи си най сетне ...*

реакцията на комуникант А е показателна. Той отлага споделянето на факта, който е неудобен за говорещия, че компютърът не е за него, а за друг. При това, както личи от третата реплика, не се очаква да е нещо специално.

• Допълнителни двойки реплики между въпрос и отговор

Тъй като разговорът е съвместна дейност, неговата организация се състои от няколко фази – започване и завършване на разговора, както и редуване на изказванията. Фазите при диалоговото единство въпрос – отговор са: задаване на въпрос, даване на отговор директно или с известно отлагане и редуване на реплики.

Като цяло всеки диалог е структуриран така, че да разпределя редуването между участниците в определен ред. Съответно има и определени правила, при които се реализира редуването на репликите. Има три вида последователност (Сакс, Шчеглов, Джеферсън 1974; Шчеглов 2007):

1. Подредени двойки от съседни изказвания (Adjacency pairs) – Обикновено това е изграждане на по-дълги поредици от подредени двойки изказвания, обединени от обща тема. Например въпрос – директен отговор:

9. А: *Кога ще си дойдеш?*

Б: *До час.*

А: *В колко по-точно?*

Б: *В 18.10 ч. Най-късно.*

2. Реплика, която предхожда елементите на разговора (Pre-sequences) – например повикване или обръщение като ход, изпреварващ обяснение:

10. А: *Како (повикване)*

Б: *Да, Ани? (отговор)*

А: *Не мога да си завържа обувките (обяснение за повикване)*

3. Вмъкване на поредица от изказвания (Insertion Sequence)

То се среща между въпроса и отговора, които са двойка съседни изказвания. Темата на вмъкнатата последователност е свързана с тази на главната последователност, в която се среща. *Пример 11*. илюстрира вмъкнатата последователност (Аа и Ба) в съседни двойки изказвания въпрос – отговор:

11. А: *ти ще си ходиш ли / жоре ? (въпрос)*

Ба: *а? (вмъкната поредица от изказвания)*

Аа: *ти ще си ходиш ли? (вмъкната поредица от изказвания)*

Б: *не. отивам в бононията (отговор)*

Вмъкнатата последователност от изказвания е вид забавяне, т.е. отлагане на отговора, който представлява втората част от една двойка съседни изказвания, които имат разширение помежду си. В разгледания пример вторият участник не дава веднага своя отговор, защото вероятно не е чул добре въпроса на първия комуникант. Той изисква от него отново да го зададе, за да му отговори, но може по този начин да печели време, за да обмисли по-добре отговора си. В зависимост от контекста на разговора и намерението на различните участници мотивировките за техните действия могат да бъдат от различно естество.

За да запълни празноти в информацията си, понякога питащият трябва да извърши още няколко редувания на двойки реплики освен първоначалното задаване на въпрос. Когато вторият комуникант няма

намерение да отговори веднага или при определени условия не може да даде отговор на момента, се налага питащият да конкретизира запитането си с различни тактики. Една от тях е използването на конкретизиращи въпроси, които да насочат слушателя какво има предвид той с първоначалното си запитване.

Следният пример е извадка от непринуденото общуване между двама комуниканти очи в очи при отговорите на въпроси, които изясняват смисъла на първоначалното питане на единия комуникант:

12. А1а: (Ф-а:) извинявай че те прекъсвам /а/ кой е малкия ти брат?

Б1а: малкия ми брат? един -

А1б: дето сега беше в офиса аз като през прозореца като говорех?

Б1б: [не]

А1в: [русоляв]

Б1в: [не]

А1г: [не?]

Б1г: той е русоляв/

А1д: е дето ей сега като

Б1д: не не /той не е бил/той е висок русоляв така/много добре [сложен]

А1е: [сравнително често] идва?

Б1е: идва често да

А1ж: няколко пъти с някакви чанти все го засичам/ такива пликосе/не багажи ами/той ли е?

Б1ж: не бе/ти говориш за марио/

Информацията, която носят отделно подредените двойки изказвания и развитието на темата в тях, конструират глобалния смисъл на проведения разговор – идентифицирането на лицето, за което се пита. Тук трябва да се отбележи, че развитието на темата е свързано с механизма на тематичната прогресия. Сама по себе си именно тя е свързана с изграждането на отделните минимални части, съставляващи текста, и техните по-големи обединения чрез развитието на синтактичните теморемни структури, осигуряващо постепенното въвеждане и пренасяне на информацията.

Разпределението на отделните елементни номинации според тяхната информационна стойност в състава на изреченските теми и реми стои в основата на изграждането на конкретните пропозиционни номинации и на плавното им извеждане една от друга в линеен ред. Изреченските теми осигуряват придържането към вече въведена информация, която носят отделно подредените двойки изказвания, а ремите въвеждат нови данни. Една от най-често срещаните тематични прогресии е например тази с постоянна изреченска тема, при която темата на дадено изречение е тема и на следващите. В конкретния пример – *малкия ми брат* и *той*. По този начин теморемната връзка между последователните изречения обуславя развитието на текстовата информация и „напредването“ на съдържанието на езиковия текст. Така протича процес на поэтапно синтезиране, на обобщаване на информацията, която носят отделно подредените двойки изказвания до по-обща смислови същности с цел да се достигне до глобален смисъл, който да бъде приписан на цялостния текст.

Оттук следва, че съседните двойки изказвания в разгледаната структура на разговор обединяват и развиват темата на разговора, свързана с идентифицирането на брата на втория събеседник. Тематичната прогресия на места, благодарение на контекста, може да възстанови в съзнанието на събеседниците теморемният елемент в разговора.

Отговорът на зададения въпрос в първата двойка изказвания е ехо-въпрос. Подобен тип въпроси въвеждат въпроси към питащия, които не изискват отговор от негова страна, а изразяват отношение към неговата реплика стимул, която е повторена или само част от нея се съдържа в ехо-въпроса. В разгледания пример ехо-въпросът на втория комуникант сигнализира за неговото учудване относно предходното изказване. Участник А решава да конкретизира питането си с още няколко въпроса относно моментната ситуация, физическата характеристика на лицето, за което пита, и при какви обстоятелства го е засичал по-рано, като получава съответните отговори от своя събеседник.

Въпросите и последвалите отговори заедно образуват частите на съседни двойки изказвания, които развиват темата на езиковия текст, продукт на двамата събеседници. След поредицата от няколко вмъкнати двойки последователности втората част на последната двойка от съседни двойки изказвания дава

отговор на зададения въпрос в реплика А1а. Първият комуникант получава отговор на своя въпрос, като прагматичният маркер *ами* в А1ж подчертава очаквания отговор като потвърждение на очакванията на комуникант А, като логическото следствие от съдържанието на предходния контекст, но в крайна сметка се оказва, че отговорът на комуникант Б е отрицателен и конкретното лице, за което се разпитва най-подробно, не е брат на втория участник в разговора.

В резултат на реализираните наблюдения може да се направи изводът, че в представените примери няма липса на отговор. Това може да се обясни с оглед на обстоятелствата за неговото даване. Освен това беше анализирана употребата на едни от най-често срещаните прагматични маркери за начало на реплика реакция, които до известна степен забавят отговора на втория комуникант, както и допълнителни ходове в структурата на разговора, които отлагат даването на директен отговор.

Bibliography

- Ангелова, Искра (1988), Организация на репликата в българската разговорна реч. В: *БЕ*, 1988/6, 525-529.
- Димитрова, Стефанка (2009), *Лингвистична прагматика*, изд.: „Велес“.
- Левинсън 1983: Levinson, Searl (1983), *Pragmatics*. Cambridge University Press.
- Ницолова, Роселина (1984), *Прагматични аспекти на изречението в съвременния български език*, изд.: „Народна просвета“.
- Сакс, Шчеглов, Джеферсън 1974: Sacks, Harvey, Schegloff, Emanuel A., and Jefferson, Gail (1974), A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. В: *Language* 50, 696–735.
- Тишева, Йовка (2014), *Как говори съвременният българин*. Т. 2., изд.: Фондация „Фокус“.
- Херитидж 2002: Heritage, John (2002), The limits of questioning: negative interrogatives and hostile question content. В: *Journal of Pragmatics* 34, 1427–1446, Published by Elsevier Science B.V.
- Шчеглов 2007: Schegloff, Emanuel A. (2007), *Sequence organization in interaction: A primer in conversation analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sonja Delatović

Josip Juraj Strossmayer University of Osijek, Osijek, Croatia
sonja.delatovic@gmail.com

O hungarizmima u hrvatskome jeziku uz istraživanje poznavanja i uporabe među studentima

The overview of the studies conducted so far on the aspects of Hungarian loanwords in Croatian language with the review of the linguistic links between the two languages and the status of German in the linguistic borrowing is being built on by self-conducted research on the usage of Hungarian loanwords among the students - native speakers of Croatian language. It has given results of already existing adopted words' status, and it has confirmed a better familiarity of German studies students with some Hungarian loanwords, which is a result of a remarkable intermediary role of the Hungarian language between the Croatian and German language.

Keywords: Hungarian loanwords, linguistic borrowing, usage of Hungarian loanwords

Uvod

Osmostoljetna povezanost mađarskog i hrvatskog naroda, a time i uzajamno prožimanje povijesti, kulture i jezika, ostavio je značajan trag i u hrvatskom rječničkom blagu u vidu hungarizama. U radu će se izložiti rezultati nekih dosadašnjih istraživanja hungarizama u hrvatskome jeziku, kao i različiti pokušaji njihova usustavljivanja. Također, donose se i tumače rezultati ankete o poznavanju i samoj uporabi hungarizama među studentima (izvornim govornicima hrvatskoga jezika) koja je provedena u svrhu ispitivanja uloge mađarskoga jezika kao posredničkog jezika između hrvatskog i njemačkog jezika te potvrđivanja statusa usvojenica u hrvatskome jeziku.

Jezični dodiri

Višestoljetni dodiri dvaju jezika započinju u 9. stoljeću kada Mađari naseljavaju Karpatski bazen, a od 1102. *Pactum Conventum* nastale personalne unije između Hrvatskoga i Ugarskoga Kraljevstva do raspada Austro-ugarske Monarhije 1918. Važna je činjenica i suživot u istoj državi uz izmjenu različitih političkih tvorevina, kao i sustavna mađarizacija za vrijeme Austro-Ugarske Monarhije, kada se javljaju dvojezični natpisi na javnim zgradama te dolazi do neslužbenog uvođenja mađarskog jezika u javne službe i nasilne mađarizacije međimurskih ojkonima (Puškar, 2010: 131). U hrvatskom je povijesnom kontekstu, osobito u stručnoj literaturi, mađarizacija (uz germanizaciju) vezana uz izrazito negativne konotacije (Tafra, 1996: 259). Tafra promatra utjecaj mađarskoga jezika na trima razinama hrvatskog jezikoslovlja: grafijsko-ortografskoj, leksikografskoj i gramatikološkoj te napominje kako se najjači mađarski utjecaj uočava u staroj hrvatskoj latiničkoj grafiji. Naime, hrvatska je latinica imala vrlo složen razvoj do inačice kakvu poznajemo danas, a veliki je broj rješenja, uz rješenja iz latinskoga i talijanskoga, uzimala i iz mađarskoga jezika (Tafra, 1996: 260). Intiman dodir dvaju jezika rezultirao je i sufiksima *-uš*, *-aš*, *-oš* i *-iš*, koji su se osamostalili, te su danas u općoj uporabi u hrvatskom standardu i supstandardu (npr. *brucoš*, *komedijaš*, *bogataš*, *slatkiš*) (Puškar, 2010: 132). Ipak, najznačajniji je utjecaj mađarski jezik ostavio upravo u hrvatskom leksiku što je rezultiralo slojem hungarizama u hrvatskome jeziku. Moguće je izdvojiti nekoliko većih valova pojavljivanja hungarizama: od 13. do 15. stoljeća kada se javljaju najraniji hungarizmi u kajkavskoj crkvenoj terminologiji (regija kajkavskog narječja; npr. *pišpek*, *plebanuš*) i hungarizmi koji označuju pojmove iz poljoprivrede i seoske kulture (slavonsko-vojvođanski prostori; npr. *astal*, *ašov*) te 18. i 19. stoljeće koje je obilježeno velikim zamahom purizma u Hrvatskoj pa se umjesto izravnog preuzimanja mađarskih leksema javlja kalkiranje (Žagar-Szentesi, 2005: 52).

Pregled dosadašnjih istraživanja hungarizama u hrvatskome jeziku

Prvim se prilogom leksikološkim istraživanjima hungarizama može smatrati onaj Fausta Vrančića u njegovu rječniku *Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, latinae, italicae, germanicae, dalmaticae et*

ungaricae iz 1595. godine, kada navodi slične riječi u hrvatskom i mađarskom jeziku prema uočenoj glasovnoj podudarnosti u pojedinim riječima određivši ih „dalmatizmima“ (tj. kroatizmima). Suvremena se istraživanja hungarizama temelje na korpusu hungarizama iz *Ungarische Elemente im Serbokroatischen* Lászla Hadrovicsa iz 1985. godine te do pojave njegova djela ni ne postoji sustavnija analiza sloja mađarskih posuđenica u hrvatskome jeziku. Knjiga sadrži oko 850 natuknica s naznačenim etimološkim tumačenjima, ali se većinom temelji na leksemima iz književnih djela te je zanemarena dijalekatna razina, a dio čine i vlastita imena (Puškar, 2010: 134). U suvremenim se proučavanjima hungarizama često pokušava ponuditi rješenje njihova stvarnog brojevnog stanja u standardnom jeziku te se uglavnom ističe da ih je oko 40, dok ih je u hrvatskom jeziku kao sustavu daleko više. Proučavajući etimologiju pojedinih hungarizama u trima suvremenim rječnicima hrvatskoga jezika (*Veliki rječnik hrvatskoga jezika* V. Anića, *Hrvatski enciklopedijski rječnik* i *Rječnik hrvatskoga jezika* ur. J. Šonje) Glušac zaključuje da „suvremeni rječnici hrvatskoga jezika zbog mnogih neujednačenosti ne mogu precizno odgovoriti na pitanja o etimologiji (pojedinih) hungarizama, a ne mogu ni ponuditi točan broj hungarizama koji pripadaju hrvatskom standardnom jeziku“ (Glušac, 2016: 176). U brojnim se radovima raspravlja o često neprozirnoj etimologiji hungarizama, kao i o pitanjima posredništva, a mađarskim se jezikom kao značajnim posrednikom temeljitije bavi tek Puškar u radu *Tragom njemačko-mađarsko-hrvatskih jezičnih dodira: problematika jezika posrednika* (2010) ističući premalo naglašenu ulogu mađarskoga jezika kao posrednika između hrvatskog i njemačkog jezika u procesu jezičnog posuđivanja zato što je upravo jezik posrednik, odnosno mađarski, izvršio najveći utjecaj na konačan oblik riječi koja je došla u hrvatski jezik, a pritom u hrvatskim jednojezičnim rječnicima vlada „zbrka“ pri određivanju jezika davatelja, kao i posrednika kod hungarizama.

Hungarizmi se dijele prema različitim kriterijima te postoje brojni pokušaji njihova usustavljanja. Uzevši u obzir je li hungarizam izvornoga mađarskog podrijetla ili je u jezik ušao preko posredničke uloge mađarskoga jezika (ali sam nije mađarskog podrijetla) podjelu hungarizama na prave i neprave hungarizme (pahungarizme) prva opisuje Dürriegl (1988) koristeći spomenuti Hadrovicsev korpus hungarizama. Ipak, zbog već spomenute nepouzdana etimologije u nekim riječima, a time i teškoća u utvrđivanju granica između pravih hungarizama i pahungarizama, takva je podjela tek načelno primjenjiva te je opravdano obje skupine nazivati hungarizmima (Gulešić, 1999: 257). Na semantičkoj se razini hungarizmi, u čijem korpusu veći dio ne pripada standardnome jeziku, mogu podijeliti u skupine koje označuju 1) međuljudske odnose, status, zanimanja (*šogor, pajdaš, faćuk, arendaš, mužikaš, dobošar*), 2) osobe s karakterističnim (često negativnim) osobinama (*fićfirić, mamlaz, remeta, pustahija, đilkoš, g(a)rabancijaš, bitanga*), 3) predmete, alate i opremu svakodnevne uporabe (*astal, čaklja, derglija, vanjkoš/vanjkuš, lampaš, mužar, puška, roštilj*), 4) odijevanje (*cipele, bakandže, bunda, čipka, gumb, kopča, sara*), 5) konfiguraciju tla i fitonime (*jarak, gudura, rit, šaš*), 6) poljoprivredu i stočarstvo (*ašov, bak, čopor, korov, marva*), 7) specifične civilizacijske pojmove mađarstva (*dobošica/doboš-torta, gulaš, hajduk, husar, salaš, čardaš*) te 8) pojmove vezane uz život u organiziranom kolektivu (*birov, išpan, plibanuš/plebanuš, varoš*) (Žagar-Szentesi, 2005: 75–76). O hungarizmima, koje Žagar-Szentesi svrstava među specifične civilizacijske pojmove mađarstva – *gulaš* i *čarda*, Gulešić (1999: 258), uz lekseme *čarda, tokaj/tokajac, palačinka* i *paprikaš*, govori kao o hungarizmima sa statusom egzotizama. Osim egzotizama Gulešić (2000: 154) hungarizme raspoređuje i prema drugim statusima, pa razlikuje dijalektizme (*bantovati, pelda, terhešan*), etnografske dijalektizme (*cifra, šor*), standardnojezične riječi (*bunda, cipela, jal, jenjati, šator*) te historizme (*baka, čako/čaka, surka*). Izdvajajući hungarizme u staroj kajkavskoj crkvenoj terminologiji (*pišpek, plebanuš* i dr.) Puškar (2010: 132) hungarizme dijeli u pet tematskih cjelina te razlikuje egzotizme (*čardaš, gulaš, palačinka, paprikaš, tokajac*), arhaizme (*baka, dijak, filir, harmica, orsag*), lekseme koji pripadaju kolokvijalnome stilu (*bitanga, fićfirić, huncut, mamlaz, pajdaš*), usvojenice (*bunda, cipela, kip, lopta, orijaš, soba*) te regionalizme ili dijalekatne oblike (*beteg, fela, faćuk/faćuk, japa, jezerača, oblok, šor*) koji čine najveći sloj mađarskih posuđenica u hrvatskome jeziku. Žagar-Szentesi (2005: 54–55) hungarizme raspoređuje prema stilskim slojevima i značenjskim kategorijama: 1) regionalizmi ili dijalekatni oblici (*ašov, beteg, oblok*), 2) zastarjeli izrazi, arhaizmi ili historizmi (*orsag, filir, grabancijaš*), 3) riječi u kolokvijalnom stilu (*fićfirić, pajdaš, bitanga*), 4) pojmovi koji nemaju hrvatski ekvivalent (*bunda, cipele, čipka, kip, lopta*). Također, Turk (1996) opisuje hungarizme prema njihovoj ulozi i značaju u hrvatskoj frazeologiji podijelivši ih u tri skupine frazema: frazemi s hungarizmom kao činjenicom suvremenoga hrvatskoga standardnoga jezika, frazemi s hungarizmom kao historizmom u hrvatskome standardnom jeziku i frazemi s prostorno ograničenim hungarizmom.

Istraživanje poznavanja i uporabe hungarizama među studentima

Cilj i hipoteze istraživanja

Cilj je istraživanja utvrditi razinu poznavanja i uporabe izabраних hungarizama među sudionicima prema samoprocjeni, kao i njihovu svjesnost o poznavanju podrijetla posuđenica u svrhu ispitivanja uloge mađarskoga jezika kao posrednika između hrvatskog i njemačkog jezika. Postavljene su dvije hipoteze: prva je da će sudionici neovisno o studijskom usmjerenju vrlo visoko procjenjivati svoje poznavanje i uporabu danih hungarizama čime će se potvrditi njihov status usvojenica u hrvatskome jeziku, a druga je da će studenti njemačkoga jezika i književnosti u odnosu na ostale sudionike uspješnije odrediti podrijetlo pojedinih hungarizama u njemačkome jeziku. Prema drugoj postavljenoj hipotezi očekuje se da će studenti u drugom zadatku navesti hungarizme njemačkog podrijetla uspješnije od ostalih studenata.

Metodologija istraživanja

Anketa je provedena među studentima preddiplomskih studija Filozofskog fakulteta Osijek čija se dob kretala od 19 do 24 godine. Uzorak se sastoji od 78 ispitanika različitih studijskih usmjerenja koji su izvorni govornici hrvatskoga jezika. Anketa sadrži četiri zadatka od kojih su u prvom zadatku sudionici samoprocjenjivali svoje poznavanje i uporabu hungarizama na skali Likertova tipa od 1 do 5. Ponuđeni su hungarizmi bili *bunda*, *čardaš*, *lopov*, *soba*, *gumb*, *remek-djelo*, *punđa*, *gulaš*, *kicoš*, *bitanga*, *roštilj*, *palačinka*, *pasoš*, *kočija*, *čopor*, *paprikaš*, *doboš-torta*, *cipela*, *lepinja*, *šogor*. U drugom su zadatku sudionici trebali ispisati one ponuđene riječi iz prethodnog zadatka za koje smatraju da su podrijetlom iz njemačkog jezika, dok su u trećem zadatku trebali ispisati one ponuđene riječi iz prethodnog zadatka za koje smatraju da su podrijetlom iz mađarskog jezika. Četvrti je zadatak usmjeren na poznavanje podrijetla posuđenica u hrvatskome jeziku gdje je ponuđene posuđenice trebalo odrediti kao anglizme, germanizme, hungarizme ili posuđenice iz nekog drugog jezika.

Rezultati istraživanja

Prosječna vrijednost samoprocjene poznavanja i uporabe navedenih riječi među sudionicima većinom se kreće od 4,03 (*bitanga*) do 4,99 (*soba*) čime se potvrđuje prva hipoteza o statusu usvojenica brojnih hungarizama u hrvatskome jeziku. Tek je kod triju riječi prosječna vrijednost samoprocjene poznavanja i uporabe nešto manja od 4: *čardaš*, *doboš-torta* i *pasoš*, a kod riječi *kicoš* prosječna je vrijednost samoprocjene 2,71, ujedno i najmanja dobivena vrijednost u prvome zadatku. Hipoteza da će studenti njemačkoga jezika biti uspješniji u prepoznavanju hungarizama kojima je podrijetlo u njemačkome jeziku pokazala se točnom jer su prepoznavanjem pojma *pasoš* i/ili *roštilj* kao riječi s njemačkim podrijetlom bili uspješniji u odnosu na ostale studente: od studenata njemačkog jezika i književnosti 40 % ih je navelo jednu od tih ili obje riječi, dok je te riječi od ostalih studenata navelo tek 14,7 %, dakle u gotovo trostruko manjem postotku. Također, 88,5 % je od ukupnog broja sudionika u zadatku, gdje je trebalo navesti riječi mađarskoga podrijetla, navodilo upravo egzotizme na sufiks *-aš* (*gulaš*, *paprikaš*, *čardaš*).

Zaključak

Hungarizmi su kao zanimljiv i značajan leksički sloj u hrvatskome jeziku predmetom brojnih radova te su opisani i svrstavani prema različitim osobitostima. Zbog svoje često neprozirne ili pak pogrešno određene etimologije, ali i nedovoljno istražene posredničke uloge, pri njihovu se proučavanju nerijetko nailazi na poteškoće i nejednoznačnosti. Provedenom se anketom o poznavanju i uporabi hungarizama među studentima potvrdio status usvojenica brojnih hungarizama u hrvatskome jeziku, ali i bolje poznavanje određenih hungarizama kod studenata njemačkoga jezika i književnosti upravo zbog značajne uloge mađarskog jezika kao posrednika između njemačkog i hrvatskog jezika. Zanimljiv je i dobiveni podatak o vrlo čestom povezivanju sufiksa *-aš* u riječima s njihovim mađarskim podrijetlo, čime se sufiksu *-aš* uz istaknutu tvorbenu djelatnost u hrvatskome jeziku nazire i uloga svojevrsnog signala kojim se u svijesti izvornog govornika hrvatskog jezika nedvojbeno upućuje na mađarski jezik.

Bibliography

- Dürriegl, Marija-Ana (1988), Hungarizmi u hrvatskome književnom jeziku. *Jezik*. 35/4, 97–99.
Glušac, Maja (2016), Hungarizmi u suvremenim rječnicima hrvatskoga jezika. In: *Od početaka do danas, 120 godina kroatistike u Budimpešti*. Budapest, ELTE BTK Szlav Filológiai Tanszék.

- Gulešić, Milvia (1998), Još jednom o hungarizmima u hrvatskome standardnom jeziku. In: *VI. međunarodni slavistički dani 3/1*. Szombathely – Pécs.
- Gulešić, Milvia (2000), Stilistički aspekti prilagodbe hungarizama hrvatskomu standardnom jeziku. In: *Riječki filološki dani 3: Zbornik radova s Međunarodnoga znanstvenoga skupa Riječki filološki dani održanoga u Rijeci od 3. do 5. prosinca 1998*. Rijeka, Filozofski fakultet u Rijeci.
- Katalinić, Kristina (2013), *Hungarizmi u hrvatskom književnom jeziku od kraja 16. do polovice 18. stoljeća*. Budapest, ELTE BTK. (Doktorska disertacija)
- Puškar, Krunoslav (2010), Tragom njemačko-mađarsko-hrvatskih jezičnih dodira: problematika jezika posrednika. *Cris*. 12/1, 129–141.
- Tafra, Branka (1996), Mađarska sastavnica povijesti hrvatskog jezikoslovlja. In: *Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanju kultura i jezika*. Pécs, Hrvatski znanstveni zavod.
- Turk, Marija (1996), Hungarizmi u hrvatskoj frazeologiji. In: *Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja jezika i kultura*. Pécs, Hrvatski znanstveni zavod.
- Žagar-Szentesi, Orsolya (2005), Hrvatski u dodiru s mađarskim jezikom. In: *Hrvatski u dodiru s europskim posuđenicama*. Zagreb, Nakladni zavod Globus.

Kristina Đorđević

Comenius University in Bratislava, Bratislava, Slovakia
kristina.dordevic@uniba.sk

Jabuka u frazeološkoj slici sveta (na srpskom i slovačkom materijalu)¹

This paper belongs to the field of contrasting phraseological studies with the aim of comparing phraseological systems of Serbian and Slovak languages. More specifically semantic, and narrowly, ethnophraseological analysis of the phrasemes with component apple is performed. The aim is to point out similarities and differences of the phraseological picture of the world of Serbs and Slovaks. Special attention will be dedicated to the role of apple in wedding rituals of both Slavic nations.

Keywords: phraseological picture of the world, Serbian phraseology, Slovak phraseology, ethnolinguistics, apple, wedding customs.

U narodnoj religiji Slovena nemaju sve biljke isti značaj. U Srba jabuka zauzima važno mesto, uz orah i maslinu, dok se u Slovaka simboličnim plodovima smatraju jabuka, kruška i orah. Jabuka je veran pratilac čovekovog života od najstarijih vremena do danas i nosilac je višestruke simbolike: plodnosti, zdravlja, ljubavi, poštovanja. U obredno-običajnoj praksi povezana je sa rođenjem, sklapanjem braka, sahranjivanjem, gatanjem² i proslavljanjem pojedinih kalendarskih praznika. Svojim gotovo savršenim oblikom kugle, jabuka deluje i kao kosmički simbol, zbog čega carevi i kraljevi u rukama pored žezla drže i carsku jabuku koja simbolizuje svet (Biedermann 1992: 109).

U ovom radu usredsređićemo se na frazeme³ koje u svoj sastav uključuju komponentu sa nazivom *jabuka*: *jablko*. Cilj rada je da se na temelju prikupljenog materijala ukaže na sličnosti i razlike jezičke slike sveta Srba i Slovaka, a posebna pažnja biće posvećena ulozi jabuke u svadbenom ritualu oba slovenska naroda. Građa je ekscerpirana iz opisnih rečnika srpskog i slovačkog jezika, frazeoloških rečnika i paremioloških zbirki.⁴ Podstrek za etnofrazeološki pristup u radu pružili su nam zbornik radova *Hudobné motívy vo frazeológii* (2014) i monografija *Фразеологија и национална култура* (Mršević-Radović 2008). U daljem tekstu oslonićemo se i na etnološke i etnolingvističke studije Bosić (2001: 395–404), Detelić (2013: 51–72), Felixová (1999: 89–95), Jakubíková (1990: 33–46, 1996: 15–20). Od posebnog značaja za istraživanje bila je monografija J. Komorovskog *Tradičná svadba u Slovanov* (Komorovský 1976).

Leksema *jabuka* sastavni je član frazema starogrčkog porekla *jabuka razdora = jablko sváru (sporu)* kojima se označava 'uzrok, povod ili razlog svađe, spora, sukoba'. Prema mitu, boginja Erida zavadila je boginje Heru, Atenu i Afroditu, bacivši među svatove zlatnu jabuku sa natpisom „Najlepšoj”. Zevs je odlučio da Paris presudi kojoj jabuka pripada, a odluka koju je doneo kasnije je dovela do Trojanskog rata (Skladaná 2012: 84).

Poreklo frazema biblijskog porekla *jabuka saznanja (spoznaje) = strom poznanía <dobra a zla>* vezuje se za starozavetni mit o edenskom vrtu. Iako je jabuka plod drveta dobra i zla, predstavljala i simbol ljudske plodnosti, iskušenja i roditeljskog pragreha. Slikovite predstave Adama i Eve, koja drži u ruci jabuku, dovele su do shvatanja da je drvo znanja iz edenskog vrta jabuka, iako se u *Prvoj knjizi Mojsijevoj* pominje samo kao „drvo”, te bi lako moglo biti i smokva (Detelić 2013: 52). U orijentalnim tradicijama, premda postoje priče o izgnanstvu iz raja, jabuka nije bila poznata, a na njenom mestu javljaju se smokva, dunja ili nar (Biedermann 1992: 109).

---

¹Rad je nastao u okviru projekta VEGA 1/0304/18 *Percepcia nadprirodzena v jazykoch a kultúrach Slovanov s akcentom na západoslovenský a južnoslovenský areál*, koji finansira Ministarstvo prosvete, nauke, istraživanja i sporta Republike Slovačke. Rad je izložen u vidu referata pod nazivom *Tragovi svadbenih običajja u frazeološkoj slici sveta (na materijalu srpskog i slovačkog jezika)*, na internacionalnoj naučnoj konferenciji za studente *8th Conference for Young Slavists in Budapest*, održanoj 10. 5. 2018. godine.

²Na primer, badnjedanska jabuka koristila se za ljubavna vračanja: zagriže se za Novu godinu, pa se na osnovu toga vraća ko će devojci biti muž, ili se na Svetu Luciju zagriže i pomalo grize svakog dana do Badnjeg dana ne bi li devojka pomoću ogriska otkrila za koga ili kakvog čoveka će se udati (Detelić 2013: 55, SMS 1870: 170).

³U radu koristimo termin *frazema* sinonimno sa terminima *frazeologizam* i *frazeološka jedinica*. Za ovakav postupak odlučili smo se iz tri razloga: 1. ekonomija prostora, 2. termin *frazema* nastavlja se na gramatičke termine koji se koriste u srpskom jeziku: *fonema*, *morfema*, *leksema* i 3. odgovara slovačkom terminu *frazéma*. Zbog razlika među srpskom i slovačkom frazeološkom školom materijalu pristupamo u širem smislu, prema shvatanju predmeta frazeologije slovačke frazeološke škole.

⁴Podatke o korišćenim izvorima donosimo na kraju rada.

Frazeologizam *kad vrba (javor) jabukama rodi* : *To bude, kad' suchá jabloň zarodí* predstavlja model „voćerodnog” drveća i u srpskoj frazeologiji označava se kao alogični frazeologizam sa značenjem 'nikad'. Pod pretpostavkom da je reč o mitskom drveću koje rađa rajskim plodovima u novom raju, motivacija značenja ovog frazeologizma mogla bi se povezati sa dugim čekanjem obećanog raja ili izgubljenom nadom da će se do njega doći, s obzirom na to da je postojala svest o neplodnosti ovog drveća (Mršević-Radović 2008: 63–67).

Aktivnu upotrebu lekseme *jabuka* : *jablko* vidimo i u sledećim frazeološkim jedinicama sa različitim stepenima ekvivalencije u srpskom i slovačkom jeziku: *zdrav kao dren* = *zdravý ako jablko* u značenju 'odličnog zdravlja, otporan na bolesti, jak', *zagristi u zelenu (kiselu) jabuku* = *zahryznúť do kyslého jablka* u značenju 'prihvatiti se nezahvalna posla', *sabirati (zbrajati, mešati) kruške i jabuke* = *miešať jablká s hruškami* u značenju '1. uporediti neuporedivo; 2. spajati potpuno različite stvari', *ne pada iver daleko od klade* = *jablko nepadá d'aleko od stromu* u značenju 'kakvi su roditelji, takva su i deca', *biti <crven> kao jabuka* = *červený ako jablko* u značenju 'imati rumen ton u licu, izgledati zdravo', *lička ako jablko* u značenju 'okruglo', *ani jablko by neprepadlo* u značenju 'puno je ljudi, gužva je'.

Semantičko bogatstvo lekseme *jabuka* u srpskom jeziku ogleda se i u frazeološkim jedinicama čije značenje upućuje na veridbu ili brak: *primiti jabuku* u značenju 'pristati na udaju, biti isprošena', *deverska (kumovska) jabuka* u značenju 'jabuka u koju se zabada novac, kao dar nevesti', *baciti jabuku* u značenju 'raskinuti veridbu', *pala je kome zlatna jabuka u krilo* u značenju 'dobro se oženio'.⁵

Razmena jabuka predstavlja opšteslovenski običaj kojim se iskazuju međusobne simpatije između momka i devojke. Ako devojka prilikom prošnje prihvati jabuku, to znači da je pristala na brak, o čemu svedoči i naziv *jabuka* u srpskom jeziku za *prosidbu*, *veridbu* (PCJ 2007: 497).

Босић (2001: 397) izdvaja dva naziva za *jabuku* (*prosidbu*): *mala jabuka* i *velika jabuka*. *Mala jabuka* ili *mala prosidba* predstavljala je čin kada jedan ili oba momkova roditelja odlaze u kuću devojke samo da bi pitali želi li devojka da se uda za njihovog sina. Ukoliko je odgovor bio potvrđan, devojka je darivana jabukom i manjom sumom novca, čime je isprošena. Nakon toga ugovaralo se kada će se doći na *veliku jabuku* ili *prsten*, tj. na svečanu veridbu. Na sam dan venčanja u Srba je i danas prisutan svadbeni običaj gađanja jabuke kroz prsten, s tim što se u nekim mestima gađa tikva (Ајдачић 2015: 284–286) ili lutka (Босић 2001: 398). Gađanje jabuke kroz prsten opevano je u ženidbi junaka, jednoj od najrasprostranjenijih tematskih celina južnoslovenske epske narodne poezije: *На кули је копље ударено, / На копљу је од злата јабука; / Ту струјељај кроз прстен јабуку [...] / Да струјељам кроз прстен јабуку?* (СНП II br. 28). Informacije o ovom običaju u Slovačka nismo zabeležili.

U Slovačka se o sklapanju braka odlučivalo tokom običaja koji nosi naziv *pytačky*, izveden iz značenja glagola *pýtat'* (*čo od koho*) 'tražiti od nekoga nešto', odnosno *pýtat'* (*požiadat'*) *o ruku* 'tražiti ruku'. J. Komorovský (1976: 73–80) izdvaja dve forme *pytačky*: prvu neformalnu, koju čine tajni razgovori i pregovori, odnosno provodadžisanje ili navodadžisanje, i drugu, formalnu, kada je dogovor sklopljen između dve strane. Prihvatanje prošnje označeno je obrednim ritualima: vezivanjem ruku verenika, zdravicom, gošćenjem, poljupcem i razmenom darova: marame, peškira, prstena, pera, kolača (Botík – Slavkovský 1995: 338).

U slovačkom jeziku nismo zabeležili primere frazema s komponentom *jablko* koje se semantički odnose na svadbeni ritual. Mišljenja smo da razlog tome možemo tražiti u rasprostranjenosti ovog obreda najviše među Južnim Slovenima (Niederle 1911: 83–84), iako je zabeležen običaj darivanja jabuke kao znak prihvatanja prošnje i u Slovačkoj, premda su češće ovu simboličnu ulogu imali marama, peškir, često zajedno s novcem, a ponegde košulja, pero ili ratolest (Jakubíková 1996: 16).

Međutim, to nikako ne znači da jabuka nema simboličnu ulogu u svadbenom obredu Slovačka. Jabuka čini važan element mnogih narodnih svadbenih pesama i neretko simbolizuje odnos između momka i devojke:

*Červenô jablčko v oblôčku mám,
koho rada vidím, tomu ho dám;
a ja ŕa, Janičko, najradšej mám,
ja ti to červenô jablčko dám.*

*Mišliš ti, Haňičko, že to vidaj špas,
jak toto jablučko, co ho v ručke maš;
z jablučka odkusiš, ket plane, odruciš,
aľe s tim Jaňičkom verňe žic mušíš* (Felixová 1999: 95)

Biljna simbolika svadbenog obreda prisutna je i u vidu svadbenog barjaka, svadbenih venaca i ruzmarina, svatovskog cveća kojim se kite svatovi. J. Komorovský (1976: 242–249) izdvaja *svadbeno drvce* (*svadobný stromček*) kao važan element svadbenog obreda za koji su znali slovenski narodi. *Svadbeno drvce* (*svatovska grana*, *ratolest*) imalo je različite forme i nazive u Slovačkoj: *svadobný stromček*, *lipka*, *družka*, *veňec*, *ratolest'*.

⁵Potvrdu za prikupljene jedinice nismo pronašli u frazeološkom rečniku srpskog jezika (Oташевић 2012), već u opisnom (PCJ 2007), a njihove potvrde pružaju različiti etnolingvistički i folklorni tekstovi. Pogledati, na primer, studije Чиплић (1930: 113–125) i Дробњаковић (1937: 81–90).

Predstavlja granu drveta (smreke, lipe, jele ili bora, gloga, jabuke) okićenu slatkišima, voćem, šarenim pantljikama, a na vrhu grana nabadane su jabuke. Različite komponente svadbenog drveta pokazuju da je u pitanju obredna varijanta drveta sveta koja simbolizuje ponovno preživljavanje roditeljskog pragreha (Botík – Slavkovský 1995: 204). Svatovsku granu kod Srba donosi kum, a u mladoženjinu kuću unosi je mladina rodbina (Босић 2001: 400). U Slovaka je stariji ili mlađi neženja (*starši* ili *mladši mládenec*) nosio ukrašeno svadbeno drveće iz crkve na proslavu, gde ga deca raskite, uzimajući voće i slatkiše. Na istoku Slovačke svadbeno drveće, koje nosi naziv *lipka*, spaljivano je nakon svadbe uz pesmu „Horela lipka, horela” (Komorovský 1976: 246–247).

*Horela lipka, horela,
pod ňou ma milá,
horela lipka, horela,
pod ňou ma milá sedela.
Tečie voda zhora, bystrá je ako ja,
točí sa okolo, okolo javora...*

Obredi u vezi sa svadbenim drvcom vodili su ka njegovom paljenju, raskićivanju, ogoljavanju, čime je simbolično predstavljena nevesta i njen rastanak sa devojčkom slobodom (Komorovský 1976: 246–249).

Iz svega izloženog, može se zaključiti da leksema *jabuka* zauzima važno mesto u jezičkoj slici sveta Slovaka i Srba. Dosadašnja analiza građe pokazala je da, što se tiče frazema u srpskom jeziku koje u svoj sastav uključuju komponentu *jabuka*, a semantički se odnose na svadbene običaje: *pala je kome zlatna jabuka u krilo*, *baciti jabuku*, *primiti jabuku*, *deverska (kumovska) jabuka*, postoji stepen nulte ekvivalencije u slovačkom jeziku. Iako u slovačkoj frazeološkoj građi nema jedinica sa komponentom *jablko* koje upućuju na svadbene običaje, *jabuka* je bila element svadbenog obreda Slovaka (npr. *svadobný stromček*), na šta ukazuje etnografska građa. Detaljniji pregled svadbenih simbola čiji element čini *jabuka* mogao bi da se razvije, s obzirom na to da su predstave o jabuci utkane u jezičko iskustvo oba slovenska naroda.

Bibliography

- Ајдацић, Дејан (2015), Трагови народних обреда и веровања у српским и украјинским фразеологизмима (народни календар и свадба). *Савремена српска фолклористика II*. 277-290.
- Biedermann, Hans (1992), *Lexikón symbolov*. Bratislava, Obzor.
- Босић, Мила (2001), Јабукa у обичајима и веровањима Срба у Војводини. *Зборник Етнографског музеја у Београду: 1901–2001*. 395-404.
- Botík, Ján – Slavkovský, Peter (ed.) (1995), *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska 2*. Bratislava, Veda.
- Чиплић, Богдан (1930), О женидби и удадби у средњем Потисју. *Гласник Етнографског музеја у Београду V*. 113-125.
- Detelić, Mirjana (2013), Zelena jabuka u epskim pesmama. *Zbornik u čast Mariji Kleut*. 51-72.
- Dobříková, Mária (ed.) (2014), *Hudobné motívy vo frazeológii. Frazeologické štúdie VI*. Bratislava, Univerzita Komenského.
- Дробњаковић, Боривоје (1937), Свадебни обичаји код православних Срба у околини манастира Тавне у Босни. *Гласник Етнографског музеја у Београду XII*. 78-90.
- Felixová, Iveta (1999), Šuhaj, šuhaj, naše jablko, akô ti je ono sladkô. *Kultúra slova*. 33/2, 89-95.
- Jakubíková, Kornélia (1990), To Methodology of the Study of Wedding Customs. *Ethnologia Slavica* 22. 33-46.
- Jakubíková, Kornélia (1996), Slovenská svadba (z hľadiska potrieb a možností múzejnej expozície). *Svadba na Slovensku*. 15-20.
- Карацић, Вук (1975), *Српске народне песме II*. Београд, Нолит.
- Komorovský, Ján (1976), *Tradičná svadba u Slovanov*. Bratislava, Univerzita Komenského.
- Мршевић-Радовић, Драгана (2008), *Фразеологија и национална култура*. Београд, Чигоја.
- Niederle, Lubor (1911) *Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život starých Slovanů*. Dílu I. Svazek 1.V Praze, Nákladem BURSÍKA & KOHOUTA, knihkupců České university a České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění.
- Sborník slovenských národných piesní, povestí, prísloví, porekadiel, hádok, hier, obyčajov a povier* (1870), Vydáva Matica Slovenská. Sväzok I. Matičných spisov číslo 22. [SMS]
- Skladaná, Jana (2012), *Ukryté v slovách. Trinásť komnata a 131 tajomných slovných spojení*. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo – Mladé letá.

Izvori:

Jarošová, Alexandra – Buzássyová, Klára (red.) (2006, 2011, 2015), *Slovník súčasného slovenského jazyka A – G, H – L, M – N*. Bratislava, Veda, Vydavateľstvo SAV.

Kačala, Ján – Pisárčiková, Mária – Považaj, Matej (red.) (2003), *Krátky slovník slovenského jazyka 4*. Bratislava, Veda.

Караџић, Вук (1849), *Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи*. Издао их Вук Стеф. Караџић у Бечу.

Николић, Мирослав (red.) (2007), *Речник српскога језика*. Нови Сад, Матица српска. [РСЈ]

Оташевић, Ђорђе (2012), *Фразеолошки речник српског језика*. Нови Сад, Прометеј.

Smiešková, Elena (1988), *Malý frazeologický slovník*. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo.

Záturcký, Peter Adolf (2005), *Slovenské príslovia, porekadlá, úslovia a hádanky*. Bratislava, Slovenský Tatran.

Lubica Hroncová

Comenius University in Bratislava, Bratislava, Slovakia
hroncova.uk@gmail.com

Mesto a spoločnosť v próze Daniela Bacháta-Dumného

Daniel Bachat, the author of the breakthrough of romanticism and realism, sets a new connection between romantic sentimentalism and the reality of the coming period. The beginnings of the works can be dated to the period of his activity in the Slovak environment of Horný Liptov, where he became one of the active representatives of national life. After moving to Pest, he gradually adapted himself to the new environment, which was also reflected in his literary work. The prose he wrote at this time referred to as paintings from the city life. It created sentimental stories about the position of man in society, about his personal situation, the backdrop of society, intrigue, or the coexistence of the upper and lower layer of the bourgeois society. The interdependence between characters did not form the basis of a real-world perception, but rather idealized and in black-and-white distortion.

Keywords: urban prose, city life, society, sentimental story

Obdobie prechodu romantizmu k začiatkom realizmu, datované rámcovo rokmi 1849 – 1875, bolo ovplyvnené spoločenskou situáciou, ktorá sa konštituovala po roku 1849. Idey romantizmu ustupovali nasledujúcemu literárnemu smeru, ktorý však ešte len tápal v hľadaní nových foriem umeleckého stvárňovania. S. Šmatlák sa o revolučných rokoch 1848-49 vyjadruje ako o období prerušenia literárnej aktivity romantikov, ktorí boli nútení venovať sa politike a ozbrojenému boju. Literárny odraz tejto novej činnosti podľa jeho slov „nemohol byť sústavný, no aj tak sa na ňom črtá výrazný vývinový oblúk od počiatkovej optimistickej nádeje k rýchlemu trpkému sklamaniu. Ak prvé ohlasy na marcové udalosti roku 1848 boli plné radostného a odhodlaného nadšenia, potom skúsenosti z roku 1849 vniesli do literárnych prejavov generácie tón dezilúzie a tragiky“ (Šmatlák 2002: 119). Hlavné postavy romantického hnutia boli zo vzniknutej situácie zmätené, čo malo za následok oslabovanie ich súdržnosti. Okrem toho prejavy náklonnosti k slovenskému národnému povedomiu boli často trestané väzením alebo vylúčením z cirkvi. Mnohí národovci boli nútení odísť do rôznych miest Uhorska.

O. Čepan rozdeľuje vývoj literárneho procesu po revolúcii na tri obdobia. Prvú fázu podľa neho tvoria roky absolutizmu (1848 – 1849), v ktorých literárny a organizačný život stagnoval najviac, hoci časom sa potvrdila životaschopnosť mnohých zásadných názorov „štúrovskej“ skupiny. Druhá fáza je obdobie od konca absolutizmu po rakúsko-uhorské vyrovnanie (1849 – 1867), ktoré bolo časom nádejí, organizačných podujatí a zosilnenej aktivity romantikov. Treťou a poslednou fázou boli roky od vyrovnania do násilného zatvorenia národných inštitúcií (1863 – 1875), v ktorých sa sformovala mladá literárna generácia združená okolo almanachu Napred, ktorá sa oddelila od tradície. Toto obdobie je vlastným epilógom romantizmu v literatúre a v myslení slovenskej spoločnosti. (Čepan 1965: 62)

Porevolučné obdobie je charakteristické zmenami v ohraničovaní literárnych druhov. Popri poézii, ktorá v romantizme dominovala, sa začína rozvíjať próza, ktorej postavenie sa dostáva do popredia, najmä v šesťdesiatych rokoch. Napriek tomu, že po kvantitatívnej stránke sa tvorba prozaických prác výrazne zvýšila, kvalita tomu nezodpovedala. Podoba prózy, vznikajúcej po revolúcii, sa oproti predchádzajúcemu obdobiu, ktoré sa venovalo vlastenectvu a myšlienkam slávnej minulosti národa, podstatne zmenila. Autori reflektovali tematiku súčasného života takým spôsobom zobrazenia, aby čo najviac zaujali najširšie čitateľské publikum. „Romantický model slovenskej prózy, vypracovaný Kalinčiakom – teda prózy s vysokým umeleckým koeficientom subjektívnosti a z nej vyplývajúcej psychologickú a sujetovú dramatickosť – sa už ďalej nerozvíja, ba po estetickom popretí tohto modelu samým Kalinčiakom (v Reštavrácii) sa vlastne už ani rozvíjať nemôže. Na jeho miesto sa tlačí úpadková podoba romantizmu, v ktorej sa cit nahrádza povrebným sentimentom a vnútorný dramatismus subjektívneho prežívania pasívnou poslušnosťou voči moralisticky traktovanej sujetovej schéme.“ (Šmatlák 1999: 135)

V období postromantizmu prózu zastupovala novela a krátka poviedka, ktorá sledovala pôvodnú líniu predrevolučnej prózy. Uprednostňovala však protipóly romantickej literatúry, na jednej strane sentimentálnu

subjektívnosť, na strane druhej dokumentárnu vecnosť. Oskar Čepan konštatuje, že autori postromantickej prózy vo svojom spoločensko-psychologickom žánri analyzovali predovšetkým situácie človeka, ktorý v porevolučných rokoch hľadal svoje primerané miesto v spore starých ideálov s novou spoločenskou realitou, každý z nich však kládol dôraz na inú stránku tohto problému. (Čepan 1965: 21)

V novelistike postromantickeho obdobia sa objavujú motívy spojené s láskou, ktoré sú ovplyvnené jednak sentimentalizmom, jednak moralizátorstvom. Lúboštný cit však nie je zobrazený v prirodzených podobách, je skôr len zložkou, ktorá dotvára výchovný charakter novely. Využívanie týchto motívov je typické pre prózu Daniela Bacháta Dumného ktorý v nej rozvíjal motív veľkomesta a vyššej meštianskej spoločnosti.

Dielo Daniela Bacháta uzatvára proces vývoja romantickej literatúry a nastoľuje nové prepojenie romantického sentimentalizmu s realitou nastávajúceho obdobia. Východiskom v tvorbe autora je protikladné postavenie jednotlivca voči realite. Vzájomnú súvislosť medzi postavami nevytvára na pozadí reálne vnímaného sveta, ale značne idealizovane a v čierno-bielom skreslení. Týmto spôsobom je vytváraná aj kompozičná schéma noviel, ktorá je schematizovaná, stereotypná, banalizovaná a doplnená sentimentálnym pátosom.

Začiatky Bachátovskej tvorby môžeme datovať do obdobia jeho pôsobenia v slovenskom prostredí Horného Liptova, kde sa stal jedným z aktívnych predstaviteľov národného života. Poviedky, novely, noveletky a arabesky zo šesťdesiatych rokov, ktoré sa zaoberajú charakteristickými romantickými situáciami so zreteľom na výchovné a morálne ciele, zhrnul autor do druhého a tretieho zväzku Nevädzí (1870). Po presťahovaní do Pešti, kde bol ustanovený za kňaza v slovenskom evanjelickom zbore, sa postupne prispôboval novému prostrediu, čo sa odrazilo aj v jeho literárnej tvorbe. Súvisí to aj so skutočnosťou, že „slovenské meštianstvo, resp. inteligencia, ktoré sa natrvalo usídlilo v meste a podarilo sa mu zvýšiť si sociálny status, opúšťa svoju etnickú príslušnosť a usiluje sa zapojiť do väčšiny, už maďarsky hovoriacej skupiny obyvateľov hlavného mesta.“ (Kačír 2016: 37) Bachát písal už len prózy z nového pôsobiska, ktoré označoval ako obrazy z veľkomestského života. Tematizoval v nich sentimentálne príbehy o postavení človeka v spoločnosti, o jeho osobnej situácii, úspechoch a pádoch, o spoločenskom zákulisí, intrigách, alebo o koexistencii vyšších a nižších vrstiev meštianskej spoločnosti. V sentimentálno-romantických novelách a poviedkach, medzi ktoré patrí Vodnárka (Orol VII, 1876), Hasič (Orol 1876), Chudobka (Nitra VI, 1876), Švihák (Orol VIII, 1877) Kvetinárka (Orol IX, 1878), Moc prírody (Orol XI, 1888) a ďalšie, poukazuje na negatívny vplyv (kapitalizovaného) veľkomesta na jednotlivcov, pričom patetickým rozprávačským štýlom vykresľuje idealizované lúboštné vzťahy medzi postavami zo sveta mestskej aristokracie a nižších ľudových vrstiev. Novelou Vodnárka (1876) vyjadruje myšlienku o pozdvihnutí dobrých ľudí a páde zlých. V novele Hasič (1876) sleduje osud človeka, ktorý svojou nezištnosťou nakoniec získa bohaté dedičstvo, v novele Švihák (1877), Mučedlnica (1880), Moc prírody (1888) zobrazuje milostné vzťahy medzi grófkami a sedliackymi synmi, dôstojníkmi a slúžkami a pod.

Jednou z noviel, ktorá sa venuje problematike aristokratickej spoločnosti a meštianskeho prostredia, je próza Kvetinárka, uverejnená na pokračovanie v časopise Orol v roku 1878. Môžeme ju zaradiť medzi obsiahlejšie prózy Bacháta-Dumného. Jej sujet je komplikovaný v dôsledku toho, že autor sa v príbehu disharmonicky presúva medzi rôznymi časovými hľadiskami a priestormi viacerých miest.

Bachát už v úvode naznačuje v akom prostredí sa bude vyvíjať dej jeho novely, keď hovorí o živote vo veľkých mestách, ktorý je plný hluku vo dne aj v noci, pretože keď sa utíši denný ruch, oživa večerný, lebo v tomto čase si ľudia zájdu do hostinca alebo kaviarne.“ (Dumný 1878: 5) Mesto v Bachátovom literárnom stvárnení nadobúda význam sprítomňovania života obyvateľov a situácií ich každodenného života. Stáva sa výrazom výseku určitej historickej epochy a určitej spoločnosti.

Obraz Pešti bol najčastejším motívom, ktorý slovenskí autori 19. storočia používali v súvislosti s opisom veľkomesta. Bachát situuje postavy do peštianskeho prostredia, ktoré dôverne pozná. Pridáva však k nemu aj ďalšie európske mestá (Viedeň, Paríž, Londýn) a americký New York. Napriek tomu, že dej sa odohráva v rôznych prostrediach, môžeme konštatovať, že priestor mesta nie je hlavným objektom Bachátovskej prózy. Jeho pozornosť je sústredená na sentimentálny príbeh a reprezentáciu postáv, ktoré sa v novele dostávajú do popredia. Sujetovo-priestorová štruktúra diela, ako tvrdí D. Hodrová, môže byť ovplyvnená jeho žánrovým zaradením. To znamená, že v rôznych literárnych druhoch existujú odlišné typy priestorov a každý autor (a z časti aj každé jeho dielo) predstavuje špecifický model sveta. (Hodrová 1997: 14) Ako ďalej D. Hodrová uvádza, tento model nebýva úplne individuálny, vždy do určitej miery patrí svojej dobe, umeleckému smeru, aj určitému žánru. (Hodrová 1997: 14) Spisovateľ si v diele buduje svoj vlastný priestor, ale z tých možností, ktoré mu poskytuje doba. Preto Viedeň (hoci sa dej v ňom odohráva v takmer rovnakom rozsahu ako v Pešti) vystupuje v novele ako kulisa, pozadie príbehu, ktorého funkcia je druhoradá. Autor mesto spomína napríklad v spojitosti s politickou situáciou, keď

„Rakúsko mobilizovalo, nastávala rakúsko-talianska vojna“ a dôstojníci rakúskej armády boli povinní opustiť svoje rodiny. (Dumný 1878: 143) Oproti tomu pri zobrazovaní peštianskeho prostredia je autor detailnejší, v texte uvádza presné názvy ulíc: „Kečkemétska ulica vo vniutornom meste od aradskej novej ulice v Terezove – nie je tak vzdialená – a predca sa ľudia v nich bývajúci nesídu.“ (Dumný 1878: 146) Pešť v literárnom texte sprostredkováva znaky mesta, ktoré majú viac významov. Týkajú sa osobnej skúsenosti, môžu byť emotívne a ilustrovať povahu priestoru ako procesu. Môžu tiež zobrazovať realitu, ktorú postava zažíva priamo v danej priestorovej situácii. Bachát konkretizuje podobu veľkomesta deskripciou „malého a úzkeho dvora kaplnky nemocnice Rochusovej (Dumný 1878: 32), na ktorom sa zišlo veľa zvedavých občanov a „celého námestia nemocnice a pred kaplnkou ležiacu Stahlyho ulicu.“ (Dumný 1878: 32) Tento opis autor využíva na podchytenie atmosféry mesta, ktoré aj napriek svojmu priemyselnému rozvoju nestratilo svoj malomestský ráz a zachovalo si stereotypy verejného aj súkromného života. V tejto súvislosti môžeme uplatniť názor Pavla Halíka, ktorý charakterizuje veľkomesto ako obchodnú a priemyselnú metropolu, ako najväčší výtvor 19. storočia, obrovský, fascinujúci a zároveň nebezpečný, živelný, s palácami a brlohmi, naplnený anonymnými davmi. (Halík 1998: 21) Charakter, obraz, bol však vždy iný, či šlo o Paríž, Pešť, Prahu, Viedeň, zakaždým bol výsledkom prudkého rastu, na ktorý sa až v druhej polovici 19. storočia učili mestá reagovať. Na túto situáciu reaguje aj Bachát-Dumný a vo svojej novele sa zameriava na miesta veľkomestskej kultúry ovplyvnenej štruktúrou mestskej spoločnosti, najmä na kasíno, športový klub, koncertné priestory a najmä „národné divadlo veľmesta, ktoré často malo hostí na niekoľko predstaveniach, hostí tých najchýrejších európskych spevákov operných a spevkýň. Tieto posledné zanimaly obzvlášť modrokrevných aristokratických mladých gavalierov.“ (Dumný 1878: 58)

V spojitosti s citovaným textom treba poznamenať, že návšteva divadiel a ostatných inštitúcií spoločenskej zábavy je v tesnom prepojení so sociálnym a kultúrnym životom meštianskej a aristokratickej spoločnosti. Tento jav je vyhradený pre veľkomesto tak isto ako pôžitkársky spôsob života a rozmanitosť a komplikovanosť vzťahov predstaviteľov aristokratickej triedy celého 19. storočia. Kultúrnu činnosť šľachta organizovala pre vlastnú zábavu, ale dôležitá bola pre ňu aj v súvislosti s hospodárskou, politickou a ekonomickou reprezentáciou. V Uhorsku ešte aj v období dualizmu prežívali pozostatky stavovských zásad, ktoré sa odrážali v každodennom živote a celkovej orientácii spoločnosti. Aristokracia si naďalej udržiavala silné ekonomické a politické funkcie v krajine. Jej spoločenská prestíž úzko súvisela s rodovým postavením, historickými titulmi, výsadami a tradíciami. Daniel Bachát stav aristokracie zobrazuje na osobe mladého grófa Aurela Podhorského, ktorý mal byť po smrti svojho otca „neobmedzeným pánom rozsiahleho statku, mal byť dedičom slávneho mena a v tejto sláve sa nemal deliť žiadon s nim.“ (Dumný 1878: 5) Tiež na postave kontesy Elly, dcéry grófa Adeodata Podhorského, ktorá sa v penzióne vo veľkomeste zoznámila s chudobným stotníkom Eugenom Turským. Gróf ho „z počiatku vládne prijal, i svojmu synovi Aurelovi predstavil (Dumný 1878: 5), ale keď sa dozvedel o manželských úmysloch s jeho dcérou Ellou, prívetivosť sa vytratila. Aristokracia tvorila do istej miery uzavretú komunitu, stavovskou identitou a z toho súvisiacim sebavedomím sa vymedzovala voči nižšej šľachte, ktorú si veľmi ťažko vpúšťala medzi seba. Tzv. prvá spoločnosť sa riadila svojimi vlastnými nepísanými pravidlami. Ak predstaviteľ nižších stavov chcel „s nimi prísť do bližšieho styku, opytovali sa ho nielen kto, čo je on, ale i kto, čo bol jeho otec, ded, praded až neviem už do ktorého kolena. (Dumný 1878: 6) Eugen je podrobený tejto obyčaji a keďže nemá titul grófa a nepatrí ani k šľachtickému vysokému stavu, musí opustiť kaštieľ. Ella odchádza s ním a je otcom vydedená, pretože sobáš medzi nižšie postavenými príslušníkmi šľachty a starobylými aristokratickými rodmi nebol prípustný. Pokiaľ k takémuto manželstvu došlo, bolo považované za spoločensky nevhodné, potomkovia boli vylúčení z aristokratického kruhu a strácali v ňom rodové postavenie.

K tejto téme sa teoreticky vyjadrujú J. Macháčová a J. Matějček, ktorí charakterizujú dôstojníkov ako špecifickú skupinu, pôvodne tvorenú príslušníkmi privilegovaného šľachtického stavu. Neskôr, v druhej polovici 19. storočia, už pribúdali dôstojníci z radov nešľachticov. V pozícii stredných vrstiev zväčša nepochádzali z majetných vrstiev, takže boli odkázaní na svoj plat. Mladí dôstojníci radi vstupovali do manželských zväzkov s bohatými meštianskymi alebo šľachtickými dievčatami hlavne z ekonomických, ale aj sociálnych, kariérnych a rodinných dôvodov. (Macháčová, Matějček 2010: 250) To však nebol prípad Eugena a Elly, ktorých „manželský zväzok všetci dôstojníci a ich rodiny čo vzor považovali, ctili a milovali. Eugen bez toho mal najkrajšie výhľady na postupovanie vždy vyššie a vyššie a Ella aristokratickým vznešením, svojim držaním imponovala v spoločnosti i všade, kdekoľvek vystúpila.“ (Dumný 1878: 61) Vstup tejto dvojice do manželského zväzku bol v súlade s každodennou praxou meštianskeho života a okolie mu pripisovalo dôležitosť, ktorá zodpovedala dobovej kultúre. Nedá sa to však povedať o životnom štýle grófa Aurela, ktorý nadviazal vzťah s herečkou Miss Oceaniou

hľadajúcou možnosť splynutia s aristokratickou spoločnosťou a hlavne vyťažiť z nej po finančnej stránke čo najviac.

Profesia herečky a jej postavenie bolo v 19. storočí neisté, nielen kvôli možnosti straty hlasových dispozícií, ale aj kvôli nestálosti publika. Herci a herečky boli v spoločenskej hierarchii posunutí na najnižší stupeň. Počet stálych kamenných divadiel nebol veľký a umelec si namáhavo vydobýjal slušný príjem a vážené spoločenské postavenie. Okrem toho sa členovia divadelného súboru často presúvali do rôznych miest, čo malo za následok aj pohlavnú promiskuitu. Ženy, ktoré svoj život zasvätili divadlu, vo svojom súkromí vylúčili normálny rodinný život. Takýto životný štýl počestnú meštiansku spoločnosť od osobných kontaktov s ľuďmi od divadla odrádzal.

Gróf Aurel zaslepený obdivom k herečke si neuvedomoval, do akej nepriaznivej situácie sa dostal. Nadalej zachovával zvyklosti aristokratickej spoločnosti, jeho kaštieľ jasal sa v lesku a ozdobách, zábava nasledovala za zábavou, vyrazenie za vyrazením, poľovačka za poľovačkou.“ (Dumný 1878: 86) Tieto, autorom načrtnuté, ustálené rituály pomáhali šľachte zachovávať si určitý odstup od sveta nižších vrstiev. Mnohí vlastnili paláce v mestách a kaštiele na vidieku, ktoré využívali ako letné sídla. Šľachta sa tu v rámci svojej triedy stretávala pri rôznych zábavách, plesoch a poľovačkách. Lov zvierat bol exkluzívnou celodennou aristokratickou záležitosťou, po ktorom nesmela chýbať večerná hostina. Šľachta väčšinou žila pestro a podobnými podujatiami dávala najavo svoju dominanciu alebo dosiahnuté mimoriadne výkony.

V opísaných skutočnostiach je naznačené, že Daniel Bachát buduje svoju novelu na motívoch lásky, ktorými sa snaží poukázať na možnosť zblíženia odlišných spoločenských vrstiev. Do falošne romantických polôh stavia vzťahy medzi príslušníkmi aristokratických a nižších spoločenských vrstiev. Chce tým naznačiť možnosť harmonického súladu v ľudských osudoch, ktorý by sa odvíjal v závislosti od ich morálnych vlastností, bez ohľadu na ich spoločenské postavenie. Sentimentálny príbeh, vyrozprávaný patetizovaným štýlom, zdôrazňuje nereálne ľúbostné vzťahy medzi svetom aristokracie, meštianstva a ľuďmi z nižších vrstiev. Na zobrazovanie vyššej spoločnosti používa autor dva kontrastné typy – egoistických jedincov, ťažiacich z rodových privilégií a jemnocitných bytostí, podliehajúcich idealizovanému ponímaniu lásky.

Kontext postáv, tak ako ich definuje Bachát, zodpovedá funkcii sentimentálnej novely, ale nezodpovedá reálnemu stavu a všeobecnému mysleniu spoločenských vrstiev 19. storočia. Mentalita spoločnosti, či už to bola spoločnosť aristokratická, šľachtická alebo meštianska, bola závislá na výchove, tradíciách, náboženstve a vychádzala z hodnôt jednotlivých vrstiev, ktoré boli určované ich normami a každodennými činnosťami. Súvisela so životným štýlom a životnými podmienkami, ktoré členov sociálnej skupiny ovplyvňovali v ich vzájomných vzťahoch a správaní. Bachátov spôsob spracovania novely smeruje k modulácii danej skutočnosti skreslenej ľudovou povestou. „Ovplyvnený folklórnou slovesnosťou doviedol reformu sujetovo-kompozičného pôdorysu spoločenskej poviedky tým, že podriadil motiváciu konfliktov i životnej cesty postáv lyrickým princípom a kľučkám subjektívne chápanej dialektiky. Týmto prešiel k sentimentálnej idyle, iluzionizmu a pasivite voči spríkrenej skutočnosti.“ (Čepan 1965: 192)

Hlavnú líniu prózy vytvára autor na pláne rozprávky, kde dobro víťazí nad zlom, ktoré je potrestané. Novela je ovplyvnená poetikou ľudovej slovesnosti, ktorej východiskom je dejinné poznanie jedinca, najmä z rodinného prostredia a jeho blízkeho okolia. Rozpätie tohto kognitívneho procesu je vytvárané spôsobom života človeka, jeho vnímaním vlastnej minulosti a zážitkov s ňou spojených. Bachát-Dumný si osvojoval tieto motívy a začleňoval ich do kompozícií svojich poviedok, čím zahmlieval pohľad na reálny stav spoločnosti.

D. Bacháta a ostatných autorov postromantickej slovenskej literatúry „spája márna snaha nájsť literárny výraz nových životných obsahov, ktoré sa dostávali v porevolučnom období a v tzv. matičných rokoch na program dňa. Všetci však umelecky stroškotali na nemožnosti uviesť meravú schému romantickej prózy do súladu so zmeneným rytmom čias. Prekážkou tu bola najmä snaha skoordinať tzv. motivické plány (realitu, postavy, dej) s idealizovanou schémou ľudovej rozprávky, založenou na boji a apriórnom víťazstve abstraktného dobra nad konkrétnym zlom.“ (Čepan 1984: 35)

V diele autora postromantizmu Daniela Bacháta sa do spracovania tematiky mestského spoločenského života prenášajú zákonitosti fungovania spoločnosti porevolučného obdobia. Do koncepcie jeho próz prenikajú prvky meštianskych životných náhľadov spolu s moralistickým sentimentalizmom. Motív jeho próz, izolácia človeka od spoločnosti, naznačuje rozkol medzi súkromným a verejným životom a pocit odcudzenia, melanchólie a osamelosti jednotlivca.

Na záver môžeme slovami M. Eliáša konštatovať, že postromantická novela a poviedka v mnohom anticipovala prózu literárneho realizmu, pod priamym tlakom analogických spoločenských podmienok načrtla témy a motívy, ktoré časť realistických autorov (napríklad S. H. Vajanský, ktorý sa nezbavil niektorých tradícií sentimentalizmu) využila v celkom odlišných ideovo-estetických súvislostiach. (Eliáš 1984: 43)

Príspevok vznikol v rámci projektu VEGA 1/0647/17 Poetika prózy 18. – 20. storočia.

Bibliography

Primárna literatúra

Dumný, Miloslav (1878), *Kvetinárka. Obrázok z veľkomestského života*. Orol. Obrázkový časopis pre zábavu a poučenie. Turčiansky Sv. Martin. Roč. IX. č. 2.

Sekundárna literatúra

Čepan, Oskar (1965), *Dejiny slovenskej literatúry III*. Bratislava, SAV.

Čepan, Oskar a kol. (1965), *Literatúra druhej polovice devätnásteho storočia*. Bratislava, Vydavateľstvo SAV.

Eliáš, Michal (1984), Mikuláš Štefan Ferienčík – život a tvorba. In: Kocák, Michal: *Mikuláš Štefan Ferienčík Jozef Horák a Banská Štiavnica*. Martin, Matica slovenská.

Kačirek, Ľuboš (2016), *Národný život Slovákov v Pešťbudíne v rokoch 1850 – 1875*. Békešská Čaba, Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku.

Halík, Pavel - Nový, Otakar - Kratochvíl Petr (1998), *Architektúra a mesto*. Praha, Academia.

Hodrová, Daniela (1997), *Poetika miest: kapitoly z literárnej tematologie*. Jinočany, H&H.

Machačová, Jana – Matějček, Jiří (2010), *Nástin sociálneho vývoje českých zemí 1781 – 1914*. Praha, Karolínium.

Šmatlák, Stanislav (2002), *Dejiny slovenskej literatúry*. Bratislava, Literárne informačné centrum.

Emilia Hruszowiec

The University of Wrocław/Historic Institute, Wrocław, Poland
ehruszowiec@wp.pl

Sytuacja Żydów podczas powstania Chmielnickiego na podstawie kroniki Natana Hannowera *Jawein Mecula*

After concluding the Lublin Union in 1569 and incorporate the eastern lands, not only became The Commonwealth the country bound together the vast areas, but also people of various nationalities and religions. The most numerous minority were Jews, the group having a different legal status from the rest of society. The Chmielnicki uprising, which broke out in the eastern part of the country, had an enormous influence on change of the situation of the representatives of this faith. The main aim of this work is to present the position of Jews during the uprising on the basis of testimony the one of the witness who was also the member of Jewish community. Not only will be presented the course of the event, but also the attitude of the rest of the society to the Jewish issue and results of the uprising having a great impact on the future.

Keywords: Jews, Chmielnicki uprising, Hannover, Jawein Mecula.

Wiek XVI oraz początek XVII w. to nie tylko okres szybkiego wzrostu potęgi państwa polsko-litewskiego, ale także „Złoty wiek” kultury żydowskiej. Sprzyjająca koniunktura sprawiła, że rola gospodarcza Żydów systematycznie rosła, a Rzeczypospolitą zaczęto określać mianem *paradisus Judaeorum* (łac. „raj dla Żydów”).

Dominującym zajęciem przedstawicieli wyznania mojżeszowego stał się handel. Obrót rodzimymi, a przede wszystkim zagranicznymi towarami luksusowymi po niższych cenach, sprawił, że szlachta często występowała na sejmach i sejmikach dążąc do rozszerzenia uprawnień handlowych dla Żydów, ale także obrony ich przed kupcami pochodzenia mieszczańskiego. Ponadto, znacznie wzrosła rola Żydów w działalności kredytowo-pieniężnej. Kredytobiorcami stali nie tylko przedstawiciele innych wyznań, ale również współwyznawcy. Ważnym elementem gospodarczej działalności Żydów stały się arendy. Dzierżawa słodowni, kuźni, młynów, żup, a także cel i myt stała się na tyle powszechna, że z czasem zaczęły jej podlegać nawet dobra królewskie. Dopiero protesty szlachty sprawiły, że na mocy postanowień sejmu piotrkowskiego z 1538 r. zakazano Żydom arendy dóbr publicznych. Podobne stanowisko przedstawił w 1580 r. Sejm Czterech Ziem, będący od 1580 r. centralnym samorządem narodu żydowskiego.

Istotną kwestią stał się również rozkwit kultury żydowskiej. Oprócz rozwoju takich dziedzin, jak architektura, sztuka, czy literatura, należy zwrócić uwagę także na szkolnictwo. Wtedy to właśnie powstały liczne placówki edukacyjne, takie jak chedery czy jesziwy.

Potwierdzeniem przedstawionej powyżej sytuacji był wzrost liczby ludności żydowskiej zamieszkującej tereny ówczesnej Rzeczypospolitej. Według danych przedstawionych przez M. Horna (1996:20), szacuje się, że w okresie od 1501 do 1648 r. odsetek wyznawców judaizmu wzrósł z 0,6 % do ok. 5%, czyli z 30 tys. do ok. 450-500 tys. osób.

Rok 1648 nie stanowi przypadkowej cezury. Był to moment przełomowy, a tym samym związany z końcem „Złotego wieku” kultury żydowskiej. Wybuch powstania Chmielnickiego w południowo-wschodniej części ówczesnej Rzeczypospolitej diametralnie zmienił sytuację ludności żydowskiej. Ze względu na ekonomiczny charakter profesji, którymi zajmowali się przedstawiciele wyznania mojżeszowego oraz ich powiązania z polską szlachtą, Żydzi stali się szczególnie prześladowani podczas powstania. Wyznawcy judaizmu najczęściej uciekali z zagrożonych terenów szukając schronienia w obwarowanych miastach. Pomimo to, większość z nich spotykał ten sam los, jak tych, którzy zdecydowali się pozostać w domostwach, a mianowicie śmierć. Z czasem powstał termin *kidusz ha-Szem* oznaczający męczeńską śmierć poniesioną za wiarę, a przed imionami zaczęto dodawać przydomek „święty”. Innym losem, który spotykał Żydów było wzięcie do niewoli tatarskiej. Powszechnie uważano, że jest lepszym rozwiązaniem niż śmierć, gdyż porwane osoby mogły liczyć na wykupienie przez innych wyznawców judaizmu. Pogromom często towarzyszyły także takie wydarzenia, jak niszczenie synagog oraz świętych ksiąg. Co więcej, czasem też zmuszano Żydów do konwersji.

Źródła uwzględniające wydarzenia 1648 r., za przykładem żydowskiego biografisty Steinschneidera, dzieli się na trzy podstawowe kategorie: kroniki zawierające opisy prześladowań, modlitwy oraz wzmianki w tekstach różnych autorów (Bałaban 1914: 3). Z historycznego punktu widzenia, najistotniejsze są kroniki, dlatego też właśnie one zostały szerzej zaprezentowane.

Kroniki żydowskie odnoszące się do wydarzeń z czasów powstania kozackiego stanowią pewnego rodzaju fenomen. Wcześniej wśród polskich Żydów nie pojawił się żaden historyk, ani nawet poeta tworzący w języku hebrajskim, czy też jidysz. Dopiero rok 1648 stał się przełomem. Wśród kronik najczęściej wymienia się: „Zwój ciemności” Sabbataja Kohena syna Majera, „Błoto głębokie” Samuela syna Natana, czy „Ucisk czasów” Majera syna Samuela ze Szczepreszyna. Jednak najbardziej znaną i najdokładniejszą pozostaje dzieło Natana Hanowera z Zasławia pt. „Jewein Mecula”, czyli „Bagno Głębokie”.

Autor kroniki pochodził z Ostrogu, natomiast w Zasławiu osiadł po małżeństwie z córką miejscowego Żyda Abrahama. Na Wołyniu przebywał aż do 25 VIII 1648 r., czyli do zdobycia Płonno przez Kozaków. Po ucieczce przez Międzyrzecz do Niemiec osiedlił się w Amsterdamie, skąd z kolei trafił do Wenecji, gdzie w 1653 r. wydał swe dzieło „Bagno Głębokie” (Bersohn 1905: 29). Tytuł kroniki identyfikuje się z treścią psalmu 69. werset 3: „Ja tonę w bagnie głębokim”. Jednak istnieje także inna jego interpretacja. Z języka hebrajskiego wywodzi się również słowo o podobnym zapisie, co *jawein* różniące się od niego tylko samogłoskami, a mianowicie *jawan*. Oznacza ono tyle co *Jonowie*, *Grecy* i jest łączone ze wszystkimi wyznawcami kościoła greckiego, więc także z Rusinami, Moskalami, czy też Kozakami. W związku z tym, tytuł czasami interpretowany jest jako „Kozackie bagno” (Bałaban 1905: 6-7).

„Bagno Głębokie” obejmuje opis wydarzeń z lat 1648-1652 oraz przedstawia tzw. opis zwyczajów polskich podzielony na 6 filarów, gdzie autor wyjaśnia, między innymi, sposób funkcjonowania żydowskiej administracji, czy też szkolnictwa. Oprócz pojedynczego wymienienia kroniki czeskiego Żyda - Dawida Gansa, autor nie ujawnia skąd czerpał informacje na temat wydarzeń opisywanych w kronice. O ile o sytuacji przed oblężeniem Płonno Natan Hanower mógł czerpać informacje z pobliskich wsi, to dalsze źródła nie są wiadome. Kronika napisana jest dosyć patetycznym językiem. Charakteryzuje ją nie tylko biblijny styl wypowiedzi, ale także częste użycie cytatów pochodzącym z Pisma Świętego.

W przedmowie poprzedzającej część właściwą, Natan Hanower (1905: 4-5) ujawnia, że „Bagno Głębokie” pisał „dla opowiadania i pouczenia przyszłych pokoleń”. Z tego też powodu część utworu odnoszącą się do właściwych wydarzeń poprzedził wspomnieniem o sytuacji, które miały miejsce w 1607 i 1639 r., czyli do prześladowań żydowskich za czasów buntu Nalewajki i Pawluka, które były niejako zapowiedzią wydarzeń roku 1648.

Istotną kwestią jest także ukazanie przez Natana Hanowera powodu nienawiści Bohdana Chmielnickiego (nazywanego Chmielem) do Żydów. Znaczącą rolę odegrać miał tutaj Zachariasz Sabilenki, arendarz Czehrynia, który donosząc właścicielowi miasta, Aleksandrowi Koniecpolskiemu, o zdradzie Chmielnickiego przyczynił się nie tylko do jego uwięzienia, ale także do wydania wyroku śmierci, który nie został wykonany. Bunt Chmielnickiego szybko przybrał na sile dzięki zawarciu sojuszu z Tatarami, ale również przez śmierć króla polskiego Władysława IV Wazy w tym samym czasie. Czynnikiem niesprzyjającym Żydom była także niechęć Rusinów, którzy uważali wyznawców judaizmu, głównie arendarzy, za jeden z symboli ucisku.

Celem ratowania życia Żydzi zaczęli gromadzić się w obwarowanych miastach. Jedną z takich twierdz był Niemirów. Szukający tam schronienia zostali jednak zdradzeni przez mieszkańców miasta, którzy zawarli wcześniej sojusz z Kozakami. Mieszczanie użyli podstępny i przekonali broniących się, że na ratunek przybyły im wojska polskie. W rzeczywistości były to wojska kozackie, które dla zmylenia Żydów użyły polskich chorągwi. Plan okazał się skuteczny. Brama warowni została otwarta. Rzeź nastąpiła 20. dnia miesiąca Sywan roku 5408, czyli 10 kwietnia 1648 r. Nie licząc wziętych w jasyr, Hanower podaje, że w pogromie zginęło 6000 osób. O symbolicznym wydarzeniu świadczy także fakt, iż Sejm Czterech Ziem ustalił rocznicę 20. Sywan dniem surowego postu i żałoby, a na Wołyniu i Podolu elegie za ofiary rzezi odmawiano jeszcze w początkach XX wieku.

Następny pogrom miał miejsce w Tulczynie, gdzie zginęło ok. 1500 osób. Mimo pozornego podobieństwa sytuacji przebieg wydarzeń był zupełnie inny. Twierdza była bronią wspólnie przez połączone siły polsko-żydowskie na podstawie zawartego wcześniej sojuszu. Gdy oblężenie pozostawało nierozstrzygnięte zbyt długo, szlachta broniąca Tulczyn zdecydowała się na zdradę swych sojuszników i ugodę z Kozakami. Odebrali oni Żydom broń i wydali w ręce wrogów, którzy zmuszali ich do zmiany wyznania. Jednak i Kozacy nie dotrzymali obietnicy i zdobyli Tulczyn tłumacząc to słowami: „Jak uczyniliście z żydami, łamiąc układ z nimi

zawarty, tak czynimy z wami; miara za miarę” (Hannower 1905: 34). Odtąd zawierane z Żydami nie były już łamane.

Kolejny pogrom, po którym Natan Hannower zdecydował się na opuszczenie ojczyzny, miał miejsce w gminie Płonne. Również tutaj podobnie, jak w Tulczynie, szlachta walczyła wspólnie z Żydami. Jednakże o zdobyciu miasta zdecydował jeszcze inny czynnik, którego wtedy nie uwzględniono, a mianowicie Rusini zamieszkujący miasto. Po skutecznej agitacji ze strony kozackiej, zgodzili się oni przejść na stronę wroga. Kronikarz podaje, że 20 lipca zginęło ok. 10 tys. wyznawców judaizmu.

Nie poprzestając na dotychczasowej zemście, wojska Chmielnickiego udały się następnie m. in. do Piławiec i okolicznych miast. Znamiennym wydarzeniem pozostaje zdobycie Baru, które udało się także dzięki ingerencji Rusinów i wykopaniu przez nich tunelu pod miastem. Przełomem stało się dopiero oblężenie Lwowa, zakończone wypłaceniem Kozakom okupu w kwocie 200 tys. złotych polskich. Ponadto, nie zdobyte przez wojska Chmielnickiego pozostały twierdze w Jazłowcu, Buczaczu, Komarnie, Belzie i klasztorze Sokalskim.

Jednym z ostatnich pogromów było tzw. „Nieszczęście świętej gminy Narola” 2 listopada 1648 r., które sam kronikarz określa rzezią najokropniejszą w całej Polsce. Po przez niechęć pana miasta do układania się z Kozakami, według Honnowera, śmierć poniosło 12 tysięcy Żydów.

Za zakończenie pogromów żydowskich uważa się ugodę zborowską zawartą dopiero 17 sierpnia 1649 r. Na mocy jej postanowień ocaleni z rzezi wyznawcy judaizmu mieli być wysiedleni z województwa braclawskiego, kijowskiego i czeniowskiego. Co więcej, nie mieli oni wstępu, tak samo jak wojska koronne, do miast, w których stacjonowały pułki kozackie. Problemem ponownego stworzenia gmin żydowskich na tych terenach zajęto się w 1650 r., a rok później na mocy ugody w Białej Górze zniesiono postanowienia zborowskie dotyczące Żydów.

Masakry lat 1648-1649 zwane są przez Żydów *Gzejres tach we-tat*, czyli rzeziami lat 5408-5409. Szacuje się, że w okresie od 1648 do 1654 roku śmierć poniosło od 20-25% ludności, czyli od 100 do 125 tys. osób. Wyliczenia nie obejmują jednak Żydów, którzy uciekli z ziem objętym powstaniem kozackim, a także wziętych w jasyr (Horn 1996: 25). Straty w ludności były ogromne, jednak nie aż tak wielkie, jak to zostało ocenione przez Hannowera na kartach kroniki. Liczby pozostają wyolbrzymione celem nadania wydarzeniom wyższej rangi oraz podkreślenia martyrologii narodu żydowskiego.

Bibliography

Bałaban, Majer (1914), *Jawein mecula t.j. Bagno głębokie. Kronika zdarzeń z lat 1648-1652*, napisana przez Natana Hannowera z Zaslavia i wydana po raz pierwszy w Wenecji w r. 1656, przeł. z oryginału i opatrzył wstępem i objaśnieniami M. Bałaban. In: *Sprawy i rzeczy ukraińskie. Materiały do dziejów kozaczyzny i hajdamaczyzny*. Lwów, F. Rawita-Gawroński.

Bersohn, Mathias (1905), *Słownik biograficzny uczonych Żydów Polskich*. Warszawa, P. Lauskauer i s-ki.

Horn, Maurycy (1996), *Rola gospodarcza Żydów w Polsce do końca XVIII wieku*. In: *Żydzi wśród chrześcijan w dobie szlacheckiej Rzeczypospolitej*. Kielce, Kieleckie Towarzystwo Naukowe.

Michałowska, Anna (2001), *Elegie żydowskie upamiętniające wydarzenia połowy XVII wieku*, In: *Napis*, seria VII.

Żydowski Instytut Historyczny: Powstanie Chmielnickiego (http://www.jhi.pl/psj/Chmielnickiego_powstanie), [access: 21.04.2018 r.].

Yordan Karapenchev

Sofia University „St. Kliment Ohridski“, Sofia, Bulgaria
yordan_kara@gmail.bg

Сравнителен анализ на лингвостилистичните характеристики на копирайтинг текстове

The study analyses the linguo-stylistic characteristics of two texts, presenting the mobile devices Samsung Galaxy A5 (2015) and iPhone X, published in the website www.mtel.bg. Using the SMCR communications model by David Berlo, it defines the stages of information transfer and the characteristics of the senders and receivers. The two smartphone models have been developed for different target audiences, based on the diffusion of innovations model by Everett Rogers. Namely - the innovators and the late majority.

Keywords: copywriting, text, language, communications, stylistics, audience

1. Увод

Създаването на текстово съдържание онлайн става все по-важна част от работата на всички организации. Това поражда нуждата от създаване на уникално и интересно съдържание, което да привлечи интернет потребителите. Ограниченията на дължината на текстовете, въведени от много социални мрежи, в комбинация с възможността за лесно добавяне на изображения към текста влияят на начина, по който общуваме (Фидлър 2005: 25). За илюстриране на съвременните тенденции в създаването на копирайтинг текстове за нови медии ще разгледаме кампанията на продукти, които са тясно свързани с навлизането на новите медии в живота на потребителите. През 2017 г. на българския пазар започнаха продажбите на моделите смартфони Samsung Galaxy A5 и iPhone X. В този анализ ще разгледаме дали тези разлики дават отражение на текстовото представяне на двата продукта на сайта на Мтел.

2. Цели на изследването

Изследването извежда лингвостилистичните особености на копирайтинг текстовете, представящи мобилните устройства Samsung Galaxy A5 и iPhone X, публикувани в уебсайта www.mtel.bg. В него използвам модела за комуникация SMCR на Д. Берло, с помощта на който се дефинират и анализират етапите на пренос на съобщението и характеристиките на адресантите и адресатите. Двата модела смартфони са предвидени за две различни целеви групи, определени по модела за дифузията на иновациите на Е. Роджърс: иноваторите и късното мнозинство. Съпоставяйки анализираните по двата метода текстове, изследването очертава тези лингвостилистични характеристики, които са използвани от копирайтърите за създаването на съдържание, насочено към съответната група, описана по модела на Е. Роджърс.

За да изясня езиковия регистър използвам 5-степенната скала на М. Джусза видовете езикови регистри - застинал (frozen), официален (formal), консултативен (consultative), всекидневен (casual) и личен (intimate). М. Джус (1961:51) описва характеристиките, които всеки един от тези регистри притежава.

3. Лингвостилистични особености

3. 1. Езиков регистър на текста за Samsung Galaxy A5

Поставянето на текста за Samsung Galaxy A5 в тази скала не е лесно, заради наличието на маркери на разговорност. Ти-форми, императиви (наслади се) и думи от младежкия жаргон (флагмани и др.). Това прави представянето в сайта на Мтел по-разговорно. Възможностите за обратна връзка от страна на адресата са ограничени, което е една от ключовите характеристики на всекидневния регистър, според М. Джус. В случая на този текст обаче, те се изчерпват до възможни интеракции със сайта.

Ясно е, че трябва да се направят компромиси в сравнение с флагманите, но в същото време съотношението цена/качество трябва да е страхотно. Именно тук изгрява звездата на новия модел за

2017 на Samsung Galaxy A5. Запазвайки най-доброто от предшественика си, Samsung надгражда своето устройство с нови функции и по-добри параметри.

Един от най-често използваните похвати в търговския разговор е опитът на търговеца да убеди клиента, че всъщност няма нужда да променя позицията си по даден въпрос. Това може да се извърши като се признае недостатък, но същевременно се изтъкне предимство (Ракхам 1999: 56). В случая копирайтърът признава за "компромиси в сравнение с флагманите", но обръща фокуса от това с помощта на подчиненото изречение "...но в същото време съотношението цена/качество трябва да е страхотно."

5.1.2. Езиков регистър на текста за iPhone X

Копирайтинг текстът за iPhone X е аналогичен по своите цели, но избира друг път, по който да достигне до тях. Той също е ревью, което цели да разкрие ключовите конкурентни предимства на новия модел iPhone пред публиката, но не е създаден от компанията, която управлява електронния магазин. Широката употреба на неформални обръщания и фразеологизми като "радва окото" и "време е да кажеш "здравей"" подсилват разговорния характер на текста и са опит на копирайтъра да създаде усещане за близост с читателя. Този текст е създаден, за да въздейства на адресата на емоционално ниво:

Смартфон от стъкло? Да. Няма нужда да се тревожиш - достатъчно здрав е. Разбира се - подсилен с неръждаема стомана от толкова високо качество, че може да се използва в хирургията. Безжично зареждане. Устойчивост на вода и прах.

Функцията му е не само комуникативна, но и експресивна и апелативна. Тези черти се припокриват с посочените от М. Джус особености на всекидневния регистър, затова ще класифицирам текста за iPhone X като принадлежащ на този регистър.

5.2. Лексикални особености

5.2.1. Лексикални особености на текста за Samsung Galaxy A5

В текста за Samsung има ограничено количество англицизми, най-вече свързани с имената на технологиите и на самото устройство. Разделям ги условно на две групи. Такива, които са широко навлезли в българската речева практика, и такива, които са с ограничена употреба в специализирана среда. В първата група попадат думи като: *компромис, функции, параметри, дисплей, технология, камера, индикатор, софтуер, селфи*. Във втората група поставям думи, които са термини, използвани от специалисти и любители на високите технологии – *мегапиксел, нотификация*.

В текста наблюдавам и употребата на трети вид англицизми - такива, които буквално са взети от английски език и са изписани на латиница: *Super AMOLED, Always-on Display* и самото наименование на устройството *Samsung Galaxy A5 (2017)*. Първите две се отнасят за конкретни технологии, използвани в дисплея, които нямат точен аналог на български и транслитерацията им може да предизвика още повече неясноти.

5.2.2. Лексикални особености на текста за iPhone X

Текстът за iPhone X е по-богат на чуждици. В първата група откривам някои от думите, използвани в текста за Samsung Galaxy A5, но и немалко други: *функции, параметри, дисплей, технология, камера, индикатор, софтуер, селфи, парола*. Сред думите с по-ограничена употреба са *инч, мегапиксел, копроцесор*. Думите, които са от английски език без транслитерация, са често и абривиатури: *Super Retina HD, RAM, OLED, FaceID, home, TrueDepth*, както и собственото несъщинско съществително име *iPhone X*. Прави впечатление, че значението на думите невинаги е ясно извън контекста.

Изборът на копирайтъра да използва повече подобни думи, предполага наличието на по-запозната с тях аудитория. Това се вписва напълно в характеристиките на иноваторите, описани от Е. Роджърс. В текста откривам и сложни съществителни с диграфия и устойчиви словосъчетания, характерни за разговорната реч. Л. Кирова(2001) посочва, че това са характерни черти на жаргона на геймърите в България.

5.3. Морфосинтактични особености

5.3.1. Морфосинтактични особености на текста за Samsung Galaxy A5

Текстът за устройството на Samsung се характеризира с широка употреба на безлични конструкции. Това са изречения, в които наблюдаваме глагол за действие или състояние, което протича без изрично да е посочен вършител на действието.

Много е трудно да се уцелят точните характеристики.

Ясно е, че трябва да се направят компромиси.

Подобни изречения често се използват, за да представят природни явления или вътрешни състояния и преживявания на човек. Стилистичният смисъл в използването на тези конструкции в текста за Samsung Galaxy A5 може да се търси в желанието на копирайтъра да представи своята гледна точка за характеристиките на това устройство като обективна и безпристрастна.

Анализът на синтактично ниво показва, че в текста за Samsung Galaxy A5 има 7 прости и 10 сложни съставни изречения.

5.3.2. Морфосинтактични особености на текста за iPhone X

За разлика от текста посветен на Samsung Galaxy A5, този за iPhone X използва неформално обръщение във второ лице единствено число, което е характерен маркер за разговорност на текста. Например:

"Ако и ти си сред тях..."

"Super Retina екран изпълва цялата ти длан..."

Стилистичният ефект, който се постига, е създаването на близост между адресат и адресант. На синтактично ниво откривам 10 сложни съставни, 3 сложни съчинителни, 1 сложно смесено и 8 прости изречения. В този текст стилистичните ефекти се постигат на синтактично равнище. Пример за това е създаването на градация с помощта на безглаголни изречения: *Безжично зареждане. Устойчивост на вода и прах.* Подобни стилистични ефекти се постигат и с редица характерни за този текст конструкции с приложени конструкции:

"Камерата е най-добрият пример за това - множество сензори и иновативна технология..."
(Защо е най-добрият пример?)

"Няма нужда да се тревожиш - достатъчно здрав е." (Защо няма нужда да се тревожи?)

Отделяйки ги с тире, авторът сякаш пропуска зададения от читателя въпрос. Подобна имитация на диалог може да се открие и в друг тип конструкции, които откриваме в този текст.

"Смартфон от стъкло? Да."

"При iPhone X дисплеят е всичко. Буквално."

Тези двойки изречения трябва да се разглеждат като една смислова структура. Последващите ги изречения ("Да" и "Буквално") биха се вписали в стилистиката на текста и като възклицателни. Това обаче не означава, че текстът имитира точно устната реч. А. Ефимова (2018: 148) отбелязва, че при оформянето на писмени разговорни текстове не се достига до пълна синтактична деструкция.

5.4. Графични особености

5.4.1. Графични особености на текста за Samsung Galaxy A5

В двата текста се наблюдават редица графични отклонения. В текста за Samsung Galaxy A5 откриваме 3 примера на използване на кирилица и латиница едновременно в рамките на едно изречение. Л. Кирова (2001) определя този вид използване на две или повече графични системи като диграфия на ниво изречение.

Super AMOLED технологията гарантира богата палитра от цветове,

Именно тук изгрява звездата на новия модел за 2017 на Samsung Galaxy A5.

Изписването на марката Samsung на латиница може да бъде обяснено с опитите да се оптимизира съдържанието на страницата за търсещите машини.

5.4.2. Графични особености на текста за iPhone X

При текста за iPhone X отново откривам диграфия на ниво изречение, с използване на кирилица и латиница, като случаите са 12. Липсват обаче примери за полуслято изписване на думи и цифри. За сметка на това откриваме други отклонения - слято изписване на думи, които по принцип се изписват отделно (TrueDepth, FaceID и т.н.). Може да се търси конотация с изписването на бранда iPhone, което също само по себе си представлява графично отклонение в английския език.

FaceID се активира от TrueDepth камерата. Настройва се съвсем лесно и бързо.

Това е първият OLED екран, който отговаря на високите стандарти на iPhone.

Името на бранда iPhone само по себе си е пример за графично отклонение, а използването на подобни отклонения в наименованието на функциите, които той предлага, може да ги постави в общо конотативно поле. Изброяването на ключовите предимства на устройството в стилистично отношение е аналогично на изброяването при Samsung.

5.8" (14.73 см) SuperRetinaHD дисплей

A11 Bionic чип с 64-битова архитектура + вграден M11 копроцесор за движение

Сходството може да бъде обяснено с авторството на тази част от текста. Както вече изясних - текста за iPhone е преводен от английски език и не е подготвен от екипа на сайта, на който е публикуван.

5.5. Визуални особености

5.5.1. Визуални особености на текста за Samsung Galaxy A5

Копирайтърското ревю за Samsung Galaxy A5 може да се категоризира като смесен текст според своята семиотична основа заради редуването на езикови и неезикови елементи (Ефтимова 2014:133). На страницата има три изображения, всяко едно от които се отнася до един от трите абзаца в текста.

Изображения на SamsungA5

Изборът на изображения може да бъде обяснен с авторството на текста. Копирайтинг ревюто за Samsung Galaxy A5 е дело на екипа на Мтел, което означава, че подготвянето му следва принципите на тази организация. Текстовите полета и изображенията си взаимодействат и смислово.

5.5.2. Визуални особености на текста за iPhone X

Следвайки същата класификация на текстовете по семиотична основа, отново определям копирайтинг ревюто за iPhone X като пример за смесен текст от езикови и неезикови средства. Разликата е, че отделните полета са подредени вертикално, а не шахматно. Избраните изображения в текстовете отразяват ценностите на компаниите, които са ги създали, на базата на което откривам още потвърждения в следващите изображения.

Изображения на iPhone X

Аррлепосочват сред своите основни корпоративни ценности разнообразието на раси, култури и етноси. Идеята за иновациите пък се подчертава с демонстрацията на конкретни функции.

6. Резултати

На базата на това предлагам следната таблица за систематизиране на наблюдаваните лингвостилистични средства, използвани в копирайтинг текстовете за различните целеви групи:

Таблица 2. Лингвостилистични средства в анализираниите копирайтинг текстове за двете целеви групи

Характеристика	Иноватори	Късно мнозинство
Езиков регистър	Всекидневен	Консултативен
Лексикални особености	Широка употреба на англицизми и думи от интернет жаргона	Ограничена употреба на англицизми, свързани с имена на технологии
Морфосинтактични особености	Разговорни форми Неформално обръщение Сложни съставни изречения	Безлични изречения Прости изречения, включващи множество еднородни части
Графични особености	Диграфия Отклонения в използването на редовни и главни букви	Диграфия Абревиатури
Визуални особености	Множество изображения Имиджова насоченост на изображенията	Ограничено количество изображения Илюстративна цел на изображенията

Bibliography

- Apple Inc. (2018), *Apple Values*. [online] <https://www.apple.com/newsroom>
- Berlo, David (1960), *The Process of Communication*. New York, Holt, Rinehart and Winston.
- Ефимова, Андреана (2014), *Медиен език и стил*. София, Университетско издателство "Св. Климент Охридски".
- Ефимова, Андреана (2018), *Регистри в журналистическия дискурс*. София, Университетско издателство "Св. Климент Охридски".
- Everett, Rogers (2003), *Diffusion of Innovations*. 5th edition. New York, Free Press.
- Joos, Martin (1961), *The Five Clocks*. New York, Harcourt, Brace and World.
- Кирова, Людмила (2001), *Билингвизъм и диграфия в речта на българските геймъри*. Електронно списание LiterNet, № 8 (21).
- Мобилтел, ЕАД (2018), *За Мтел* [online] <http://www.mtel.bg/za-mtel>
- Ракхам, Нийл (1999), *С какво се различава консултативния стил на продажби от традиционния? Следствие 3 от 4*. [online] http://dohodite.com/focused_salespeople/consultative-selling_3
- Фидлър, Роджър (2005), *Медиаморфоза. Да разберем новите медии*. София, Кралица Маб.

Kristína Krajanová

Comenius University in Bratislava, Bratislava, Slovakia
krajanova.k@gmail.com

Polámané figúrky (Križ profesora Hunku Jána Bodenka)

This academic paper is about the fourth book of Ján Bodenek, namely Križ profesora Hunku (1945). The presented paper analyses and interprets Bodenek's novel and interprets the characteristic feature of Bodenek's books which is the conflict between body and soul, and between sense and sensibility. The composition elements and selected motives are analysed, and so is the writing style of the author. Within the Slovak literary history, Bodenek belongs into the group of lyrical-prose writers. In this academic paper it is worked also with the historical critical reviews that contribute to the comprehensive aesthetic appreciation. The research demonstrates that Križ profesora Hunku seems like not very successful attempt for a social novel. The lyricism in the book is forced and characters of the story act as overexposedly as if they were affected theatrical figures.

Keywords: interpretation, novel, lyricism, critical review, aesthetic appreciation

V roku 1938 debutoval slovenský prozaik Ján Bodenek románovou novelou *Ivkova biela mať* určenou najmä pre detského čitateľa. Po nej vydal svoj skôr napísaný, no do šuplíka odložený rukopis *Zapálené srdce* (1939), ktorý už kritika tak kladne neprijala. Po spätnej väzbe kritikov sa Bodenek zameral na kratšie epické útvary, ktoré publikoval postupne časopisecky, až napokon vyšli knižne pod názvom *Svetlá na bublinách* (1942). Po zbierke krátkych próz sa Bodenek vracia k žánru románu, a to aj napriek skutočnosti, že jeho kratšie texty boli kritikmi prijaté priaznivejšie. Spisovateľovým v poradí štvrtým vydaným dielom je román *Križ profesora Hunku* (1945). Dielo vzniklo rozšírením novely *Úzkosť pani Marty* zo zbierky *Svetlá na bublinách*.

Názvy rozšírenej novely a románu majú podobnú skladbu. Zakaždým ide o „útrapu nejakého človeka“. Dalo by sa povedať, že úzkosť pani Marty sa prelieva do „križa“ profesora Hunku, keďže román je o trápení starého pána nad správaním dcéry Marty, ktorá uteká od bohatého manžela za nie veľmi solventným milencom. Čin svojej dcéry nedokáže profesor Hunka pochopiť. Nie je v súlade s tým, ako svoju dcéru celý život vychovával. Úzkosť pani Marty sa však napokon vytráca, pretože odchádza za láskou, hoci sa tým vzdáva blahobytu. Starosti a vrásky zostávajú už len profesorovi Hunkovi.

Cieľom tohto príspevku je naznačiť podstatné aspekty diela a ponúknuť jeho celkové zhodnotenie. Podobne ako Bodenkove predošlé diela, aj tento román je kompozične vystavaný na princípe kontrastov: život v bohatstve bez lásky vs. bežný život s milovanou osobou; rozum vs. cit, predstavy vs. realita; Martin vs. Andrej (vzpor mužov: nos, ústa, vlasy; odlišné je tiež Martino správanie sa k mužom). Ani v tomto románe (podobne ako v Bodenkovej próze *Svetlá na bublinách*) nie je riešenie ideálne, Marta nestretáva bohatého muža, s ktorým by si rozumela. Uteká z mesta s Andrejom Struhom, úradníckym pisárom, s ktorým však našla lásku, ktorú nenašla v manželstve s bohatým Martinom Rojkom.

Dôležitý kontrast v románe predstavuje sen a realita. Profesor Hunka snoval vo svojich predstavách, ako zo svojej dcéry vychová dámu a ako si jedného dňa nájde postavením seberovného partnera. Vo svojich predstavách si vystaval svet s pevnými múrmi vlastného presvedčenia: „*a medzi nimi bola biela, motýľová postava jeho dcéry s roztvorenými krídlami ľahkých šiat, v postoji princeznej pri svojom princovi*“ (Bodenek 1945: 161). Je to priam romantická predstava, ktorú sníva profesor aj na konci knižky, keď už Marta reálne utiekla s Andrejom.

Marta je Hunkovým miláčikom, otec je ňou až posadnutý (profesor sa v záverečných častiach viac než o zdravotný stav svojej ženy zaujíma o to, či je jeho dcéra doma). Marta má byť akýmsi „produktom“ profesorovej výchovy – cielene ju nechal privykať na blahobyť. Profesor Hunka má diktátorskú povahu, vychováva mládež. Prostredníctvom výchovného aspektu v Hunkových prejavoch vyznieva Bodenkov román didaktizujúco.

Marta je stavaná do polohy poslušnej dcéry – vydá sa za Martina, hoci už pred sobášom cíti, že sa jej nepáči. Má panské maniere (vidina pohodlného života v manželstve s Martinom), je rozmarná (rozplače sa, keď nedostane kožušinu tej farby, ktorá sa jej páčila), zdanlivo povrchná (Je to len pisár!), sentimentálna a pasívna (chcela spáchať samovraždu, ale nemala odvahu umrieť), napokon však dokáže byť aj vzdorovitá (voči Martinovi

a otcovi). Táto postava je zmieta protikladnými citmi. Zápasí s vedomím hanby a škandálu, keď jej milenec Andrej navrhuje, aby sa s manželom rozviedla. Zápasí ale aj sama so sebou, aby vydržala s Martinom.

Martini muži sú vykreslení kontrastne. Jej pohľad sa často zameriava na detaily na Martinovi. Rozprávač neustále spomína široký koreň Martinovho nosa, ktorý akoby symbolizoval blahobyť. Potom sa záber presúva na mykanie pier a končí pohľadom na začínajúcej plešine. Čitateľ vníma, že Martinu nepriťahuje, na rozdiel od Andreja s bujnými vlasmi a prenikavým pohľadom, z ktorého vyžaruje nespútanosť, príťažlivosť, magnetizmus, ale aj tajomno. Andrej je až romantickou postavou v príbehu.

Postavy z tejto knihy sa správajú ako figúrky v divadle – hrajú v situáciách, v ktorých je to potrebné (Marta, keď sa jej protiví Martin; profesor Hunka, keď chce zahľadiť šíriacu sa zvesť o rozvoze novomanželov). Niekedy postavy nielenže hrajú, ale sú až afektované. Spisovateľ ich zobrazuje v akomsi krčci, prehýbajú a lámu sa v páse, krčia tváre, mykajú sa, trhá nimi, ich exaltovanosť sa pretavuje do prehánajúcich gest a výraznej reči tela. V tomto zmysle má názov knihy súvis s výjavom profesora Hunku. Hunkova mentálna ťarcha sa prejavuje v jeho telesnej zhrbenosti a zlomenosti.

V súvislosti s expresivitou reči tela sa treba zmieniť aj o expresívnosti jazyka v tejto knižke. V nej je Bodenkov štýl výrazný až ťažkopádny, krčovitosť jazyka vytvára druh lyrizácie, čítaním ktorej sa však stráca čitateľský zážitok. Bodenek je „tepač slova, básnik, lyrizujúci epik, ktorý hľadá, preklepáva a unáša sa mocnosťou slova“ (Rampáková 1946: 146). Spisovateľ akoby ešte umocnil a zvýraznil svoj štýl zo *Svetiel na bublinách* (v nich sa tvár od plaču len skrčila – v tomto románe sa však až „schumľala“). Výber takýchto jazykových prostriedkov je nápadný až rušivý.

Niektoré dialógy (medzi manželmi Lipkovcami), ale aj monológy (Hunkove výchovné prejavy) pôsobia neprirodzene, príznakovo. Táto strojenosť vo verbálnych prejavoch súvisí s „hereckými výkonmi“ Bodenkových figúrok. Ide viac o figúrky než o ozajstné literárne postavy s autentickým, pre čitateľa uveriteľným správaním. Bodenkovo dielo nemožno vykladať v realistickom kóde. Príbeh sa odohráva kdesi v meste, ktorého všetci obyvatelia, figúrky, sa správajú čudne. Prostredie tohto malomesta „pripomína celé to ovzdušie mestských, viacmenej klebetárskych obrázkov typu Jesenského a Jégého“ (Rampáková 1946: 146).

Dielo možno kompozične rozdeliť na tri časti, akceptujúc autorovo rozdelenie na kapitoly. Prvá časť je totožná s novelou *Úzkosť pani Marty*, v ktorej nadhodil Bodenek tému, vykreslil pozadie dievčiny a vytvoril kontrasty medzi jej nápadníkmi. V druhej vytvoril zápletku, od ktorej sa odvíja zvyšné smerovanie románu. Táto zápleтка však vznikla náfučnutím malichernosti: Andrej nepriamo urazil holičovu dcérku slovami, že nenávidí ženy. To hneď popudilo Lipku, zvestoval udalosť žene, tá sa doňho zadrápila, aby s tým niečo urobil, a tak začal chodiť Lipka do krčmy provokovať Andreja, až kým ho za to Andrej neovalil fľašou po hlavu. Malomešťania svojimi činmi a správaním odkrývajú svoju morálku – žiadna z figúrok nie je morálne čistá. Lipkovci hľadajú zámienku, aby sa mohli zadrapiť do Andreja, holič ho sleduje a donáša naňho u Hunku. Profesor Hunka klame a všemožne zastiera skutočnosť, len aby z incidentu nevznikol škandál a na ich rodinu nepadla hanba. Na citovom šťastí dcéry mu veľmi nezáleží, keďže jej nanucuje vysokopostaveného partnera a žiada ju, aby prerušila s Andrejom kontakt. Ani Marta sa však nevymyká malomeštiackej morálke. Vyberá si život v prepychu, ktorý je silným protiargumentom vzťahu s Andrejom. Až v tretej časti románu sa pod vplyvom okolností (tie nedala do pohybu ona, ale Lipkovci) rozhodne pre život s tým, kto sa jej naozaj páči. Láska v tomto románe má oslobodzujúcu podobu. Bodenek teda píše o láske, „ktorá sa vyslobodzuje spod tiaže predsudkov a konvencií“ (Plintovič 1976: 242).

Táto láska však nie je vášnivá ani romantická, ako by sa mohlo zdať. K zblíženiu dochádza na racionálnej úrovni (ako to bolo aj v prípade Belhana a Oty v zmienenej próze *Svetlá na bublinách*). Láska Marty „uvažuje, je temer rozumná, ako je rozumné všetko v motivovaní tejto prózy“ (Rampáková 1945: 146). Dievčina sa pýta v duchu, či má milovať muža, ktorý je len pisárom. V predošlej zbierke sa u postáv zmocňovalo telo duše, v tomto prípade sa zmocňuje rozum citu. Celá próza sa preto nesie v umiernenom tóne (Rampáková 1945).

Udalosti, ktoré sa v príbehu odohrávajú, sú založené na princípe náhodnosti. Profesor Hunka si želá, aby mu Andrej Struha neotvoril dvere, aby nemusela pred holičom vyjsť pravda najavo. Andrej mu skutočne neotvára. Neskôr si Hunka pod zámienu nalákania Marty domov vymyslí, že jej matka zomiera. Keď sa vracajú spolu domov, pani Hunkovej prišlo skutočne zle od srdca a situácia pôsobí, akoby profesor neklamal. Hoci sa obe náhody udejú v jeho prospech, láska je aj tak silnejšia a starému profesorovi sa nepodarí udržať dcéru doma.

V tomto diele sa ukazuje Bodenkova návratnosť k skoršej poetike. Niet Bodenkovho diela, v ktorom by sa v nejakej podobe neobjavil motív hladu. V *Kríži profesora Hunku* je hladný holič Lipka, ktorý sa musí najprv najesť, aby vládol „konať zlo“ (ide do krčmy provokovať Andreja). V románe sa neraz spomína, že pani Hunková

je „biela žena“, aj Marta je „biela dcéra“. Naopak matka Oľgy, Martinej kamarátky, má prsty sčerneté od šúpania zemiakov. Hunkove ženy sú biele preto, lebo sú „čisté“ – v zmysle, že neprichádzajú do kontaktu s domácimi prácami a žijú si pansky. Biela farba je teda významovo posunutá oproti *Ivkovej bielej materi*, kde sa biela spájala predovšetkým so smútkom. Tieto knižky majú ešte spoločný motív posmechu ľudí: Ivkovmu otcovi zavesia ostatní robotníci na chrbát nápis „Otrhaný Indián“ a profesorovi Hunkovi zase zavesia ľudia na bránu tabuľku s nápisom „Gróf Pšakrev“. Spoločnosť je v Bodenkových knižkách voči hlavným protagonistom vždy neprajná. So *Zapáleným srdcom* má táto knižka podobné romantické gesto lásky dvoch mladých ľudí, ktorí všetko zvládnu, keď sa uskromnia – hlavne, že sa majú radi...

K tejto Bodenkovej knižke vyšlo najviac recenzií.¹ Spomedzi renomovaných kritikov sa k dielu vyjadril A. Mráz (1946: 22), ktorý konštatuje, že „motívy a postavy, ktoré mali dokresľovať a zvýrazňovať postavenie Hunkovo v práci, sú nielen matné, ale kriľavo schematické. [...] Tá karikatúra predmestského holiča a jeho ženy, i keď v tom môže byť demaskovanie malomeštiackej tuposti, tie gestá a vzdychy milenca, na ktorého sa zavesí nešťastná manželka akéhosi boháča, to všetko je pustá farbotlač, v ktorej zarámčovaní trpia aj črty dobre naškicovanej postavy profesora Hunku.“ L. Rampáková (1946: 148) zase Bodenkovi vyčítala, že kým prvá polovica príbehu je prepracovanejšia, „ostatok je viac náhlivý ako prepracovaný, viac dodaný rozprávačom ako zdôvodnený vnútornou stavbou.“

Výstavba diela upriamila pozornosť citovaných kritikov na jeho žáner. Ukazuje sa, že táto Bodenkova knižka nie je románom, hoci takéto označenie stojí na jej titulnej strane: „Križ profesora Hunku nie je román, len rozvedenejšia novela. V ústrednej svojej postave a v ústrednom probléme šťastne postihnutý materiál pre novelistickú skladbu“ (Mráz 1946: 22). Rampáková (1946: 147) o diele píše, že „jeho motivické pletivo je prijednoduché, jeho zdôvodňovanie prituho zjednodušované a konečne jeho zakľúčenie je viac nevyhnutným doriešením, viac pre ucelenosť látky, rozvrhutej autorom, ako vyplývajúce zo širokej motivickej základne. Určená je v tejto próze ako by len základná línia konfliktu.“ Uvedené nedostatky naznačujú, že ani tentokrát Bodenek románovú koncepciu nezvládol. Potvrdzuje sa tým, že kratšie epické žánre, za ktoré bol najviac chválený, zvládol lepšie z hľadiska dodržania kompozície.

Didaktizujúco-sentimentálna próza *Križ profesora Hunku* je poslednou knižkou z Bodenkovej tvorby do roku 1945. Spomedzi štyroch knižiek, vydaných do tohto roku, stojí zároveň na poslednom mieste aj z hľadiska vydarenosti.²

Bibliography

- Bodenek, Ján (1945), *Križ profesora Hunku*. Turčiansky sv. Martin, Matica slovenská.
- Červenáková, Katarína (1985), *Ján Bodenek. Výberová personálna bibliografia*. Banská Bystrica, Literárne a hudobné múzeum v Banskej Bystrici.
- Jurčo, Ján (1981), 2. Križ profesora Hunku. In: *Premeny Bodenkovej prózy*. Bratislava, Slovenský spisovateľ.
- Mráz, Andrej (1946), Z novej prózy. *Elán*. 1-2/15, 22.
- Plintovič, Ivan (1976), Literárny profil Jána Bodenka. In: Bodenek, Ján, *So sebou a s vami*. Martin, Osveta.
- Rampáková, Ľudmila (1945), J. Bodenek: Križ profesora Hunku. *Slovenské pohľady*. 1-6/61, 146-148.

¹ Podrobnejší súpis recenzií sa nachádza v bibliografii Červenákovovej (1985: 27 – 28). Ide celkovo o 16 recenzií na román *Križ profesora Hunku*, ktoré napísali M. Tomčík, E. Rampáková, A. Mráz, J. Butvin. Dve recenzie sú nepodpísané a zvyšné recenzie sú podpísané skratkami „št“, „-jdd-“, „-ka“, „Ro“, „KaR“, „-ela“, „J. H.“, „SŽ“, „Hč“. Identifikovanie kritikov podpísaných skratkami a zapracovanie všetkých recenzií do jedného príspevku by si však vyžadovalo samostatný priestor.

²Štúdiá vyšla v rámci riešenia grantu VEGA 1/0647/17 *Poetika slovenskej prózy 18. – 20. storočia*.

Přemysl Krejčík

University of Pardubice, Pardubice, Czech Republic
premysl.krejcik@gmail.com

Genderové stereotypy v české dystopické próze druhé poloviny 20. století

The article focused on the stereotype functions of men and women in Czech dystopian prose during the mid 20th century. The dystopian proeses of this period are perceive as a disagreement with a communist regime and well-established political and social orders. Naturally, the dystopian proeses were influence by the current discourse. This article compares the phenomenon of hegemonic masculinity in the dystopian proeses with a gender standardization in the socialistic pop-culture.

Keywords: Dystopia, Communist totality, Czech literature, Gender stereotypes, 20th Century

Smyslem tohoto článku je přiblížit české literární texty dystopického žánru v kontextu, který doposud literární badatelé opomíjeli: v otázce genderových stereotypů. Přitom česká dystopická próza vzniklá po druhé světové válce bývá tradičně interpretována jako vyjádření nesouhlasu s komunistickým režimem, tedy jako boj se zavedenými pořádky jak politickými, tak společenskými. Politickou moc v období totality můžeme sice považovat za katalyzátor společenských změn, nicméně fungování společnosti samotné je již otázkou společenských struktur. To patrně nelze od diktátu politické moci zcela oddělit, lze to ovšem vnímat do jisté míry nezávisle na něm. Je nutné si také uvědomit, že literatura – a to i science fiction – je do určité míry odrazem každodenního života. V tomto případě především života v socialistickém Československu.

Neodmyslitelným společenským fenoménem jsou samozřejmě také genderové stereotypy, nezřídka totalitní vládou a její oficiální kulturou podporované (Machek: 2012, 286-298). Pokud byla dystopická próza ve druhé polovině dvacátého století skutečně formou vyjádření nesouhlasu s politickým režimem, nabízí se tato otázka: Jak je možné, že – stejně, jako socialistická popkultura – česká dystopie odpovídala modelu hegemonní maskulinity, kde je hrdinou vždy muž (Langer: 2006, 232-233)? Muž, který symbolizuje odvahu, bojuje proti systému, zatímco žena je v roli vedlejší. Nastiňme, do jaké míry jsou genderové stereotypy zakořeněny v literárních dílech české dystopie z období komunistické nadvlády. Těmito stereotypy míníme především představu silného a hrdinného muže a vedle něj slabé ženy, která potřebuje ochraňovat.

Science fiction je tradičně považováno za žánr nadčasový a konkrétně dystopie za žánr varovný a vystupující proti „pokřivené společnosti“. Není tedy možné nevzít v úvahu, že dystopie, která se – nezřídka programově – vymezovala proti dobovému politickému útlaku, stereotypně rozděluje role obou pohlaví, a tyto role zpravidla nenarušuje. Vyjma případu, kdy autorem není muž, nýbrž žena, konkrétně Eva Hauserová, která je navíc označována za autorku feministickou, nejčastěji sama sebou.

Jak ovšem dobový úzus podporoval genderové stereotypy? K dystopiím lze v tomto přistupovat z více hledisek, která se patrně prolínají. O tom, že dystopické texty ukazovaly alegoricky prstem směrem k soudobé politické moci, referují převážně výklady děl a paratexty u knižních vydání. Takový výklad děl je navíc posílen v případě, že byl autor součástí literárního undergroundu, jako v případě Egona Bondyho. Nalézt jiný výklad jeho *Invalidních sourozenců*, než že jde o alegorii komunistického režimu, je prakticky nemožné, a tento výklad je považován za obecně platný. Podobně je tomu i v případě exilového Martina Harníčka a jeho novely *Maso*.

Výklad, že autor cíleně, cituji: „*usvědčoval ze lži ‚virtuální‘ realitu podporovanou režimem*“ (Páv: 2014, zadní strana obálky), nalezneme taktéž v oficiální anotaci k jediné sbírce povídek Zdeňka Páva *Neočlověk*, (jde o v roce 2014 vydaný soubor povídek z osmdesátých let). Těmito výkladům se ovšem nebrání ani autoři stále žijící, s podobným tvrzením přichází i anotace povídkové sbírky *Abbey Road* Josefa Pecinovského, nehledě na to, že dystopickým prózám se autor věnuje i v současnosti, tedy téměř třicet let po Sametové revoluci.

Ať výklady a anotace literárních děl tvrdí cokoli, je třeba ke zmíněným faktorům přičíst fakt, že dystopická díla vznikala v českém prostředí i dávno před obdobím komunistické nadvlády, ve velké míře v období mezi dvěma světovými válkami. Přesněji tradice české dystopie má počátek ve druhé polovině dvacátých let

dvacátého století, kdy vznikla a vyšla díla *R.U.R.* a *Továrna na absolutno* Karla Čapka, *Velkovýroba ctnosti* Jiřího Hausmanna a *Dům o tisíci patrech* Jana Weisse.

Meziválečná díla obsahovala varovné prvky před totalitou politickou (Krejčík: 2017, 22), náboženskou (Krejčík: 2017, 18, 22, 25), či před totalitou rodící se z technického pokroku (Krejčík 2017, 44, 61). Poválečné dystopie se věnovaly častěji tématu totality politické, neboť mohly čerpat z aktuální reality (Krejčík: 2017, 26-84). Ovšem kromě politických témat najdeme již ve starší české dystopii také genderově stereotypní role, které v poválečné tradici nemizí.

Jako příklad nám poslouží dílo Jana Weisse z roku 1929, kterým je román *Dům o tisíci patrech*. Již v něm můžeme nalézt coby ústřední postavu muže, který se pokouší hrdinskými činy narušit systém, bojuje sám proti zdánlivě nepřemožitelné síle a co je hlavní, pokouší se zachránit křehkou ženu, která zde slouží především jako hnací síla a jejím nejdůležitějším aspektem je právě její bezbrannost a potřeba být zachráněna. Tento motiv není v literatuře nic neobvyklého, naopak, táhne se prakticky celou literární historií. Je neustále recyklován, variován a využíván již od dob rytířských románů, či mýtů. Později se výrazně prosazuje v počátcích literární fantastiky, na kterou i česká dystopie – ač oklikou – navazuje. Není se tedy čemu divit, že i poválečná tradice české dystopické prózy zůstala tomuto prastarému motivu věrná. A nejen česká. Čím jiným je Orwellovo *1984* než (z určitého hlediska) variací na toto téma? Hlavní hrdina Orwellova románu Winston Smith je možná na první pohled trochu zbabělým rytířem, je nicméně hnán (mimo jiné) touhou zapůsobit na ženu a především z toho důvodu nachází odvahu bojovat v předem prohrané bitvě proti politickému totalitnímu systému.

Je nasnadě ovšem připomenout, že právě v románu *1984* Orwell genderové role zpochybňuje. Ty jsou sice společensky jasně dané, nicméně hlavní ženská postava Julie se jim vzepře. A co je důležitější, je to ona, kdo ve Winstonu Smithovi probudí odvahu, protože sama je odvažnější než on. To Julie nakonec Smitha vtáhne do dobrodružství, do boje proti systému. Winston Smith přesto zůstává hlavním hrdinou románu, zatímco Julie se musí spokojit s úlohou hrdinova katalyzátoru. Jejich vztah je samozřejmě umocněn erotickou touhou, ta je ovšem oboustranná, nelze tedy zjednodušeně říct, že Julie je Winstonova odměna za odvahu bojovat (což je jiný častý motiv v literární fantastice, zejména v žánru tzv. *Sword and sorcery fantasy*).

Autoři dystopií psali (a nadále píší) příběhy, kde je hlavní postavou silný a hrdinný muž. Tím bezděky podporují nejen pasivní představu o roli ženy, ale i stereotypní vnímání mužné síly. Jinými slovy: Silný mužský hrdina je odrazem společenského nátlaku na stereotypní chování muže. Samozřejmě, není to tak bez výjimky. Druhým typem muže je ten, který se vzepřít snaží taktéž, je ovšem slabý.

Od, komunistickým režimem podporované, představy o genderových rolích se však české dystopie liší v zásadním bodě. Jak tvrdí Jakub Machek ve studii *Muži na radnici a ženy za pultem*, podstatou socialistického populárního umění je podporovat – především co se role muže týká – snahu být součástí kolektivu. Muži v dystopiích naopak proti kolektivu aktivně bojují, což můžeme chápat jako paralelu boje této literatury proti režimu. Ač způsob, jakým se muž prezentuje a chová v rámci společnosti, se významně liší, dokonce by se dal označit za protichůdný, stále zůstává faktem, že jak oficiální socialistická popkultura, tak dystopická próza podporují představu o neměnném rozdělení rolí obou pohlaví. A to nehledě na to, zda šlo o dystopii oficiálně vydávanou, či naopak o dystopii alegoricky kritizující komunistickou nadvládu, a tedy vydávanou pouze exilově, samizdatem, nebo do roku 1989 nevydávanou vůbec.

Stejně je to v případě ženy. Machek si ve své studii (věnované analýze socialistických televizních seriálů, nikoli sci-fi literatuře) všimá, že žena je v socialistické popkultuře prezentována jako osoba, která obětuje svou kariéru pro rodinu. Tím je jasně daná její role a její životní úděl. Role ženy v dystopickém fikčním světě je jiná, ač taktéž pevně stanovená. Její alfa a omega není rodina, nicméně funkce ženské literární hrdinky je především podpora muže, tentokrát ovšem jeho hrdinské snahy a jeho boje.

Ani to však neplatí pro dystopie úplně plošně, např. Harníčkovy *Maso* rozhodně není příběhem, v němž je muž hrdina a zároveň bojovník proti systému. A už vůbec neplatí, že by bylo jeho hrdinství motivováno snahou získat, nebo snad dokonce zachránit ženu. Fikční svět novely *Maso* je drsným každodenním bojem o život, jakékoli citové vazby zde nemají žádné místo. Fráze „Přežijí pouze nejsilnější“ je nejen přílepkou, zdá se být také doslovnou. Pokud se tedy na scéně objeví žena, je s ní zde zacházeno jako s nástrojem, více než cokoli jiného je *používána*. Z toho se hlavní hrdina nedokáže vymanit, ani když dočasně opustí krutou společnost, ve které prožil většinu života a dostane šanci na nový začátek. Zde by bylo možné nalézt celou řadu paralel k vnímání mužské a ženské role, neboť Harníček krutým a syrovým způsobem demonstrovuje mužskou sílu a ženskou podřízenost. Dále také autor reflektuje motiv výchovy potomků, která je mužům ve světě Harníčkovy prózy cizí. Ačkoli i tento tzv.

ženský úděl zde prochází jistou deformací a ženy pečují o potomky pouze pro výhody z toho získané. Hierarchie, kde je na prvním místě muž, na druhém žena, a konečně na posledním dítě, je zde více než patrná.

Genderové role v českých dystopiích musíme chápat jako důsledek tradice žánru, vyplývající zcela logicky z tradice společenského rozdělení na základě pohlaví. Přes protirežimní a nezřídka protispolečenskou povahu dystopických děl, v nichž je tato pohlavní struktura přítomná v drtivé většině případů. Výjimkou je snad pouze Eva Hauserová, která ve svých povídkách často tyto typizované role muže a ženy převrací, a to zejména ve sbírce povídek z osmdesátých let *U nás v Agónii* a ve sbírce povídek ze samého počátku devadesátých let *Když se sudičky spletou* (obě knihy byly vydány až mnohem později). Přesto i Hauserová svými texty ukazuje stereotypy o mužských a ženských rolích. Pouze vnímání role ženy a vnímání role muže otáčí a snad tak poukazuje na nesmyslnost těchto typizovaných společenských rolí.

Za protiklad k této feministické autorce můžeme považovat Vladimíra Párala. Jeho román *Země žen* operuje s myšlenkou, že společnost se změnila z patriarchy na matriarchát, což autor předkládá jako vizi dystopickou a velmi znepokojivou.

Odpovězme nyní na počáteční otázku jak je možné, že autoři dystopií podporovali (co se genderového rozdělení rolí týče) stejnou myšlenku, jako oficiální socialistická popkultura. Jak se ukazuje, je toto tvrzení pouze zdánlivé, ovšem i to jen do určité míry. Jakubem Machkem analyzované socialistické seriály ukazují muže a ženu v zajetí struktur takových, v jakých by měl socialistický člověk být. Muž silný, ale podřízený kolektivu, žena podřízená muži a rodině (Machek: 2012, 286-298). Dystopie oproti tomu setrvává v genderových stereotypech na základě starší literární tradice, ale také na základě každodenní reality, kterou reflektuje a přejímá, ať už cíleně, nebo nevědomě. Přesto se v české poválečné dystopické próze objevuje stejný základní prvek, jako v tolikrát zmíněné socialistické popkultuře. Žena je muži podřízena, oproti tomu mužská identita je vystavěna na tom, zda obstojí ve zkoušce hrdinství (v případě dystopie), nebo zda dosáhne kariéry v zaměstnání (v případě Jakubem Machkem analyzovaných socialistických televizních seriálů). Ač dystopie a socialistická oficiální popkultura podporují už ze své podstaty zcela odlišné vzorce chování ideálního muže, či ideální ženy, oba případy se shodují v tom, že vytváří o muži a ženě zcela jasný obraz, s nímž by se měl vnímatel ztotožnit, identifikovat a pokoušet se mu přiblížit. Obě varianty také prohlubují vyhraněnost předobrazu žádaného performativu muže a ženy. Jak dystopie, tak socialistická popkultura tedy ukazují roli muže (vůči ženě) nadřazenou, ač s konkrétními rolemi operují odlišně.

Zpětným náhledem na dystopická díla lze tedy s určitostí tvrdit, že jistý obraz představy o chování obou pohlaví vytváří. V dystopii přesto není vždy místo pro muže, který je kladným hrdinou a zachráncem. Opět je dobrým ukazatelem Harníčkovy *Maso*, či povídky ze sbírky *Abbey Road* Josefa Pecinovského. Nehrdinské mužské postavy ovšem najdeme i v prostředí starší světové dystopické literatury: v *1984* George Orwella, nebo v o generaci starším románu *My Jevgenije Zamjatina*. Přesto je mužská postava v těchto dílech téměř vždy tou, která se zdá být vedle ženské postavy důležitější.

Je tedy evidentní, že obecnému vnímání stereotypů o společenských funkcích a rolích muže a ženy se autoři dystopie většinou nijak nevzepřeli. Přesto, že propagace těchto rolí skrz popkulturu byla jednou z nejvíce okázale projevovaných praktik komunistické totality v Československu. Té komunistické totality, před kterou dystopie varují a proti které se vymezují.

Studie vznikla v rámci projektu SGS 2020 015 Podpora vědeckých a prezentačních aktivit studentů doktorského programu historie a magisterského programu kulturní dějiny, který je řešen na Univerzitě Pardubice

Bibliography

- Čapek, Karel (1920), *R.U.R.* Praha, Aventinum.
Čapek, Karel (1922), *Továrna na absolutno*. Brno: Polygrafie Brno.
Bondy, Egon (1981), *Invalidní sourozenci*. Toronto, Sixty-Eight Publishers.
Harníček, Martin (1981), *Maso*. Toronto, Sixty-Eight Publishers.
Hauserová, Eva (2000), *Když se sudičky spletou*. Praha, Mat' a.
Hauserová, Eva (2006), *U nás v Agónii*. Praha, Triton.
Haussmann, Jiří (1922), *Velkovýroba ctnosti*. Stanislav Minařík.
Orwell, George (1984), *1984*. Köln, Index.

Páral, Vladimír (1987), *Země žen*. Praha, Československý spisovatel.
Páv, Zdeněk (2014), *Neočlověk*. Praha, Triton.
Pecinovský, Josef (1991), *Abbey Road*. Praha, Svoboda.
Weiss, Jan (1929), *Dům o tisíci patrech*. Praha, Melantrich.
Zamjatin, Jevgenij (1985), *My*. Köln, Index.

Monographs:

Krejčík, Přemysl (2017), *Tradice a inovace žánru dystopie v české próze v období 1945-1989* (diplomová práce). Pardubice, Univerzita Pardubice.
Langer, Aleš (2006), *Průvodce paralelními světy: nástin vývoje české sci-fi 1976-1993*. Praha, Triton.
Machek, Jakub (2012), Muži na radnici a ženy za pultem: konstrukce maskulinních identit v televizních seriálech pozdního socialismu. In: *Konstrukce maskulinní identity v minulosti a současnosti. Koncepty, metody, perspektivy*. Praha, NLN, s.r.o.

Magdalena Lara

Faculty of Polish Studies, University of Warsaw, Poland
magdalena.lara@wp.pl

Constructing National Identities Through Dictations: The Perspective of the Anthropology of Writing

In Poland dictations are one of the most popular teaching methods. However, they are still rarely researched from the perspective other than simply evaluating their efficiency in teaching grammar and spelling. The purpose of my study is to present dictations as an effective device of constructing and strengthening national identity in the context of the anthropology of writing. I analyzed 28 sets of dictation texts from the Małopolska Independence Dictation [Małopolskie Dyktando Niepodległościowe]. Dictation is ritualized and rhythmic audio-visual method with high mnemotechnic properties (Paul Connerton) which requires students to strictly control their own body. The combination of the identity-creating potential of the form and content of dictations allows for effective construction of imagined community (Benedict Anderson).

Keywords: dictation, national identity, discipline, imagined community, mnemonics

Language is believed to be one of the most important vehicles and pillars for national identity. It is commonly considered as a crucial factor in the eighteenth-century rise of the nation state.

In the 1980s, Benedict Anderson theorized the nation as an imagined community. He proposes an anthropological definition of the nation as “an imagined political community – and imagined as both inherently limited and sovereign” (Anderson: 6). The scholar emphasized that the emergence of national communities occurred through the codification of national languages, made possible by the invention and spread of the printing press. Before literacy became commonplace in Europe, regionally spoken languages varied greatly. The printing industry, driven primarily by the economics of production, sales and profit, merged the various dialects into standardized language systems or subjected them to a different, “favored” structure. Compulsory primary education served the construction and maintenance of desired patriotic attitudes. Through universal education, normalized language found its way to the broader society, aiding in the emergence of the imagined community, shared by individuals regardless of the social strata from which they originated.

Doubtlessly, the school as an instrument of the nation state is one of the most important institutions in the spread of national languages. The elementary school in particular plays a vital role in this structure. Its task is to introduce the pupil to the world of literacy, without which he or she would be unable to fully participate in the life of a modern society. However, it is not only a matter of transferring purely utilitarian abilities. The school also fulfills other didactic purposes. Teaching not only how and what to write, but also what for and in what way, it presents to the child a range of values, moral rules and norms of functioning in the familial, social and national structure. The teaching of the national language, in case of Poland – the Polish language, is aimed directly at strengthening national ties, and thus building a pre-defined identity and strengthening patriotic attitudes.

In this paper, I will examine one such method of school learning which aids in the creation and maintenance of a national identity: the dictation. Through a combination of its ritualized visual-verbal form with the meaning of dictated content, it can be successfully used in propagating desired patriotic attitudes. The effectiveness of this technique must have been recognized by the organizers of Małopolskie Dyktando Niepodległościowe. Po polsku o historii (The Independence Dictation of Małopolska. In Polish About History). The annual event which has been organized for five years so far is a competition for students of elementary, middle, and secondary schools. It is prepared by Stowarzyszenie Polonistów (Polish Language Teachers' Association) and Fundacja “Zawsze warto” (The “Always Worth It” Foundation). The creators of the project have displayed remarkable intuition by combining the element of Polish language teaching with history. The event also has its ethical dimension, encompassing both the form and the content of the dictated texts. The fact that such a competition was launched and continues to enjoy increasing numbers of participants each year is proof that dictations are an extraordinarily effective identity-forming tool. Below, I will present practices on which the

traditional dictation is based and to which it owes its potential, as well as the results of my analysis of the form and content of the dictations from twenty-eight text sets of *The Independence Dictation of Małopolska*.

The school

After Michel Foucault, it is necessary to look at schools as complex disciplinary institutions which employ means of normalizing the pupil on many levels (Foucault 1995:187). Foucault calls the set of these methods “disciplines”. Above all, they involve the creation of relations in space understood as social structure and expressed in purely physical categories. Although Foucault’s study concentrates on eighteenth- and nineteenth-century schooling a number of disciplinary strategies described by the researcher survive until today, whether they are residual or modified. However, the very character of the school, based on the knowledge-power system and considering the exam to be a key tool of student normalization remains essentially unchanged.

The overarching disciplinary space at the school is its architecture. It delineates an isolated territory, purposefully detached from everyday life and devoted solely to didactic purposes. The prevailing spatial arrangement in classrooms, with clearly separated “teacher” and “student” areas, hegemonic and subordinate respectively, remains the most common pattern for organizing the space of schooling. The part assigned to the students is subjected to the vigilant gaze of the teacher, whose task – apart from educating – is surveillance over the group. Foucault compared the topography of the classroom to a data table which the teacher composes from individuals segregated according to their skill, behavior, and the teacher’s sympathies, and reshapes at will.

The key disciplinary tool for Foucault is the examination, understood as the enforcement of knowledge absorption and the documentation of pupils’ skills. It combines “a certain type of the formation of knowledge” with “a certain form of the exercise of power” (Foucault 1995: 187). It places the individual in the field of surveillance where a decision is ultimately made on his or her quality and his or her fulfillment or non-fulfillment of given norms. An important feature of the examination, not unlike other tools of school control, is its cyclical character.

The form of the dictations

Dictations are indeed a perfect example of a Foucaultian discipline tool. Their form is characterized by the complex structure of turning speech into written text. This demands extraordinary discipline from pupils, one involving not just the correct knowledge and proper application of spelling rules, but also the adjustment of one’s body to the practice of writing in synchronized rhythm with an entire group. Handwriting relies on both mental and bodily dispositions which reflect a variety of transmitted, but not articulated values. Because of their objective and form, dictations resemble graphomotor skill exercises for primary school students. They demand the proper use of spelling and grammatical rules, manually recorded with such clarity and care that leave no room for doubt about the scribe’s intentions.

Foucault asserts that discipline is located primarily in the pupils’ body. It is only in relation to space that the body is put to training. It is subjected to a number of exercises which train it for desired habits and inscribe it into relations of power. According to Foucault, the system of rewards and punishments also relies on the body. Nowadays, although corporal punishment is abandoned in favor of scolding and humiliating pupils, praise is becoming more frequent so as not to engender fear in the individual, but rather desire. The result of the change in tactics affecting the body is its subjection, understood as self-censorship and the internal control of the individual.

The question of the bodily dimension of writing practices was discussed by Paul Connerton (1989:77). The researcher observed that a great part of school calligraphy practice is not aimed at the conscious acquisition of technical hand gestures, but it is directly related to the Foucaultian subjection of the body: taming, training and drills.

In one of her articles on the corporeality of writing practice, Marta Rakoczy(2015a: 13-32) uses the example of one method of learning to write used in the mid-1920s, which consisted in doing exercises on rhythmic command: “sit, copybook to the front, tilt the copybook, pen in hand, dip pen” in a marching tempo of one-two-three-four(2015a: 31). Such a technique was intended to ensure peace and quiet in the classroom as well as prepare the student for everyday activities, such as gymnastics, marches, parades, choral singing, and craft work (2015a: 31).

The aspect of time seems particularly crucial in the context of traditional dictations. This didactic device is used within a strictly defined time framework and in the specific rhythm enforced by the lector. Each segment of the heard text must be legibly recorded on paper with adequate speed. This means that the normalization of

letters and recording does not stop at making correct graphic signs in a correct arrangement, but it also determines the speed of writing, with no room left for individual variations.

Marta Rakoczy proposes that learning to write has the qualities of a ritual (2015b: 148). This observation could also be applied to dictations; participating in them requires the student to submit to a group dynamic and respect the authority of the teacher who frames the exercise and establishes its rules. The gesture of writing is therefore an expression of respect for certain values and of understanding one's role in the structure of the class and the school. "Here, a corporeal activity becomes a moral activity" (2015b: 149).

The content of the dictations

With regard to the fundamental objective of the dictation, which is the verification of proficiency and accuracy in written language, content analysis is often omitted in its examination as a didactic method. However, the content is clearly not incidental. Texts are selected not only for their linguistic values, but also for the messages that they convey. Their selection resembles the composition of schoolbooks. Anna Landau-Czajka, examining the evolution of reading primers in Poland in the years 1785-2000, observed that all primers without exception transmit "content much richer than mere knowledge to the youngest and least critical readers" (2002:14). Primers are meant above all to form the young reader's mind, emotions, and will. Moreover, Landau-Czajka suggests that it is Polish language schoolbooks that are credited with the greatest influence on shaping social and moral attitudes (2002:14).

Texts used for learning have changed with epochs and with desired educational models. In previous centuries, until the 1920s, readings were concluded with an unambiguous moral. Undesirable attitudes were rarely represented; reprehensible ones, if any, were explicitly condemned or demonstrated to have unpleasant consequences. Modern textbooks are changing this trend. Nowadays, as Landau-Czajka emphasizes, the child him- or herself should judge the behavior of the characters in the reading, stripped of a clear conclusion or a helpful author's note (2002:16).

Even though dictations have also developed in order to fit modern realities (printed dictations with gaps in words, virtual tests and sharing via internet original exercises made by students) traditional dictations understood as a collective practice of recording a heard text remain the most common method in schools and other educational institutions precisely due to their disciplinary and nation-forming character.

The efficiency of the traditional method, based on collective ritualized work, stems mainly from the treatment of writing practice in moral categories. The dictation draws the framework for what should be written and how. The principles governing it are not limited to grammatical rules and linguistic accuracy, but include complex symbolic codes found in the texts. Thus, the dictation is a full expression of the system of creation and consolidation of imagined communities.

The Independence Dictation of Małopolska

Participation in the Independence Dictation of Małopolska is presented as a certain kind of "national" initiation, which extends beyond the competition into the realm of further grassroots activities. The organizers convey this by welcoming the participants "in the circle of conscious and responsible citizens".

In point 8 of the guidebook for school-level coordinators of the competition, its authors suggest that additional activities can be undertaken apart from mere participation, such as poster making, decorating the school with national flags, broadcasting a short program through the PA system, posting a message on the school's website and displaying engagement by putting on formal school attire. Taking these steps will transform the event into a celebration – "a festival of language and history" (Regulamin Dyktando Niepodległościowe 2017).

Although the competition uses methods of institutional discipline, it also attempts to give students a collective out-of-school experience. The organizers make an effort to evoke a feeling of community outside of the formal structure of public schools. The activities encouraged by the organizers can hardly be called "oppositional" to the official line of teaching. Still, they can be perceived as a continuation of an anti-systemic cult of memory, history and the Polish language.

This is also reflected in the texts of dictations, which depict one ideal of the Polish patriot, structurally associated with the activity of post-World War Two Polish anti-Communist militia. He is a man (in the analyzed texts, there is a clear underrepresentation of female characters) who prioritizes honor, operates in his group of friends, vigilant, always ready for a physical and psychological offensive, specializing in outsmarting a more powerful opponent. The prevailing iconic images of such a tradition of Polishness and patriotism are the battle of

Monte Cassino, the Warsaw Uprising, the figure of Józef Piłsudski or Corporal Wojtek, a brown bear soldier-mascot of the Polish Second Corps in World War Two.

In the texts chosen for the Independence Dictation of Małopolska, past events are treated as confrontations with the present rather than purely historical facts. Past dynamics are presented as reflections of current political relations. After all, young participants will more likely imagine the “eternal” German enemy as a modern German rather than a knight of the Teutonic Order. The reiterated fear of Germanization can be read as apprehension towards the pro-immigration policy of the European Union. The absence of an international context in the dictations brings to mind the ongoing crisis of the European community. Instead, the dictations focus on local bonds, highlighting the Warsaw Uprising of 1944, but omitting the Warsaw Ghetto Uprising of 1943. The multi-generational family is given a favored place in the discourse of the competition. Although it does not appear in the texts themselves, it is frequently mentioned in linguistic practices surrounding the competition. The organizers repeat the formula “parents and grandparents” when referring to the people who influence the child’s education. They note the significant role of grandparents as living keepers of memory and guardians of intergenerational tradition with its grassroots familiar and familial character.

Therefore, the formative value of the Independence Dictation does not lie in the gathered facts or the proposed masculinized and militarized model of patriotism. A key feature of the competition is the organizers’ awareness of their chosen didactic method that is the dictation which operates both on the level of linguistic accuracy and the level of worldview. Through the use of specific vocabulary and symbolic repertoire, the dictation can delineate the limits of the community and perform a conditioning function. Dictations may thus be perceived as indicators of contemporary directions in extrainstitutional culture, here used to shape the attitudes of future citizens.

The combination of the identity-forming potentials of both form and content allows the organizers to successfully use dictations as tools for constructing a national identity and promoting desired patriotic attitudes. Apart from the Independence Dictation of Małopolska, this method is also used in Poland in other non-cyclical or local events as well as events of national scope, such as the Warsaw Dictation or the Polish National Dictation.

Bibliography

- Anderson, Benedict (1991), *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London-New York, Verso.
- Connerton, Paul (1989), *How Societies Remember*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Foucault, Michael (1995), *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*. New York, Vintage Books.
- Landau-Czajka, Anna (2002), *Co Alicja odkrywa po własnej stronie lustra. Życie codzienne, społeczeństwo, władza w podręcznikach dla dzieci najmłodszych 1785-2000*. Warsaw, NERITON.
- Regulamin Dyktando Niepodległościowe 2017, <http://www.dyktando.hostingasp.pl/zalaczniki_2016/zalacznik1.pdf> [accessed 03.02.2017].
- Rakoczy, Marta (2015a), Materia, ciało, wizualność, czyli jak lepiej zrozumieć pisanie. In: *Teksty drugie* 4/2015, 13-32.
- Rakoczy, Marta (2015b), Pismo – szkolne praktyki wcielania. In: *Almanach antropologiczny 5. Szkoła/Pismo*. Warsaw, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 140-154.

Tomáš Móri

Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia

Tomas.mori23@gmail.com

Jozef Bem v poľskej a maďarskej literatúre

This work, based on Romantic literature, inspects the portrayal of Jozef Bem as a romantic hero and a symbol of Polish-Hungarian friendship. Comparing the development of respective national literatures of this era, mainly Polish and Hungarian, and the conditions of their development leads us to their overall relationship in the 19. century.

Keywords: Jozef Bem, Romanticism, Poland, Hungary Kingdom

Pre zobrazenie postavy Jozefa Bema použijeme známu báseň Cypriana Norwida - Bema pamieči žaľobny-rapsod. Báseň vznikla pravdepodobne v roku 1851, v novembri, keď básnik prebýval v Paríži. Ako rapsódia je to vážna, a dôstojná báseň, ktorá oslavuje významného hrdinu. Hrdinom je Jozef Bem, veľmi dôležitá osobnosť 19. storočia. Zúčastnil sa novembrového povstania, povstania v Uhorsku a povstania 1848/49. Svoju vynikajúcu vojenskú púť ukončil ako vojak tureckej armády, kde konvertoval na islam a prijal aj nové meno Murat Paša. Zomrel na maláriu 10.12.1850 v Aleppo v Sýrii. Pre Norwida sa stal symbolom národnej slobody, príkladného vojaka a symbolom najvyšších morálnych hodnôt.

Dielo je opisom pohrebu hlavného hrdinu, ktorý je štylizovaný ako pohreb stredovekého rytiera, alebo staroslovanského vodcu, o čom svedčí meč namiesto šable, alebo štít namiesto zbroje. Požitie stredovekých predmetov pridáva dielu na vznešenosti. V skutočnosti Bemov pohreb vyzeral úplne inak. Bol jednoduchý a biedny. Norwid teda vytvára v diele ilúziu pohrebu, ktorý sa hodí pre hrdinu.

Dielo pozostáva z 2 častí. V prvej, ktorá obsahuje 4 prvé verše, lyrický subjekt len sleduje to čo sa deje. V druhej časti zase, čiže v dvoch posledných veršoch je aj účastníkom smútočného sprievodu. Báseň začína opisom sprievodu, a presnejšie priamou rečou k tieňu. Autor tu využíva metaforu, keď Bema nazýva tieňom. Cieniom môže byť človek na koni podobajúci sa na zosnulého, teda Bema, pretože to bol veľmi používaný zvyk aj v stredovekej literatúre. Za Cieniom/Bemom ide sprievod, v ktorom sú smútočné ženy s rukami hore, s konchami v ktorých sú slzy a ostatné krehké nádoby. Keď sprievod vychádza z rokliny, lyrický subjekt sa mení. Prekračuje istú hranicu, ktorú prekračuje aj sprievod, aby naďalej pokračoval vo svojej púti. Hranica hrobu, ktorá mala zamknúť minulosť, sa stala bránou budúcnosti. Pochod je silný, lebo svoju silu načerpáva z posolstva a ideálov, o ktorých hovoril Bem. Pochod nič nepreruší, preto povzbudzuje viacerých ľudí, čím sa stáva veľkým pochodom ľudskosti. Národ má plesňou zakryté oči, teda on (ten pochod) musí ich otvoriť.

Dielo bolo napísané poľským hexametrom. Je tam dodržané pomalé tempo. Až na konci sa báseň stáva dynamickejšia, čo pridáva jej hrôzu a vznešenosti. Ako 16-slabičná báseň, intenzívne akcentuje, počut' kroky toho smútočného sprievodu.

Vzhľadom na spôsob výpovede subjektu, Norwidovo dielo nie je jednotné. Báseň sa začína priamou rečou: „Prečo, Cien, odchádzaš“ (ty), je to teda introvertná lyrika. Ďalšie strofy majú opisný charakter, vďaka čomu môžeme poukázať na naratívnu lyriku. Dištancia, ktorá je následkom toho druhu lyriky je zrušená v V a VI verši, kde totiž subjekt sa stáva účastníkom deja. Použité slovesá: „uvidím“, „povlečiem“, „zapriet“, na základe týchto slov môžeme hovoriť o lyrike kolektívneho subjektu. Vzhľadom na vyjadrené skúsenosti v texte, báseň by sme mohli zaradiť do „pohrebnej poézie. (tzn. Oslavuje zosnulú osobu a vyjadruje sústrasť a ľútosť po jeho smrti, por. Strofa II). Navyše sa účasť na štylizovanom pochode stala zdrojom filozofických uvažovaní (lyrika zameraná reflexívne a filozoficky).

Norwidovo dielo môžeme rozdeliť do dvoch častí. V prvej (strofy I-IV), lyrický subjekt opisuje to čo sa deje, to čoho je svedkom, ale nie je ale priamym účastníkom. Je pozorovateľom smútočného sprievodu („blesk ich zimný“). V druhej časti (V-VI) subjekt je účastníkom pochodu (rozprávač v prvej osobe). Zaujímavé je aj zamyslieť sa nad významom kultúrneho synkretizmu. V poetickej kreácii pohrebu boli využité viaceré gestá úcty voči zosnulému, prevzaté z rôznych tradícií, vraj cieľom zviditeľniť významnú úlohu, akú Bem plnil (hrdina

ľudskosti, a nie spoločnosti). Treba mať ale na zreteli, že nie je to hlavná myšlienka diela. Dlhý smútočný sprievod predsa len k hrobu dorazil. Subjekt, ktorý sa zúčastní v V strofe, hovorí, že všetci sme predsa smrteľní.

Pochod ale nezastaví. Smrteľník umrie, ale jeho dokonania a presvedčenia nájdú pokračovateľov, budú príkladom pre budúce generácie. Smútočný sprievod nekončí svoju púť pri hrobe, ale pokračuje „Ďalej – ďalej“, meniac sa v sprievod ľuďí aktívne bojujúcich za slobodu, spravodlivosť a budúcnosť (por. Strofa VI), a teda ideály, ktorými sa riadil Jozef Bem. Zaujímavý je aj chýbajúci záver básne. Na konci sa nachádza anafora, ktorá je akoby vyvinutím nasledujúceho verša. Tento verš by ale mal dotvoriť príjemca textu. Báseň je založená na tom, že hrdina nebude vymazaný z pamäte a jeho ideály, za ktoré bojoval, budú mať vždy hodnotu. Zdá sa nám, že Norwid svoj zámer naplnil a podarilo sa mu pamäť o veľkom generálovi Bemovi zachovať. Môžeme ale predpokladať, že posledné strofy majú viac všeobecný charakter. Musíme mať teda na vedomí, že hodnoty, ktorými sa riadil generál, fungovali i v minulosti. Norwidova báseň obsahuje historicko-filozofické reflexie: treba ísť do budúcnosti, pamätajúc na minulosť. Stojí za upriamenie pozornosti na časový aspekt diela v druhej časti. Použitie budúceho času a množného čísla ukazuje na pokrokovosť pochodu, ktorý má spoločný cieľ: zmenu budúcnosti. Pri analýze textu dôležité sú umelecké hodnoty diela. Opis pohrebu je veľmi plastický. Výrazne je tam ukázaná dynamickosť sprievodu, navyše boli aktivované naše zmysly. Na umenie diela majú vplyv aj viaceré porovnania a metafory.

Názov diela zahŕňa informáciu o žánre. Rapsód je smútočnou (pohrebnou) piesňou, ktorá oslavuje hrdinské počiny veľkého bojovníka. Môže byť súčasťou epeje, alebo samostatným literárnym textom. Má povzbudzujúcu a smutnú atmosféru. Táto pieseň obsahuje spomenuté determinanty, ale musíme si aj uvedomovať, že oslavuje nielen významné počiny veľkého bojovníka, ale aj zdôrazňuje ich význam pre budúce generácie. Ireneusz Opacki hovorí, že Bem nie je hlavným hrdinom diela, ale pamäť o ňom a implementácia jeho ideálov, ktoré sú hnacím motorom pre následníkov. Báseň je napísaná tzv. vysokým štýlom. Našu pozornosť upúta veršovanie textu, ktoré dielu pridáva rytmus, hexameter. Smutná nálada (napr. ženské náreky) bol prekonaný optimistickým záverom lyriku, ktorý prebúdza nádej na lepšiu budúcnosť. V Slovníku literárnych žánrov si môžeme prečítať, že Bema pamieci žalobný rapsód nadväzuje a je pokračovateľom starovekého žánru epicedia (smútočná pieseň, ktorá vznikla pri príležitosti nejakej smrti). Obsahuje informácie týkajúce sa stavby toho žánru.

Posledným štruktúrnym prvkom (časťou) je consolatio, čiže útecha. Môžeme teda konštatovať, že optimistický záver Norwidovho diela je istým potešením a súčasťou dohovoru smútočnej piesni.

Vývinové, kvalitatívne ale aj kvantitatívne rozdieli medzi jednotlivými národnými romantizmami ale aj vo vnútri nich, vplývali na črty literárnych diel. Ako uvádza Chmel romantizmus v slovenskom prostredí sa líši ale aj spája s ostatnými vtedajšími romantickými tendenciami. Toto poznanie môžeme aplikovať aj na maďarský romantizmus. Už len pôvodom jednotlivých spisovateľov sa dá vypozerovať určitá diferenciácia v ich tvorbe, názoroch a postojoch.

Petőfi začal svoju kariéru ako básnik s "populárnymi situačnými piesňami", žánrom, do ktorého patrí jeho prvá uverejnená báseň A borozó (1842). Je to pieseň pijana, kde reflektoval liečebnú silu vína. Tento druh pseudoľudovej piesne nebol neobvyklý v maďarskej poézii v 40. rokoch 19. storočia, ale Petőfi čoskoro vyvinul originálny a „šťavnatý jazyk“, na novo definoval lyrickosť ľudovej poézie.

Môžeme vidieť, že Petőfi využíval vo svojej lyrike klasické postupy, ktoré používala väčšina vtedajších romantických básnikov. Ako sme v časti zameranej na Norwida poukázali v Poľsku sa využíval modifikovaný hexameter, kvôli špecifikám poľského jazyka. Cez komparáciu slovenskej lyrickej tvorby dostávame komplexnejší obraz stredoeurópskych romantizmov. Jednotlivé romantizmy sa v stredoeurópskom priestore ovplyvňovali, ako príklad môžeme uviesť báseň Nemzeti dal, na ktorú napísal poľský básnik Ján Botto.

Postava Jozefa Bema sa nachádza v dvoch básňach Sándora Petőfiho, a to konkrétne v Armáde Sedemohradskej a Štyri dni hrmeli delá. V tejto časti sa pokúsime o rozbor jednotlivých básní, keďže nám poskytujú priame Petőfiho svedectvo. Zaujímavé je prirovnanie Bema k veľkému protitureckému bojovníkovi Jánosovi Hunyadiemu. (Kovács, 2002, s.250) Prirovnanie je charakteristické pre básne v ktorých vystupuje literárna postava Jozefa Bema.

Ako na uvedenom verši môžeme vidieť, autor pripomína Bemovu slávu, ktorá ho predchádzala. Rečnickou otázkou v úvode autor zrejme odpovedá pochybovačom, ktorý nedôverovali „cudzincovi“ bojujúcemu za maďarský ľud. Je historicky doložené, že Bem mal konflikty s Kossuthom aj Görgeyom ohľadom vedenia kampane a ďalšieho postupu vo vojenskej kampani. Petőfi vyzýva „hviezdu od Ostrolenky“, čím myslí bittku, ktorá sa odohrala počas Novembrového povstania v Poľsku.

Použitie sylabického verša vychádza z ľudového jazyka, ktorý Petőfi používal a realizoval ho vo svojej lyrike. Ďalej je dôležité zdôrazniť v prvej strofe skrytý symbol, kedy autor vidí v Bemovi „bojovníka za slobodu“.

Ako vieme symbol je znak, kde dominuje asociácia, ktorá sprevádza slovo – označovaný predmet. Ako alegóriu udalostí, ideí tu Petőfi predkladá symbol krvavej hviezdy. To bola totiž prezývka, ktorú získal Bem po vyššie spomínanej bitke. Symbol zobrazuje spoločenskú skúsenosť a autorovo individuálne videnie. Na historickom pozadí predkladaného druhého veršu, vidíme, že Bem už bol starý. Prirovnanie funguje na základe podobnosti, ktorá sa porovnáva, môže byť vnútorná alebo vonkajšia. Petőfi v tomto prípade použil vonkajšie prirovnanie, keď si prezrieme obrazy Bema z obdobia Uhorskej revolúcie, zistíme, že jeho neodmysliteľnou súčasťou bola biela brada. Historická reflexia sa nachádza v posledných strofách. Petőfi mal na mysli sériu bitiek sedmohradskej armády, ktoré Bem vyhral a vyslobodil južné Sedmohradsko.

Z historických dokumentov vieme, že Petőfi bol v tomto období mimoriadne „nabudený“, po období pesimizmu, ktorý prevládal v jeho lyrike ale aj živote koncom roka 1848. Práve správy o Bemovom víťazstve v ňom zvrátili pesimizmus, ktorý prežíval. Pesimizmus v jeho lyrike badáme v básňach Na budínskom hrade alebo Európa už je tichá, tichá zas.... Tieto básne reflektovali stav revolučných snáh maďarských vojsk a politických elít na jeseň a v priebehu zimy 1848. Veľmi dôležitou pasážou je zvýraznenie Poľsko – Maďarského priateľstva „maďarský, poľský – v nás sa pojí!“ Zrejme už v Petőfiho časoch bola prítomná spolupatričnosť medzi maďarským a poľským národom. Ako sme už poukázali, toto „priateľstvo“ vychádza z historických vzťahov už od konštituovania Uhorského štátu. Pozitívny náhľad Maďarov na Poliakov vychádza aj z pocitu osamotenosti, keď Maďari boli obklopení Slovanmi a Germánmi. U Poliakov naopak existuje hypotéza, že spriaznený vzťah s Maďarmi, vyplýval z historickej polohy Poľského štátu a existenčného pocitu ohrozenia. Z historického hľadiska Petőfi reaguje a apeluje na prijímateľa textu predovšetkým v zdôraznení rovnakého cieľa. Ten cieľ ako vieme z historického kontextu oboch národov, vyplýva predovšetkým v boji za slobodu. Poľsko bolo dekonštruované z mapy Európy na konci 18. storočia a obnovilo svoju štátnosť až po 123 rokoch. Uhorsko, bolo od roku 1526 pod vládou Habsburskej dynastie, ktorá sa k trónu dostala predovšetkým manželskou politikou a obsadila tak tróny Čiech a Uhorska. V polovici 19. storočia prebiehali národno uvedomovacie procesy, ktoré formovali moderné európske národy. Maďari sa dlhodobo usilovali o čiastočnú autonómiu v rámci monarchie, avšak po neúspešných pokusoch vystúpili do ozbrojeného boja za nezávislosť Uhorska. Básnik reflektuje situáciu, kedy rakúsky cisár František Jozef I. požiadal o intervenciu ruského cára Mikuláša I.. Toto stretnutie sa odohralo vo Varšave. Prirovnanie „legii najatých svých sluhu“ zodpovedá situácii, ktorá nastala, keď do Sedmohradska vpadla ruská armáda zložená prevažne z kozáckych jednotiek

Tak ako aj prvý verš, aj posledný začína rečníckou otázkou, ktorá figuruje ako štylistická figúra v básnickej reči. Odpoveď na rečnícku otázku musí byť jasná, jednoznačná a samozrejماً, to aj napriek tomu, že otázkou sa vyslovuje pochybnosť alebo výčitka. V tomto prípade je však básnik presvedčený o pravdivom boji v Bemovej armáde. Dôvera je podtrhnutá zdôraznením Bemovej prezývky a pripomenutím víťazstva počas poľského Novembrového povstania 1831. V tomto období Petőfi ešte veril v úspech revolúcie, očakávala sa medzinárodná intervencia na podporu nezávislého Uhorska. Čoskoro sa však situácia zmenila, optimizmus vystriedala skepsa, čo sa odrazilo aj v poézii maďarského básnika.

Básne nám ponúkajú priame svedectvo účastníka sedmohradskeho ťaženia, ktoré vyvrcholilo porážkou pri Segesvári. Petőfi opisuje svoje pocity a zážitky skrz metafory a vytvára dojem jednoduchej a ľahko pochopiteľných básni. Určite za to môže aj literárny jazyk, ktorý použil. Nebol to jazyk učenca, nebol ťažký ba priam bol ľahko zrozumiteľný pre všetky ľudové vrstvy. Jeho poslanstvo sa šírilo ďalej a stvorilo legendu o udatnom poľskom generálovi, ktorý bojoval za slobodu oboch národov. V Petőfiho jednoduchých slovách sa skrýva hĺbka a génus básnika. Rozborom jeho básni sme sa pokúsili o hlbšie pochopenie súvislostí prečo práve Bem bol pre Petőfiho významnou osobnosťou, ktorej venoval svoje básne. Na základe životných osudov Sándora Petőfiho, môžeme konštatovať, že splnil svoj sľub, ktorým prisahal Bemovi vernosť a vytrvanie až do konca. Na rozdiel od svojho zbožňovaného generála našiel Petőfi svoju vytúženú heroickú smrť na bojisku. Žil a zomrel pre svoj národ, žil a zomrel pre revolúciu.

Bibliography

- Bojtár, Endre (2010), „*Vysnívali sme si vlast' a národ...*“: *Osvietenstvo a romantizmus v stredo- a východoeurópskych literatúrach*. Bratislava, Ústav svetovej literatúry SAV – Slovak Academic Press.
- Chmel, Rudolf (1986), *Paralely a konfrontácie*. Bratislava, Slovenský spisovateľ.

Illyés, Gyula (1990), *Petőfi*. Bratislava, Obzor.
Kontler, László (2001), *Dějiny Maďarska*. Praha, Lidové noviny.
Kónya, Peter (2014), *Dejiny Uhorska*. Bratislava, Citadella.
Norwid, Cyprian (1974), *Nepokoriteľný prameň*. Bratislava, Slovenský spisovateľ.
Petőfi, Sándor (1973), *Básne v preklade Jána Smreka*. Bratislava, Tatran.

Aleksandra Nechunaeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
nechunaeva@gmail.com

Производные слова с префиксами отрицания и противодействия в современном русском языке: динамика сочетаемости и семантики

There is a system of various prefixes expressing negation in Russian: anti-, bez-, de-, diz-, contr-, ne-, protiv-. Changes in the meaning and collocability of the elements of the system for the last 30 years are discussed in our academic paper. For example, until the middle of the 00-s the word 'anti-textbook' (antiuchebnik) has been considered as something negative and meant 'a bad textbook that teaches bad things or doesn't teach'. In the article 'Warning: anti-textbook' written in 2005 the author explains why a textbook with answers is a bad approach for students. Now we think of an 'anti-textbook' as of an 'alternative textbook that offers new ways of teaching'. This meaning of the word 'anti-textbook' is common in media: 'A famous political strategist from Ural wrote a PR anti-textbook'. You can see here the influence of English, where prefix anti- means 'unlike the conventional form'. We analyse the changes in collocability of the aforementioned prefixes and the prefixes expressing negation and opposition in particular.

Keywords: Russian language, Word formation, Prefixes, Negation

Не секрет, что язык тесно связан с внеязыковой действительностью. «Словам, а также фразам, как знакам, соответствуют те или иные предметы и процессы действительности», — писал выдающийся советский лингвист Афанасий Матвеевич Селищев. В этой связи интересным представляется изучение префиксов со значением отрицания. Интересно пронаблюдать, что именно отрицали носители русского языка в тот или иной отрезок времени.

Объектом своего исследования мы выбрали лексику, относящуюся к периоду с 90-х гг. XX века по настоящее время. Это обусловлено, во-первых, тем, что в 90-е гг. произошли серьезные перемены с политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни россиян, и адаптация к этим изменениям продолжается до сих пор. Во-вторых, тем, что по этому периоду существует достаточно большое количество источников.

Мы использовали материалы Русско-немецкого словаря новых слов под редакцией профессоров Игоря Степановича Улуханова и Ренате Беленчиков, Словаря-справочника по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX века под редакцией Таисии Николаевны Буцевой и Евгения Александровича Левашова и Компьютерного корпуса текстов русских газет конца XX века, созданного на филологическом факультете Московского университета. Также мы обращаемся к данным Национального корпуса русского языка, ресурса Google Books Ngram Viewer и современных интернет-изданий.

Мы решили понять, какие слова, появившиеся в 90-е гг., укрепились в русском языке, а какие вышли из употребления. Проанализированный языковой материал выявляет несколько групп лексики с изучаемыми приставками, отражающих тематические сферы противостояний в российском обществе того времени.

Изменений много, но говорить о всех них разом — невозможно. Поэтому мы рассмотрим лишь лексику, связанную с понятием контркультуры.

Понятие «контркультура» появилось в 1960-х гг. Под этим термином подразумевается субкультура, отрицающая нормы, представления и понятия, принятые в доминирующей культуре. Изучением контркультуры впервые занялся социолог Теодор Рошак. Ему и принадлежит создание этого термина. В своей книге «Истоки контркультуры» он отмечает, что в конце 60-х гг. «наработки прежнего общества словно разом перестают быть приемлемыми», неформальные объединения неосознанно ищут некий новый стиль жизни. Основой этого стиля жизни становится протест.

В контркультуре протест является умышленными. Контркультура представляет собой полное, радикальное отрицание доминирующей культуры, выступает как средство разрушения ее содержания и форм.

Но приверженцы контркультуры не только отрицают уже существующие, но и пытаются создать новые, альтернативные реалии. Пытаются противопоставить себя доминирующей культуре. О тех реалиях, которые создаются контркультурой, можно судить по языку и новым словам, их отражающим. Ведь язык всегда чутко реагирует на любые изменения внеязыковой действительности. Как только появляется новое явление, появляется и слово, его называющее.

Процессы, связанные с формированием контркультуры (ее также называют «антикультурой») в обществе, активизировали словообразовательные модели с префиксами, выражающими отрицание, противопоставление, оппозицию.

Так, по сравнению с 90-ми гг. значительно изменилось значение приставки *анти-*. Эта приставка пришла в русский язык из древнегреческого еще в XI в и закрепилась со значением «противоположность чему-либо, направленность против чего-либо, в ответ на что-либо». Но в последние годы она демонстрирует многозначность, которая была присуща ей в древнегреческом языке. Там приставка имела шесть значений:

- 1) противоположность,
- 2) враждебность,
- 3) противодействие,
- 4) ответственность,
- 5) замещение,
- 6) подобие.

В русском проявилось значение «вместо» (5). Например, в таком значении она используется в словах:

- Антиеда— вредная пища очень низкого качества, которая просто не заслуживает называться настоящей едой.
- Антишкола— место, которое отличается от обычной школы индивидуальными занятиями в любое удобное время и в любом удобном месте, обучением через развлечения.
- Антимагазин— место, которое осуществляет не продажу товаров за деньги, а их обмен на другие товары или услуги.
- Антиучебник— учебник, который подает материал нескучно, доступно, интересно.

До середины 00-х слово «антиучебник» воспринималось негативно, т.к. имело значение «плохой учебник, который не учит или учит плохому». Например, статья 2005 г. под заголовком «Осторожно:антиучебник!», в которой автор пишет небольшой обзор одного учебника и говорит о том, почему он — плохой вариант учебника для школьников. Сейчас же «антиучебник» понимается как альтернативный учебник, который использует новые принципы донесения материала». В таком значении «антиучебник» широко используется в СМИ: «Известный уральский политехнолог написал антиучебник по пиару».

Также очень интересно слово «антикафе». Оно вошло в русский язык в последние пятнадцать лет, и значение приставки *анти-* в нем размылось до такой степени, что многие носители даже не осознают изначальный смысл слова — новая альтернативная форма кафе, где оплата производится не за купленные блюда, а за проведенное в заведении время. 118407 раз пользователи искали в Яндексе это слово в марте 2018 г., по данным сервиса «Яндекс. Подбор слов». Это очень большое количество запросов говорит о том, что слово активно используется русскоговорящими, а контексты поисковых запросов дают понять, что значение очевидно для носителей языка, ведь они ищут не значение слова «антикафе», а адреса, отзывы. Данное слово можно встретить и в СМИ. Например, в газете «Культура» от 30.10.2013: «Заведение под названием "Кис-кис" будет работать в формате антикафе — оплата за общение с котами будет временной, а понравившееся животное впоследствии можно будет забрать себе».

Интересным примером слова с изменением семантики является слово «антиреклама». Раньше это слово означало «реклама, направленная на привлечение внимания потребителя к некачественной продукции какого-либо предприятия». Мы могли встретить его в таких, например, контекстах: «Если Вы не сможете удовлетворить возросший спрос или покупатели останутся недовольны, они уйдут к

конкурентам, а Ваша фирма получит антирекламу». Теперь же это слово значит «программа, помогающая блокировать рекламу на сайтах».

Многие лингвисты полагают, что префикс *анти-* стал чаще употребляться в конце XX века в связи с ростом глобализации и влияния английского языка, где приставка *anti-* значит «отличающийся от привычной формы». Это влияние также проявляется в том, что теперь стало возможным удвоение приставки *анти-*, по аналогии с английским языком. Вот пример употребления одного и того же слова в английском и русском языках: «This being a point useful of useful for consumption by local scientists of an anti-anti-Soviet cast of mind»; «А заодно и тех антиантисоветских, которым нечего сказать кроме того, что они —

***, но они и этого делать не научились!...».

Написание такого удвоенного префикса еще не зафиксировалось: вы сможете найти и написание в два слова (анти антитабачный), и написание в одно слово, где второй префикс выделен заглавной буквой (антиАнтиплагиат), и слитное написание (антиантиалкогольный), и дефисное написание (анти-антивирусный). В Национальном корпусе зафиксированы только варианты написания в одно слово без дефиса.

Рассмотрев слова, употреблявшиеся и созданные в 90-е гг. прошлого столетия, мы можем убедиться в том, что язык отражает явления внеязыковой действительности. Мы знаем, что 90-е гг. были периодом конфликтов, противоречий, столкновений взглядом — и это проявилось, в первую очередь, в активизации словообразовательных формантов со значением отрицания. Мы знаем, что английский язык стал языком межкультурного общения — и его влияние видим в росте частотности интернациональных префиксов. Проследив изменения, происходящие с этими словами, мы можем также понять, что язык действительно постоянно изменяется. И даже за прошедшие 30 лет в отдельно взятой группе слов с префиксами, выражающими отрицание, произошло много интересных изменений, отражающих изменения в культуре и обществе.

Bibliography

- Авина Н. (2010), *Проявление интернационализации в русском языке в ситуации этнокультурного взаимодействия*. Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich. Redakcja naukowa Elena Koriakowsewa. Wydawnictwo Akademii podlaskiej. Siedlce. С. 63-76.
- Буцева Т. Н., Левашов Е. А. (2014), *Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т.* Дмитрий Буланин, Санкт-Петербург.
- Ежова О. А. (2011), *Контркультурные тенденции в современном социокультурном пространстве*. Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. №6.
- Ковшова И. В. (2007), *Социодинамика формирования ценностей контркультуры*. Вестник ПАГС. №12.
- Коряковцева Е. И. (2009), *Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса* // Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich. Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce
- Лопатин В. В., Улуханов И.С. (в печати) *Словарь словообразовательных морфем*
- Рошак Т. (2014), *Истоки контркультуры*. АСТ. Москва.
- Селищев А. М. (2003), *Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком (1917-1926)*. URSS. Москва, 2003
- Славятинская М. Н. (1996), *Учебник древнегреческого языка*. Филология. Москва.
- Срезневский И.И. (1893), *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*. Томь первый. А-К. Типография Императорской Академии наук, Санктпетербургъ.
- Улуханов И., Хебеккер Х., Беленчиков В., Беленчикова Р. (2007), *Русско-немецкий словарь новых слов*. Москва.
- Чибисова О. В. (2010), *От хиппи до хипстеров: эволюция контркультуры*. Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. №2.

Aleksa Nikolić

University of Novi Sad, Novi Sad Serbia
asurbanipal33@gmail.com

Dve verzije ekspresionističke Itake - Gotfrid Ben i Miloš Crnjanski

Comparing the one-act play "Ithaca" by Gottfried Benn and the poetry collection "Lyrics of Ithaca" by Miloš Crnjanski, the article analyses the relationship between two representative texts of the German and Southern Slavic expressionisms. The article uses comparative analysis to detect the core expressionist elements, i.e. avant-garde abolition and the reinterpretation of the antique motives. In this particular case it is the motif of Odysseus's island of Ithaca. Benn's Ithaca is a utopian space of beyond-rational and direct cognition of reality and the Dionysian indulgence to beyond-individuality of nature. Crnjanski's Ithaca has, in comparison with Benn's, reached a new dimension by adding Sumatra as the new symbolic toponym. It is strongly characterized by Serbian and newly established Yugoslav context featured in the text, but it's still a vision of a new humanity.

Keywords: expressionism, Dionysian principle, sumatrainism, Ithaca

Književni ekspresionizam se kao fenomen vezuje pre svega za stvaralaštvo na nemačkom jeziku. Tome se dodaje da tamošnja ekspresionistička dekada traje od 1910. do 1920. godine. Ipak, odavno je jasno da je moguće pratiti recepciju tog književnog pokreta i na prostorima koja su upravo u toj turbolentnoj deceniji od južnih pokrajni Austrougarske monarhije, postali severnim delovima novostvorene Kraljevine Jugoslavije. Pokušaćemo preko jedne motivske, ili gotovo arhetipske veze koja se pojavila u opusima dvaju pisaca, da osvetlimo prirodu tog uticaja koje je sa nemačkog došlo na srpsko-hrvatsko govorno područje.

*

August Strindberg smatra se pretečom ekspresionističke drame, a Ernst Širer misli da je na njene opšte karakteristike uticalo još nekoliko važnih podsticaja – nemački Šturm und drang, vajmarska klasika, Ničeov stil i leksika, te duh modernizma. Ekspresionizam i njegova drama su iz Herderovih koncepcija crpeli ideju o romantičarskom povratku primitivnosti i narodskom duhu, od Šturm und dranga borbu protiv „dogmatizma nobiliteta“ (Donahue 2005: 235). Ekspresionističko pozorište ne interpretira moralnu ulogu pozorišta na toliko striktan način koji je karakterističan za njegovog prethodnika Šilera – uveliko se menjaju ideje o angažovanosti umetnosti i same umetničke prakse. Ekspresionistički teatar imao je za cilj da deluje na publiku nekim radikalnijim sredstvima koji su se očitovali u sadržaju i formi same drame. Likovi, kulise i događaji na sceni svode se na simbole i metafore, kao što se to čini sa formama koje slika Kandinski. Tu plošnost i svedenost likova, kritikovaće generacija na čelu sa Brehtom. Kulminacije zapleta su često oni momenti koji su u stvari konsekvence potencirane unutrašnje motivacije. To će biti primer i sa Benovom *Itakom*. U repertoaru reminiscencija, alegorija i simbola koji se koriste u ekspresionističkim dramama, i tekstovima uopšte, očigledan je upliv religiozne i antičke sfere, ali pre svega kao arhetipskih motiva koji se daju interpretirati iz drukčije, ekspresionističke vizure.

Gotfrid Ben (1886-1956) objavio je prvu verziju svoje *Itake* 1914. godine. Jasno je da se u njoj još nisu mogle oslikavati posledice koje je rat ostavio na stavove autora, te je zato primarno čitamo iz perspektive estetičkog modernizma – kao žestoku kritiku duhovnog stanja Evrope koja se modernizuje i veruje u progres. Za simbol takvog stanja ovde je uzet "pitiable circle of liberalistic opportunism, that put behind itself the pure instrumentality of science" (bedni krug liberalskog oportunitizma, koji sakriva istinsku instrumentalizovanost nauke) (Donahue 2005: 246).

Već prvim profesorovim oglašavanjem u ovoj jednočinki Ben vešto i jezgrovito zacrtava sve izvore dolazećeg sukoba. Profesor se na kraju seminara obraća nekolicini studenata kako bi se egoistično pohvalio o svom novom pronalasku – metodi razlikovanja dve vrste štakora preko „obojenosti amonovg roga leve hemisfere velikoga mozga štakora starog četrnaest dana“ (Ben 2015: 95). Profesor Albreht smatra da taj pronalazak otkriva velike perspektive koje su „korak bliže spoznaji općih povezanosti koje pokreću čitav svemir“ (Ben 2015: 95). Kada ga student upita o tome da li je moguće izvesti neke dalje i šire zaključke od ustanovljivanja puke distinkcije,

on se poziva na autoritete čijim je radom već fundirano znanje (u enciklopediji) i ismeva studentovu težnju napominjući da ono nije vreme Tome Akvinskog. Dakle, moderno stanje nauke i duha, čiji je predstavnik profesor, odbacuje tomističku srednjovekovnu koncepciju suma (svepovezanih) znanja koja teže širim uvidima u načine funkcionisanja stvarnosti, a umesto njih insistiraju na što većoj diferencijaciji oblasti znanja, koja se svode na bavljenje alternativnim metodama utvrđivanja razlika među štakorima. Izgovor leži u ubeđenosti da je sve to sitan, ali bitan doprinos ogromnom sistemu znanja, iz kojih će neko, nekad, na nekoj apstraktnoj razini sintetisati šire uvide. Skrivena pod takvim izgovorima, nauka se svodi na perpetuiranje beskorisnog znanja, koje čoveku ne donosi ništa. Nasuprot tome, stoji težnja oličena u stavovima (i delanju!) sudenata da se probije opna razuma kao medija spoznaje stvarnosti, i da se dođe do direktne spoznaje stvarnosti, kroz misticizam, spekulativno-transcedentalni tip spoznaje ili dionizijsko prepuštanje nadindividualnosti prirode.

Rone, lik iz ranijih Benovih prozaičkih tekstova, i u ovoj je drami nasledio ulogu intelektualca, samo sada mnogo eksplicitnijeg buntovnika, što je naglašeno njegovim položajem asistenta, pobunjenika unutar samog sistema. On bi se zajedno sa studentima Kauckim i Lucom mogao posmatrati kao aktant – simbolički sin, koji ruši autoritet i svet oca. Na početku nalazimo i oštru kritiku akademizma, koji omogućava pojedincu da sakrije svoje lične slabosti iza visoke pozicije svog zvanja u hijerarhiji stručnih poziva u društvu: „uspjeli ste postići da svakojaka svjetina mirno stoji s njuškom punom strahopoštovanja pred najvećom kukavičom, ako ona zna rukovati inkubatorom.“ (Ben 2015: 98) Na profesorov izgovor da se, ako ništa drugo, opravdanje njegovog rada nalazi u humanom cilju patologije, Rone odgovara u dionizijskim argumentom da „dječije smrti i svaka vrsta krepavanja pripadaju bitku.“ (Ben 2015: 99) Dionizijskom, upravo po tome što je to princip večnog ponavljanja, ili obnavljanja, koji poput prirode uništava, da bi ih iznova stvorio (što bi se na simboličkom nivou moglo interpretirati kao uvođenje u stanje transa, besvesti). Sredinom jednočinke uvode se motivi mozga i čela, jasne i jednostavni simboli racionalizma, tj. metonimije razuma, koji kulminiraju na brutalnom kraju gde Luc, u zanosu besa, udara čelom gotovo zadavljenog profesora – ubija ga oruđem u koje je on polagao sve.

Kada studenti i asistent počinju sa verbalizacijom vizije sveta kom streme, racionalni principi sintakstičkog ustrojstva jezika se raspadaju, on potkopava sopstvene norme i standarde, nadilazi svoj standardni referencijalni potencijal. Kao kralj Lir tokom svog ludila, ili biblijski proroci tokom svojih zanosu. To je tipično ekspresionistička crta. Čini se da je ta apsolutna metaforičnost jedini mogući način da se nediskurzivnim jezikom izrazi stanje mističnih spoznaja. Izdvajamo ovde jedan reprezentativan odlomak, značajan za poređenje sa stihovima Crnjanskog: „Mi smo krv; iz toplih mora, majki koje su dale život.“ (Ben 2015: 102) Mozak je direktno povezan sa pohlepnom voljom za moć, i on prevođenjem svega u svoj naučni diskurs vrši „silovanje stvari“, a sve se to jasno oslikava kroz profesorovo mišljenje o samom sebi i njemu sličnima kao „glavama koje vladaju, mozgovima koji osvajaju.“ (Ben 2015: 100) Nasuprot tome, poslednji studentski usklici, uz udaranje profesora, eksplicitno poručuju: „Želimo san. Želimo zanos. Pozivamo Dionisa i Itaku!“ (Ben 2015: 104)

U ovoj je drami dakle Itaka preuzeta kao bremenit motiv iz antičke književnosti, ali potpuno ispražnjena od svih prethodnih značenja. Analogija sa antičkim motivima mogla bi se uvesti preko momenta žudnje za tim mestom, jer to postoji kod antičkog Odiseja. Uglavnom, radi se o jednom od načina avangardističkog dokidanja tradicije. Itaka čak nema ni objektivno topografsko uporište, koje u *Odiseji* defakto postoji, već ona, u ekspresionističkom ključu, postaje utopijska vizija. Nema u Benovom odnosu prema antici onog Helderlinovog dubokog saživljavanja sa antičkim tipom humaniteta, niti pokušaja nadovezivanja hrišćanskog na antičko, on motiv potpuno reinterpreтира uklapajući ga u svoju koncepciju južnosti – spiritualizacija Ničeovog vitalizma, ekstatični i dionizijski načina života, koji je Niče nazivao antičkim zdravljem. Itaka je ovde projekcija nove stvarnosti i „novog čoveka“ u budućnost, koja ako zaziva išta povezano s prošlošću, to je onda „primitivizam“, koji je spona svih avangardi. Taj „novi čovek“ (koji se u nekim užasnim i radikalnim interpretacijama Ničeovih ideja pretvorio u fašističku ideju novog čoveka) ovde simbolički ubija „oca“, tj. razračunava se sa modernističkom generacijom slepom za deformitete koje sa sobom nosi progres. Zazivanje Dionisa se mnogo više oslanja na njegovo antičko značenje, ili tačnije, na Ničeovu interpretaciju dionisovog kulta kao zanosu, misticizma, večne obnovljivosti, nadindividualnosti.

Miloš Crnjanski (1893-1977) objavljuje svoju *Liriku Itake* 1919. godine. Na molbu Bogdana Popovića, Crnjanski je kasnije napisao komentare koji su imali za cilj da osvetle poetičku i biografsku pozadinu pesama objavljenih u zbirci. Tako znamo da su pesme pisane tokom prvog svetskog rata, u kom je on aktivno učestvovao kao oficir austro-ugarske vojske, da je u Beču boravio kao student od 1913. pa sve do momenta kada je, početkom rata, regrutovan. Poznavao je nemački jezik, a iz pariskog pisma (1921) saznajemo da je čitao nemačke i austrijske

ekspresioniste, o čijim stihovima piše da su im reči „katkad, teške i hladne, bez latinske čulnosti i boje, ali ovaj nemački jezik neizrecivo nov, gibak i sjajan, kao, nekad, njina pozajmljena gotika” (Crnjanski 2008: 236).

Zbirka je podeljena u tri ciklusa: „Vidovdanske pesme”, „Nove senke” i „Stihovi ulice”. Zajedničke su im beskompromisne i radikalne revalorizacije mnogih oblasti, od nacionalnih istorijskih mitova („Spomen Principu”), preko principa materijalnosti („Trag”) i figure Hrista („Molitva”, „Karikatura”), do shvatanja ljubavi („Ja, ti, i svi savremeni parovi”). Za okvir koji nam nameće naša tema, u obzir ćemo uzeti tek nekoliko pesama u kojima se tematizira sama funkcija zbirke u datom kulturno-istorijskom momentu i uvodi u značenje motiva Itake upotrebljenog u zbirci. Naime, „Prolog” i „Epilog” uvode, odnosno zaključuju zbirku, te služe kao ključ i kontekstualna podloga za čitanje svih ostalih pesama.

U uvodnoj pesmi pesnički glas počinje jasnim oslanjanjem na mit o Odisejevom povratku, u prve dve strofe, da bi u druge dve na tu aluziju nadovezao njemu savrmeni kontekst, i progovorio o svom oružju – novoj poetici i shvatanju književnog stvaranja. Troja je u ovoj pesmi analogna prvom svetskom ratu, a Itaka domovini (biografski – Zagrebu, pa ubrzo i Beogradu). Dakle, Itaka kao opustošena i zabludela domovina, Itaka Odisejeva, a ne Itaka Benovih studenata, vizionarska i idealna. Tu trulost duha koju nosi iz užasa rata, u kom je video najbrutalnije ponore ljudskog, pesnički glas želi da pospolji tako što će nastaviti da ubija: „Na Itaki i ja bih da ubijam,/al kad se ne sme,/ bar da zapevam/ malo nove pesme“ (Crnjanski 2008: 7). Radi se, dakle, o nekoj vrsti pesničke sublimacije doživljene traume i nihilizovanog sistema vrednosti, jer se jasno duhovno iskliznuće projektuje na plan poetike. To je sfera u kojoj pronalazi utehu, jer iako konstatuje „tužan je život na svetu, svud“, on kaže „ja pevam tužnima:/da tuga od svega oslobođava“ (Crnjanski 2008: 7), verujući da katarzičnost poezije može da pobedi beznađe stalnog perpetuiranja tuge i bola na ovom svetu. Onda se u poslednjoj strofi javlja tipično porgovaranje u prvom licu množine koje evidentno govori u ime nove generacije (pesnika) što veruje u to da se njihova duša ambivalentno promenila u krvavom iskustvu, i pošla za „jedan stepen više, nebu“. (Crnjanski 2008: 7)

Zbirka u koju nas ova pesma uvodi predstavlja onda pevanja o novom viđenju i osećanju stvarnosti u domovini u koju se pesnički subjekt vratio. To je personalizovana Itaka koja se značenjski oslanja na mit, a ne nova Itaka koju iznova u svojoj viziji gradi taj (opasni?) „novi čovek“, nesnađeni čovek novog posleratnog senzibiliteta.

Pevanja na Itaci Crnjanskog, posle prološke pesme nastavljaju se „Himnom“ povratnika koji, dezorijentisani, i u domovini lutaju, himnom onih koji su prestali da mare za bilo koju tradiciju i pretke, onih koji nemaju ničeg, „ni Boga ni gopodara“ (Crnjanski 2008: 8), onih kojima upravlja jedino njihova krv, divlja, nagoniska i bezobzirno samoregulišuća. To pokolenje kao da kliče svoju himnu, kivnu, prekaljenu i za sopstveni očaj: „ni majke, ni doma, za nas nema,/ ni stanka, ni dece./Osta nam jedino krv“ (Crnjanski 2008: 8). Ali oni nisu demoralisani! Oni su dični u svom nihilističkom raspoloženju. Gotovo kao kod životinja, gde su jedini (preostali) orijentiri nagoni, s tim što je ovde ta svedenost na puki i potencijalno opasni nagon, podupreta ponosom na takvo stanje. To bi se moglo čitati kao unapred izrečena afirmacija potencijalnog nasilja.

Na ovoj Itaci, nasiljem bi se agonija produžavala, a na Benovoj Itaci upravo nasilje dokida tu agoniju starog duhovnog habitusa. Ipak, na ovoj se Itaci nasilje ne događa, ono se, kako je već rečeno, sublimira u pesmu, koja postaje novo oružje revolucije (duha).

Nakon što je ispevao svoje pesme, lirski se glas u završnoj pesmi „Epilog” pita kome bi trebalo da ih uputi. Akademskim krugovima koji, „reumatični”, svojom kritikom insistiraju na optimizmu i kritikuju nove avangardne evropske tendencije? Ukusu elitističkih čitalaca koji “ne trpe da prosijak viče” (Crnjanski 2008: 73), tj. ne žele da čuju istinu? Ili pak patriotskim pesnicima koji svoje stvaranje svode na idealizovanje sela? Odgovor je britak i jasan: „Ne, tom je kraj!/ Na Itaki će da se udari/ u sasvim druge žice” (Crnjanski 2008: 73).

Dakle, njemu ne treba vizija nove Itake, on želi da na onoj postojećoj kojoj se vratio, sam, poput Odiseja, popravi stvari i prilagodi je novom duhu. Pri ostvarivanju toga služi se pesmom. Ovde se, dakle događa svojevršno oslobađanje Itake, analogno onom iz mita. Iako stihovi zbirke ne nude neku jasnu viziju te nove Itake, jasno je da u njoj sve počiva na prvobitnom razaranju starog. Iz spoja te dve činjenice, nejasna slika te nove Itake ostaje pre svega nihilistički obeležena, jer da može, lirski subjekat bi ubijao, kao da se kaos rata nije okončao, kao da je rat potvrdio opšte međusobno unijanje za opšte pravilo. Ali pesma „Sumatra“ donosi izvestan zaokret u tom pogledu i neku novu, blažu, rastakajuću dimenziju nihilizma.

Pesma u kojoj je na estetski najubedljiviji način prikazana ona čisto ekspresionistička ideja o svepovezanosti pojava na svetu je „Sumatra”. U njoj pesnički subjekt govori u prvom licu množine sugerišući sopstvenu ulogu glasnogovornika cele nove generacije, novog humaniteta. On kao da doživljava oslobađanje od

sve težine ljudske telesnosti, i prepušten nadempirijskoj svepovezanosti pobeđuje ljudsko razočaranje pred neumitnošću toka vremena. Doživljava stanje spokoja i blaženosti, uoredivih sa stanjem nirvane. Sve to očituje se sažeto u trećoj strofi:

Po jedna ljubav, jutro, u tuđini,
dušu nam uvija, sve tešnje,
beskrajnim mirom plavih mora,
iz kojih crvene zrna korala,
kao iz zavičaja, trešnje.

(Crnjanski 2008: 74)

Pesma odaje utisak da toponimi i prostori koji se javljaju u pesmi gube karakter materijalnih pojavnosti lociranih negde na ovom svetu, te kao da postaju eterični i postojeći samo u svetu pojmovnog, pretopivi u novu viziju.

*

Jasno je, dakle, da je „Sumatra” Crnjanskog, pravi pandan Benovoj Itaci, po tome što poseduje momenat vizijom dosegnute projekcije novog sveta. Ona je taj krajnji cilj, nazovimo ga sumatraistički izbalansiranim nihilizmom, koji je na početku zbirke izgledao kao preteča i ubilačka, surovo nihilistička vizija nove Itake Miloša Crnjanskog. Govoreći u ključu ovih motiva i sugerisane interpretacije, to je sumatraizovana Itaka novog humaniteta, novog spokoja za modernog čoveka, tamo gde su „sunce, ružičasta krila, gajevi opijeni u plavo” (Ben 2015: 103) i gde „milujemo daleka brda i ledene gore, blago, rukom” (Crnjanski 2008: 74). Razlika je u tome što Crnjanski, konkretno u „Sumatri”, svoje ostrvo gradi bez ikakve aluzije na antičko nasleđe, i što njegova vizija počiva na unutrašnjoj, subjektivnoj promeni percepcije ovog, a ne čiste vizije novog sveta. No, krajnja konsekvencija je svakako ista – dosezanje novog duhovnog habitusa, oslobođenog tiranije racionalnog i građanskog morala. Ideal svih avangardi!

Bibliografija

- Ben, Gotfrid (2015), *Itaka*, u: „Odlazak u noć: jednočinke i kratke drame njemačkoga ekspresionizma”, preveo i uredio Ivica Ben; Zagreb, Ex libris.
- Crnjanski, Miloš (2008), *Lirika Itake i komentari*. Beograd, Štampar Makarije – Oktoih.
- Anderson, Lisa Marie (2011), *German Expressionism and the Messianism of a Generation*. Amsterdam - New York, Rodopi B.V.
- Bogosavljević, Srđan (1995), *Antologija ekspresionističke pripovetke*. Novi Sad, Svetovi.
- Donahue, Neil (2005), *A companion to the literature of German Expressionism*. Rochester – New York, Camden House.
- Žmegač, Viktor (1986), *Težišta modernizma: od Baudelairea do ekspresionizma*, Zagreb, Sveučilišna naklada Liber.
- Konstantinović, Zoran (1967), *Ekspresionizam*. Cetinje, Obod.
- Sokel, Walter Herbert (1959), *The Writer in Extremis: Expressionism in Twentieth – century German Literature*. Stanford, Stanford University Press.

Bence Nyéki

Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, Budapest, Hungary
nyeki.bence96@gmail.com

Контрастивный анализ словообразования имён существительных с субъективно-оценочными значениями в русском и венгерском языках. Субъективно-оценочная рамка в семантическом представлении¹

Diminutives in Russian and Hungarian may express quantitative downgrading of some physical feature or emotional evaluation. In order to support a contrastive analysis, diminutive meaning can be represented in a subjective-evaluative frame the content of which is specified by elimination and confirmation rules, which may slightly vary in different languages. These rules must be based on the semantics of the derivational base, context and suffix of the diminutive.

Keywords: contrastive, diminutive, semantics, subjective-evaluative frame

Настоящая работа посвящена производным существительным, выражающим субъективную оценку говорящего. Нашей целью является разработка методов контрастивного описания семантики русских и венгерских существительных с субъективно-оценочными значениями. Мы будем сосредотачиваться только на диминутивах типа *звёздочка*, *крылечко*, *избёнка*, *nénike* ('тётя + DIM' примерно 'тётенка'), *nyulacska* ('заяц + DIM', примерно 'зайчик') и т. п. В рамках настоящей работы, конечно, могут быть изложены лишь самые основные идеи.

Чётко сформулировать требования контрастивного анализа нелегко. По мнению Р. Вюрстле (Würstle 1992: 102), в контрастивной работе должны исследоваться стратегии языкового общения, которые считаются функциональными эквивалентами в разных языках. Следуя этому принципу, мы будем считать задачей сопоставления выделение терминов и правил, позволяющих выяснить сходство и различие между функционально похожими явлениями в изучаемых языках. Наши основные представления о семантике базируются на концепции Ю. Д. Апресяна (1995 [1974]). Таким образом, значение языковых единиц рассматривается нами как множество сем, комбинируемых по специальным правилам.

Прежде всего, необходимо уточнить, что подразумевается под диминутивами. В русском языке довольно много дериватов, формально совпадающих с диминутивами, но лишённых композициональности значения. В отличие от Н. Ф. Спиридоновой (1999: 19–22) мы не причисляем к диминутивам дериваты типа *крышка бутылки* или *спинка стула*. Последние лексемы обозначают предметы, качественно отличающиеся от денотатов мотивирующих слов.

При определении диминутивов мы опираемся на концепцию И. А. Мельчука (1997: 119–122) о языковых знаках. Языковой знак (X) представляет собой упорядоченную тройку, состоящую из означаемого ('X'), означающего (/X/) и синтактики двойки означаемого и означающего ($\sum_X$). Общая формула выглядит следующим образом: $X = \langle 'X'; /X/; \sum_X \rangle$. Означаемое — это значение языкового знака, означающее — цепочка звуков или букв, а синтактика — правила сочетания языкового знака с другими языковыми знаками (Мельчук 1997: 107–115). Комбинирование знаков делает возможным метаоперация языкового объединения ($\oplus$), которая влечёт за собой объединение совпадающих элементов троек комбинируемых знаков (Мельчук 1997: 127–135).

Итак, диминутив есть языковой знак, являющийся результатом диминутивной деривации. Под диминутивной деривацией понимаем метаоперацию объединения языковых знаков S_1 и S_2 , если они удовлетворяют следующим требованиям:

$$S_1 = \langle 'X'; /Y/; \sum_{S_1} = \text{основа существительного любого рода} \rangle$$

---

¹Настоящая статья представляет собой сокращённый вариант дипломной работы автора (Nyéki 2018).

$S_2 = \langle '_{\text{EVAL}}[\text{говорящий считает, что } \alpha \text{ небольшая или несерьёзная или хорошая или плохая}]'; /DIM/;$
 $\sum_{S_2} = \text{словообразовательный суффикс существительного}\rangle$

Пусть 'X' — любое означаемое; /Y/ — любое означающее; $'_{\text{EVAL}}[\text{говорящий считает, что } \alpha \text{ небольшая или несерьёзная или хорошая или плохая}]'$ — общая формула особой субъективно-оценочной рамки диминутивов; /DIM/ — означающее диминутивного суффикса; α — то, что описывается семантическими признаками S_1 .

Из вышесказанного следует, что необходимо перечислить означающие диминутивных суффиксов. Сюда относятся означающие русских суффиксов *-ок/-ик/-чик*, *-к(а)/-очк(а)*, *-ишк-*, *-оньк(а)*, *-онк(а)* и т. д. Все суффиксы указаны в Русской грамматике I (1980: 208–215). В венгерском языке диминутивы образуются с помощью трёх продуктивных (*-ka*, *-(V)cska* и *-i*) и нескольких непродуктивных суффиксов (например, *-ci*, *-us*). Перечень венгерских диминутивов и правила их применения см. в статье П. Бодора и В. Барцы (Bodor/Barcza 2007: 233–235).

Приведём примеры диминутивной деривации:

- (1) $S_1 = \langle \text{'площадь земли, где находится множество деревьев'}; /lec/;$ $\sum_{S_1} = \text{основа}$
 существительного, мужской род>
 $S_2 = \langle '_{\text{EVAL}}[\text{говорящий считает, что } \alpha \text{ небольшая или несерьёзная или хорошая или плохая}]';$
 $/ok/;$ $\sum_{S_2} = \text{словообразовательный суффикс существительного, применяется к существительным}$
 мужского рода, вызывает чередование $/k \rightarrow c/$, $/x \rightarrow u/$ или $/g \rightarrow j/$ >
 $S_1 \oplus S_2 = \langle \text{'площадь земли, где находится множество деревьев } |_{\text{EVAL}}[\text{говорящий считает, что}$
 данный лес небольшой или хороший или плохой}]'; $/lesok/;$ $\sum_{S_1} \oplus \sum_{S_2} = \text{основа}$
 существительного, мужской род>
- (2) $S_1 = \langle \text{'человек, создающий произведения в стихах'}; /költő/;$ $\sum_{S_1} = \text{основа существительного}\rangle$
 $S_2 = \langle '_{\text{EVAL}}[\text{говорящий считает, что } \alpha \text{ небольшая или несерьёзная или хорошая или плохая}]';$
 $/cske/;$ $\sum_{S_2} = \text{словообразовательный суффикс существительного, применяется к}$
 существительным, оканчивающимся на гласный переднего ряда>
 $S_1 \oplus S_2 = \langle \text{'человек, создающий произведения в стихах'} |_{\text{EVAL}}[\text{говорящий считает, что данный}$
 поэт небольшой или несерьёзный или хороший или плохой}]'; $/költőcske/;$ $\sum_{S_1} \oplus \sum_{S_2} = \text{основа}$
 существительного>

Итак, введено понятие субъективно-оценочной рамки. В неё входят семантические признаки, которые, на первый взгляд, могут быть выражены и прилагательными. Однако оценка, выраженная диминутивами, представляется нам менее определённой, чем значение соответствующих прилагательных.

Исследователи подчёркивают двойственность диминутивного значения, которая проявляется в уменьшении или эмоциональности. Например, в Русской грамматике I (1980: 208) выделяются уменьшительное, ласкательное, уничижительное значения и их комбинации. Изучая существительные субъективной оценки в венгерском языке, Б. Жемйеи (Zsemlyei 2011: 35) определяет количественное, эмоциональное и эмоционально-количественное значения. Субъективно-оценочная рамка тоже может отражать эти значения.

Нужно, однако, признаться, что употребление сем 'небольшой', 'несерьёзный', 'хороший', 'плохой' является большим упрощением. В точном изложении необходимо заменить каждую комплексом семантических признаков или множеством таких комплексов. Например, вместо 'небольшой' нужны формулировки типа 'α уступает субъективным представлениям говорящего о норме в одном или в нескольких измерениях физического распространения'. Сюда относится, кроме количественного уменьшения размера (например *речка*, *tavacska* 'озеро + DIM'), редуцирование интенсивности (*ветерок*, *esőcske* 'дождь + DIM'), числа внутренних составляющих единиц (*табунчик*, *erdőcske* 'лес + DIM') и т. п. О разновидностях уменьшения см. статью Н. Ф. Спиридоновой (1999); о важности внутренней делимости пишет Б. Жемйеи (Zsemlyei 2011: 50–51, 53). Элемент 'несерьёзный' субъективно-оценочной рамки указывает на несерьёзность идейного продукта. Такое значение может иметь дериват *теорийка* или *tervecske* в следующем отрывке:

- (3) «[...]*de ez az egész még csak terv, sőt tervecske. Az égvilágon semmikönkrétumot nem lehet még tudni.*» [[...]но это всё ещё только план, или скорее 'план + DIM'. Пока совсем ничего конкретного не известно.] (MNSZ2[doc#1691])

'Хороший' и 'плохой' обозначают положительные или отрицательные чувства говорящего, вызванные предметом оценки.

Итак, субъективно-оценочная рамка применима и к русским и к венгерским диминутивам. Её элементы связаны между собой дизъюнкцией; некоторые из них устраняются, а другие подчёркиваются или остаются неопределёнными при анализе конкретного диминутива. Особенность субъективно-оценочной рамки именно в том, что в ней могут встречаться возможные, но неопределённые семантические признаки. Процесс анализа осуществляется набором правил, учитывающих семантику основы, контекст и суффикс.

Рассмотрим примеры.

(4) «[Дочь Надежды Ивановны, жен, 50] *Красивые такие / коврики! Вот мам / подарить надо тёть Наташе / один коврик /»* (НКРЯ, устный корпус)

(5) «[...] *láttam magam is ezt a kis pincécskét, egyébként valóban nagyon szép volt, érintetlen, ahogy a régészek mondták* [...]» [...]я сам тоже видел этот маленький погребок ('погреб + DIM'), он был кстати действительно прекрасный, нетронутый, как сказали археологи [...]] (MNSZ2[doc#1697])

Начнём с устранения семантически несовместимых признаков. Данная операция выполняется, по терминологии Ю. Д. Апресяна (1995 [1974]: 84–88), правилами зачёркивания. Поскольку выделенные в (4) и (5) диминутивы обозначают тела, имеющие физическое распространение, элемент 'несерьёзный' автоматически зачёркивается в субъективно-оценочной рамке (он устраняется в примерах (1)-(2) при операции $S_1 \oplus S_2$ по этой же причине). Из контекста учитываются слова или словосочетания, синтаксически связанные с диминутивом. Разумеется, контекст желательно было бы воспринимать как смысл довольно большого отрывка текста, содержащего данный диминутив, но эта информация вряд ли доступна описываемым нами правилам. Значит элемент 'хороший' подчёркивается в (4) и (5), а 'плохой' одновременно зачёркивается ввиду семантической несочетаемости. В (5) 'маленький' также подтверждается прилагательным *kis* ('маленький'). В (4) нельзя решить, считает ли говорящий ковры маленькими. Суффикс в данном случае не влияет на содержание субъективно-оценочной рамки. В венгерском языке суффикс вообще не имеет значимости. В русском языке некоторым экспрессивным суффиксам свойственна положительная или отрицательная оценка. Сюда относятся, например, *-ишк-*, *-онк(a)* и *-оньк(a)* в дериватах *страстишка*, *избёнка*, *берёзонька*. Возможную классификацию диминутивных суффиксов по экспрессивности см. в монографии М. Шиллер (Schiller 2007: 81).

Труднее определить содержание субъективно-оценочной рамки в нейтральном контексте, т.е. в таких случаях, когда значение диминутива не уточняется синтаксически связанными словами. Иногда сам нейтральный контекст приводит к зачёркиванию или подчёркиванию элементов субъективно-оценочной рамки. Например, П. Бодори В. Барца (Bodor/Barca 2007: 238) упоминают, что диминутиву *költőcske* 'поэт + DIM' обычно присуще уничижительное значение. Поэтому можно подчеркнуть элемент 'плохой', если оценка иначе не модифицируется прилагательными, глаголами или наречиями. Диминутивы, обозначающие человека по профессии, ведут себя, наверное, аналогично. Следовательно, для анализа значения диминутивов нужно учесть идеографические группы. На наш взгляд, целесообразно опираться на группы, выделенные в Большом толковом словаре русских существительных (2005). Расхождения между русскими и венгерскими диминутивами бросаются в глаза именно при анализе диминутивов в нейтральном контексте. В вышеупомянутом словаре, например, в подгруппу 1.1.1.3. входят существительные, обозначающие мёртвое тело человека или животного. От таких существительных образуются русские диминутивы со значением уменьшительности. Сюда относятся *мертвечик*, *трупик*, *тушка* (ср. Schiller 2007: 113).

(6) «*Прозагадку — водном улье трупики пчел свежие да и мало, а в другом на дне уже зеленые, долго лежали.*» (НКРЯ, основной корпус)

В венгерском же языке нелегко выдумать ситуацию, в которой употребление производного типа *hullácska* ('труп + DIM') естественно. Оно может появиться в тексте в качестве средства иронии. Такой сугубо прагматической проблемой сейчас не занимаемся.

Итак, выше вкратце представлены правила функционирования субъективно-оценочной рамки. Её наличие свойственно и русским и венгерским диминутивам, но правила её функционирования могут

различаться в отдельных языках. Поэтому в принципе она способствует контрастивному анализу. Конечно, теория должна быть проверена на богатом языковом материале.

Bibliography

- Bodor, Péter – Barcza, Virág (2007), Acquisition of diminutives in Hungarian. In: *The Acquisition of Diminutives. A cross-linguistic perspective*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company.
- Nyéki, Bence (2018), *Контрастивный анализ словообразования имен существительных с субъективно-оценочными значениями в русском и венгерском языках*. Дипломная работа бакалавра. Budapest, Eötvös Loránd Tudományegyetem, Bölcsészettudományi Kar.
- Schiller, Maria (2007), *Pragmatik der Diminutiva, Kosenamen und Kosewörter in der modernen russischen Umgangsliteratursprache*. München, Herbert Utz Verlag.
- Würstle, Regine (1992), *Überangebot und Defizit in der Wortbildung. Eine kontrastive Studie zur Diminutivbildung im Deutschen, Französischen und Englischen*. Frankfurt am Main, Peter Lang GmbH.
- Zsemlyei, Borbála (2011), *Kicsinyítő képzők az erdélyi régiségben*. Kolozsvár, Erdélyi Múzeum-Egyesület.
- Апресян, Ю. Д. (1995 [1974]): *Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва, Школа «Языки русской культуры», издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Большой толковый словарь русских существительных* (2005), под общ. ред. Л. Г. Бабенко. 2-е издание, стереотипное. Москва, АСТ-Пресс.
- Мельчук, И. А. (1997), *Курс общей морфологии. Том I. Введение. Часть первая: Слово*. Москва — Вена, Языки русской культуры, издательская группа «Прогресс».
- Русская грамматика I* (1980), глав. ред. Н. Ю. Шведова. Москва, Наука.
- Спиридонова, Н. Ф. (1999), Русские диминутивы: Проблемы образования и значения. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка* 58/2, 13–22.

Корпусы

MNSZ2 v2.0.5: *Magyar Nemzeti Szövegtár*. MTA Nyelvtudományi Intézet, Nyelvtchnológiai Kutatócsoport, 1998–2018 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://clara.nytud.hu/mnsz2-dev/>

НКРЯ: *Национальный корпус русского языка* (2003–2018). Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>.

Zuzana Obertová

Comenius University in Bratislava, Bratislava, Slovakia
zuzana.obertova@uniba.sk

Entwicklungstendenzen der polnisch-slowakischen Komparatistik vom 20. Jahrhundert bis zur Gegenwart

The paper presents the evolution of the Polish-Slovak comparative literature studies from the time of its establishment in the 1930s up to the present. The aim of this paper is to map the variety of themes reflected by the scholars in Slovakia. The author analyzes which literature periods and genres became the object of the comparative research and how the relations among them were dealt with. The paper presents the most important scholars in the field of the Polish-Slovak comparative studies in Slovakia: W. Bobek, J. Bányky, R. Brtáň, P. Winczer, J. Hvišč.

Keywords: Polish-Slovak literature relations, comparative literature, W. Bobek, P. Winczer, J. Hvišč

Die Anfänge der polnisch-slowakischen vergleichenden Literaturwissenschaft reichen zum Ende des 19. Jahrhunderts, zu den ersten Proben der Auffassung der Geschichte der slowakischen Literatur. In den Werken von beispielsweise J. Vlček oder A. Pražák sind die ersten Bemerkungen über die Gemeinsamkeiten der polnischen und slowakischen Literatur zu finden. Jedoch die ersten Studien, die sich ausschließlich mit den polnisch-slowakischen Literaturbeziehungen befassen, stammen vom Anfang der 30er Jahre des 20. Jahrhunderts und wurden vom polnischen Slawisten Władysław Bobek geschrieben.

W. Bobek kam nach Bratislava 1929 als Lektor der polnischen Sprache und Literatur an der Comenius Universität. Seine wissenschaftliche Karriere entwickelte sich fast ausschließlich in der Slowakei, da sein Leben vorzeitig beendet wurde, als er während des zweiten Weltkriegs wegen seiner antinazistischen Tätigkeit verhaftet wurde und im KZ Lager gestorben ist (Bobek 2001: 12-13). Er ist der erste Forscher, der sich mit den polnisch-slowakischen Literaturzusammenhängen im großen Ausmaß beschäftigt hat, deswegen wird er heutzutage für den Gründer der polnisch-slowakischen vergleichenden Literaturwissenschaft gehalten (Hvišč 2008: 23). Man muss jedoch hervorheben, dass sein Interesse nicht nur auf diesen Bereich begrenzt wurde. Er war ein Slawist im synkritischen Sinne, d. h., er hat sich mit fast jeder slawischen Literatur befasst und der polnisch-slowakische Zweig war nur ein Teil seiner Forschung (Obertová 2017). Heutzutage wird er eher als Slowakist erwähnt, und zwar wegen seinem Beitrag zur Erforschung der slowakischen Literatur und deren Geschichte (Gáfríková 2003, Vojtech 2013 und 2017).

Als Komparatist ging er aus der positivistischen Methode hervor. In seiner Monographie *Mickiewicz w literaturze slowackiej* (1931) verglich er inhaltliche Motive in den Gedichten von A. Mickiewicz und im Werk der slowakischen romantischen Schriftstellern, in anderen Studien analysierte er die Zusammenhänge zwischen der slowakischen Romantik und anderen polnischen Autoren. Die meisten wurden in zwei Sammelbänden veröffentlicht (Bobek 1936, 1937). Seine Forschung und deren Ergebnisse werden etwa ambivalent wahrgenommen. Einerseits wird ihm die Rolle des Gründers der polnisch-slowakischen Komparatistik zugeschrieben, andererseits wird seine Methodologie kritisiert. Laut einiger Forscher habe er unkritisch verschiedene Einflüsse der polnischen Literatur auf die slowakische beschrieben, die slowakische Literatur abhängig von der polnischen gemacht (Laťáková 1972: 227-228). Tatsächlich beschränkte Bobek seine Terminologie auf wenige Begriffe, vor allem Einfluss und Auswirkung (Polnisch „wpływ“ und „oddziaływanie“), die er ziemlich frei benutzte. Seine vergleichenden Studien sind jedoch immer noch nicht gründlich untersucht worden. Sie werden meistens mit kurzer Begründung abgelehnt, dass die angewandte Methodologie veraltet ist (vgl. Bakoš 1938), ohne dass die Schlussfolgerungen weiterentwickelt und zur weiteren Forschung anhand neueren theoretischen Erkenntnissen benutzt wurden. Das wäre möglich gewesen, wenn die Komparatistik eher in der Richtung wie in Polen (vgl. Skwarczyńska) entwickelt wurde. In der Slowakei wurde diese Wissenschaft vor allem in den 50er jedoch abgelehnt und Kontinuität wurde unterbrochen (Đurišin 1967: 15).

Auf die Arbeit von W. Bobek hat gewissermaßen Jozef Bányky angeknüpft. Es gibt einige Ähnlichkeiten zwischen diesen Wissenschaftlern. Beide haben sich nicht nur mit einer slawistischen Philologie beschäftigt, beide waren an der Forschung von A. Mickiewicz interessiert und ihr wissenschaftliches Potenzial konnte sich wegen dem frühzeitigen Abgang nicht in vollem Ausmaß entwickeln. Im Gegensatz zu Bobek ist das Werk von Bányky nicht so umfangreich und für heutige Forschung auch nicht so Anstoß gebend. Es illustriert jedoch eine wichtige

Entwicklungsphase der polnisch-slowakischen Komparatistik, nämlich das Ende des zweiten Weltkriegs und die anschließenden politischen Veränderungen.

Die ersten Studien von J. Bánsky kennzeichnen sich durch Wahrnehmung der Weltliteraturprozesse, die slowakische oder polnische Literatur wird im breiteren europäischen Rahmen dargestellt und kritisch präsentiert (Winczer 1990: 324). Später hat jedoch der Druck auf politische Korrektheit und Gefahr von „ungewünschten“ Themen zugenommen, deswegen wandte sich Bánsky zur Materialforschung, zum Suchen nach historischen Kontakten der polnischen und slowakischen Schriftstellern, zu den kulturellen Kontakten, also zum sicheren Boden der Faktensammlung (vgl. Bánsky 1955a, 1955b u. a.). Die polnisch-slowakische Komparatistik blieb dann an dieser Stelle stehen.

Aus dieser Sicht ist es interessant, den nächsten Wissenschaftler zu erwähnen, nämlich Rudolf Brtáň. Er war vor allem ein Slowakist, beschäftigte sich mit der slowakischen Literaturgeschichte, schrieb jedoch einige vergleichende slawistische Studien aus dem westslawischen, südslawischen sowie auch ostslawischen Bereich, um die Zusammenhänge mit der slowakischen Literatur zu erleuchten (Brtáň 1972). Was die polnisch-slowakische Komparatistik betrifft, widmete er sich auch der Literatur des 19. Jahrhunderts. Diese Studien sind wieder in Intentionen der Kontakt- und Materialforschung geschrieben.

Die Forschung der polnischen und slowakischen Romantik wurde vom Jozef Hvišč fortgesetzt. Er knüpfte an die Ergebnisse seiner älteren Kollegen an, aber bald stellte er fest, dass solche Faktensammlung ziemlich statisch ist und keine Ansätze zur weiteren Entwicklung der polnisch-slowakischen vergleichenden Literaturwissenschaft bringt. Hvišč arbeitete in der Slowakischen Akademie der Wissenschaften und befand sich im Kreis um D. Ďurišin, den Gründer der slowakischen komparatistischen Schule. Die komparative Forschung sollte laut dieser Schule zum besseren Verständnis der eigenen Literatur führen, zur Erkennung des genetischen und typologischen Kerns einer Literaturscheinung im nationalen und internationalen Kontext (Ďurišin 1970: 151-152). Hvišč hat sich zuerst mit der sog. Genologie beschäftigt, mit der Forschung von Literaturgattungen (Hvišč 1985). Er konzentrierte sich auf die slowakischen und polnischen Gattungen der Romantik, seine Studien sind nicht nur komparativ, manche betreffen nur eine der Literaturen, um genau die Forderung der eigenen Literaturkenntnis zu erfüllen. In den 90er Jahren war er an der Comenius Universität tätig. Das könnte ein Grund dafür sein, dass er zur Kontaktforschung zurückkehrte, denn aus solchen Studien wurden Lehrbücher für Polonistikstudenten herausgegeben (Hvišč 1991, 1996). Im Vergleich mit Bobek oder Bánsky sind solche Werke jedoch nicht nur auf Faktensammlung konzentriert. Hvišč bemüht sich die Literaturprozesse zu erklären und die Zusammenhänge auch im breiteren Kontext darzustellen. Das letzte wissenschaftliche Werk von Hvišč wurde 2004 unter dem Titel „Ode an die Jugend“ publiziert und handelt von den Literaturzusammenhängen der polnischen und slowakischen Romantik. Im Werk von J. Hvišč ist somit die Kontinuität der polnisch-slowakischen Komparatistik beibehalten.

Als letzter Wissenschaftler ist Pavol Winczer darzustellen. Im Kontext der bisher präsentierten Tendenzen der polnisch-slowakischen Komparatistik ist sein Werk nämlich irgendwie ein selbständiges Thema. Es könnte sich daraus ergeben, dass er in Prag studierte und später an der Slawistik in Wien tätig war. Als der Einzige hat er sich gar nicht mit der Romantik beschäftigt. Er war nämlich vom Prager Strukturalismus von K. Krejčí beeinflusst und das faktographische Werk von J. Bánsky war für ihn kaum interessant (Winczer 1990: 322). Er hat einen eigenen Weg genommen und sich mit der Poesie der Moderne und Avantgarde beschäftigt. Er hat diese Literaturströmungen im europäischen Kontext gesehen, wollte die Gemeinsamkeit oder Einzigartigkeit in mehreren europäischen Literaturen identifizieren (Winczer 1974 und 2000). Deswegen weisen seine Werke nicht nur die bilaterale Komparation auf. Er hat mindestens drei Literaturen ins Visier genommen, vor allem die tschechische, slowakische und polnische. Er behauptete nämlich, dass die slowakische Avantgarde ohne die tschechische gar nicht zu forschen ist. Dazu kam natürlich der Vergleich mit der französischen Literatur als der Wiege der Avantgarde.

Zusammenfassend, es gibt drei Entwicklungstendenzen der polnisch-slowakischen vergleichenden Literaturwissenschaft im 20. Jahrhundert. Die erste ist die Bemühung, die Entstehung der literarischen Werke festzustellen, also genetische Erklärung. Diese Tendenz wird mit der positivistischen Methodologie verbunden, in der eine Literatur für die dominante gehalten wird und die andere für die untergeordnete, die von der ersten Einflüsse und Inspiration aufnimmt. Diese Tendenz wird vor allem von W. Bobek präsentiert, der die Einflüsse der polnischen Romantik auf die slowakischen romantischen Werke geforscht hat.

Der Begriff „Einfluss“ hat später negative Konnotationen erhalten, da er einer der Literaturen eine niedrigere Position zuschrieb und sie weniger wertvoll machte. Deswegen entstand die Kontaktforschung, die auf der Sammlung von historischen Fakten und Kontakten unter den Repräsentanten der Literaturen beruhte, die positivistische Terminologie ausbaute. Diese Tendenz ist in der Slowakei noch in den 70er Jahren zu beobachten, obwohl sie schon damals für unproduktiv gehalten wurde. Es ging nur um Feststellen von Fakten und brachte keine Ansätze zur neuen Forschung. Die Repräsentanten von dieser Tendenz sind J. Bánsky und R. Brtáň, aber bei beiden ist nicht von dem ganzen Werk die Rede. Brtáň war nämlich vor allem Slowakist und die komparativen Studien stellten nur eine Ergänzung seiner reichen wissenschaftlichen Arbeit. Bánsky, wie erwähnt, fing mit Studien an, die mehr auf die allgemeine Literaturforschung gezielt waren. In der veränderten politischen Situation

war jedoch sicherer, zur Faktensammlung zurückzukehren. Das hing jedoch auch damit zusammen, dass er in der Universitätsbibliothek arbeitete und sich als Bibliograph profilieren musste.

Erst mit der Forschung von J.Hvišč und P.Winczer kamen neue Entwicklungstendenzen in Frage. Der erste hat zwar an die vorherige Forschung in dem Sinne angeknüpft, dass er sich auf die Romantik konzentriert hat. Seine Bemühungen jedoch waren, einerseits die slowakische Literatur anhand der Komparation besser kennenzulernen, andererseits der allgemeinen komparatistischen Theorie beizutragen. Ähnliche Ziele hat auch P.Winczer erreicht, nur mit völlig anderen Mitteln und Themen. In seinem Werk kann man besser die europäischen Avantgardeströmungen nachvollziehen, was ein erheblicher Beitrag zur Forschung der europäischen Literatur darstellt.

Die polnisch-slowakische vergleichende Literaturwissenschaft ist eine wissenschaftliche Disziplin, die von einzelnen Persönlichkeiten und deren Werk gebildet wird. In diesem Beitrag wurden die wichtigsten Forscher und ihr wissenschaftliches Werk im Kontext des damaligen Zustands der Komparatistik dargestellt. Wegen dem Raummangel fehlen da Forscher aus Polen wie z. B. J. Magnuszewski, H. Janaszek-Ivaničková oder M. Bobrownicka, deren Werk das Bild der polnisch-slowakischen Komparatistik ergänzen würde.

Bibliography

- Bakoš, Mikuláš (1938), Sborník Matice slovenskej. Ročník XIV, 1936, časť tretia a štvrtá: Literárna historia, číslo 3–4, str. 385 – 544. *Slovenské pohľady*, 54/ 1, 53-60.
- Bánsky, Jozef (1955a), *Adam Mickiewicz a slovenská literatúra*. Bratislava, Slovenská akadémia vied.
- Bánsky, Jozef (1955b), *Slovenské mickiewiczizána. Bibliografia*. Bratislava, Univerzitná knižnica.
- Bobek, Władysław (1931), *Mickiewicz w literaturze słowackiej*. Praha, Učená společnost Šafaříkova.
- Bobek, Władysław (1936), *Slovensko a Slovanstvo*. Bratislava, Nakladateľstvo Slovenskej ligy.
- Bobek, Władysław (1937), *Kapitoly o slovanstve*. Bratislava, Slovák.
- Bobek, Władysław Tadeusz (2001), *Władysław Bobek. Slawista, słowacysta*. Warszawa, Władysław Tadeusz Bobek.
- Đurišin, Dionýz (1965), *Problémy literárnej komparatistiky*. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.
- Đurišin, Dionýz (1970), *Z dejín a teórie literárnej komparatistiky*. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.
- Gáfríková, Gizela (2003), Slovenská literárna kultúra očami poľského slavistu Władysława Bobeka. In: *Príspevky k dejinám literárnovednej slovakistiky na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave*. Bratislava, Univerzita Komenského.
- Hvišč, Jozef (1985), *Poetika literárnych žánrov*. Bratislava, Tatran.
- Hvišč, Jozef (1991), *Slovensko-poľské literárne vzťahy (1815-1918)*. Bratislava, Veda.
- Hvišč, Jozef (1996), *Vzťahy a súvislosti slovenskej a poľskej literatúry*. Bratislava, Univerzita Komenského.
- Hvišč, Jozef (2004), *Óda na mladosť. O literárnych súvislostiach poľského a slovenského romantizmu*. Bratislava, Lufema.
- Hvišč, Jozef (2008), Literárne vzťahy v tieni politických zmien. *Kontakty*, Bratislava, Slovensko-poľská komisia humanitných vied, 20-35.
- Laťáková, Anna (1972), Władysław Bobek a slovenská literatúra. In: *Vzťahy slovenskej a poľskej literatúry od klasicizmu po súčasnosť*. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.
- Obertová, Zuzana (2017), Władysław Bobek – polonista, slovakista, slavista. In: *95 rokov Filozofickej fakulty UK: pohľad do dejín inštitúcie a jej akademickej obce*. Bratislava, Univerzita Komenského.
- Vojtech, Miloslav (2013), *Tvorcovia literatúry a literárnej histórie*. Bratislava, Univerzita Komenského v Bratislave.
- Vojtech, Miloslav (2017), Metodologické premeny literárnovednej slovakistiky na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave v medzivojnovom období. In: *95 rokov Filozofickej fakulty UK: pohľad do dejín inštitúcie a jej akademickej obce*. Bratislava, Univerzita Komenského.
- Winczer, Pavol (1974), *Poetika básnických smerov v poľskej a slovenskej poézii 20. storočia*. Bratislava, Veda.
- Winczer, Pavol (1990), Polonistická aktivita Jozefa Bánskeho. *Slavica Slovaca* 25/4.
- Winczer, Pavol (2000), *Súvislosti v čase a priestore. Básnická avantgarda, jej prekonávanie a dedičstvo (Čechy, Slovensko, Poľsko)*. Bratislava, Veda.

Andrzej Olszewski

University of Wrocław, Wrocław, Poland
jendi32@gmail.com

Przyczyny wydarzeń marcowych w Polsce w 1968 roku

The object of my paper is to introduce and explain the causes of March events in 1968. I am introducing these causes in three different points of view: from the independent researcher, from the "communist historian" who introduces March events in his book according to Polish United Workers' Party statement and finally from the participant of these events, who was the young lecturer that time. These three different ways make possible to introduce the causes of March events 1968 in the accurate and cross-sectoral way. In this paper I am showing more aspects of March events than the best-known like students protests and antisemitism. In my research I used literature which I put in the Application Form.

Keywords: March 1968, March events, Polish 1968 political crisis

W niniejszym tekście chciałbym przedstawić przyczyny wydarzeń marcowych w Polsce w 1968 roku. Już sam zwrot "wydarzenia marcowe" jest swego rodzaju eufemizmem, ponieważ to co się wówczas działo niejednokrotnie przybierało dramatyczny charakter (Eisler 1991: 7). W różnych publikacjach na temat Marca 1968 w Polsce możemy spotkać też termin "wypadki marcowe" (Hillebrandt 1986: 4), jednak sugeruje on zjawisko mało istotne, przejściowe i jednoznacznie negatywne oraz niesłusznie umniejsza znaczenie tamtych wydarzeń. Przyczyn wydarzeń marcowych możemy szukać na wielu płaszczyznach, ponieważ były w nie zaangażowane z pozoru antagonistycznie nastawione do siebie grupy społeczne - inteligencja i klasa robotnicza, a nawet elita Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej (PZPR), która toczyła wówczas wewnętrzne spory, o czym w dalszej części referatu. Nie bez znaczenia była tutaj polityka Związku Radzieckiego wobec Polski oraz sytuacja na świecie, zarówno w Bloku Wschodnim jak i na Zachodzie. Dodając do tego oczekiwania Polaków względem wzrostu stopy życiowej oraz podsycany przez polityków i tak zwany "aktyw robotniczy" antysemityzm otrzymujemy szereg zjawisk, które złożyły się na jeden z najmniej znanych tak zwanych "polskich miesięcy", czyli marzec 1968 roku. Wspomniany już antysemityzm i związana z nim kampania antyżydowska w mediach oraz emigracja Polaków żydowskiego pochodzenia w liczbie szacowanej na 13-20 tys. osób (Eisler 1991: 427-428) to najbardziej znane aspekty wydarzeń marcowych. Znacznie mniej znany jest udział robotników w marcowych demonstracjach, które powszechnie nazywane są studenckimi, ponieważ rzeczywiście ich organizatorami byli studenci. Robotnicy również wyrażali poparcie dla protestujących studentów w rezolucjach, których treść przytacza w swojej pracy "Marzec 1968" Jerzy Eisler (Eisler 1991: 276-280). Propaganda tamtych czasów starała się powiązać robotników ze stanowiskiem partii, zaś kampania antyżydowska była przedstawiana jako kampania antysyjonistyczna, która była rzekomo skierowana wyłącznie do osób popierających ówczesną politykę Izraela względem państw arabskich. Myślę, że właśnie za sprawą ówczesnej polityki i propagandy do dziś pewne elementy Marca 1968 są znacznie lepiej znane i bardziej "popularne" od innych, wcale niemniej istotnych. Mam nadzieję, że ta krótka analiza przyczyn wydarzeń marcowych 1968 roku w Polsce w pewnym stopniu przyczyni się do lepszego zrozumienia tego zjawiska i popularyzacji tego w dalszym ciągu jednego z najmniej zbadanych kryzysów społeczno-politycznych doby PRL-u.

Przyczyn wydarzeń z marca 1968 roku możemy szukać już w roku 1956, kiedy to miały miejsce co najmniej dwa znamienne w skutkach wydarzenia, mianowicie krwawo stłumione strajki w czerwcu w Poznaniu oraz październikowy wiec z przemówieniem nowo wybranego pierwszego sekretarza KC PZPR Władysława Gomułki, który zwiastował destalinizację a nawet pewną liberalizację systemu komunistycznego w Polsce. Zważając na uwarunkowania polityczne tamtych czasów ten swego rodzaju zwrot w polskiej polityce miał swoje źródło w ZSRR, a dokładniej na XX zjeździe Komunistycznej Partii Związku Radzieckiego (KPZR), gdzie Nikita Chruszczow wygłosił referat "O kulcie jednostki i jego następstwach", który poddawał krytyce politykę Stalina. Gomułka podczas październikowego wiecu mówiąc o "socjalizmie", "suwerenności", "demokracji" czy nawet "niepodległości" nie miał na myśli tego co większość Polaków, tak więc bardzo szybko zaczął się proces zwany "odchodzeniem od zdobyczy Października" (Eisler 1991: 26). Oznaczało to ponowne zaostrenie linii politycznej

PZPR, jednak bez powrotu do wielu praktyk stalinowskich, oraz konsolidację władzy w rękach Gomułki. Zwolenników przemian październikowych i ich kontynuacji zaczęto nazywać "rewizjonistami", żeby wywołać jednoznacznie negatywne skojarzenia z rewizjonizmem niemieckim i weryfikacją granicy na Odrze i Nysie Łużyckiej (Eisler 1991: 34). Przywołuję ten termin, ponieważ obok "syjonizmu" to właśnie "rewizjonizm" będzie najpopularniejszym zarzutem wobec przeciwników władzy w okresie Marca 1968. Historyk z Instytutu Ruchu Robotniczego Wyższej Szkoły Nauk Społecznych przy KC PZPR Bogdan Hillebrandt w swojej książce "Marzec 1968" też upatruje źródeł marca w wydarzeniach 1956 roku, jednak zwraca on uwagę na sytuację ideologiczną na wyższych uczelniach, która została zachwiana przez usunięcie zajęć z podstaw marksizmu-leninizmu oraz neutralność ideologiczną pracowników naukowych i unikanie przez nich polemiki z burżuazyjną i rewizjonistyczną interpretacją zjawisk społecznych (Hillebrandt 1986: 10-13). Z kolei Jakub Karpiński w "Krótkim spięciu (marzec 1968)" również wskazuje na rok 1956, ale podkreśla także wydarzenia z roku 1957, kiedy to miały miejsce protesty w Warszawie w związku z zamknięciem tygodnika "Po prostu", pisma silnie związanego z przełomem październikowym. Karpiński nawet stwierdza, że były one podobne do tych z Marca 1968 (Karpiński 1988: 12-13). Jednak to rok 1956 był przełomem, z którym polskie społeczeństwo wiązało spore nadzieje i jednym z efektów niezaspokojenia tych nadziei był Marzec 1968 roku.

W PZPR na przestrzeni lat kształtowały się rozmaite grupy i frakcje, chociaż działalność frakcyjna w partiach komunistycznych była surowo zabroniona, gdyż zagrażała ona jedności poglądów i tak bardzo pożądanej przez komunistów jedności. W latach 60. ubiegłego stulecia ukształtowała się grupa tak zwanych "partyzantów" pod przewodnictwem Mieczysława Moczara, ministra spraw wewnętrznych w latach 1964-1968 i jednej z najważniejszych postaci życia politycznego w Polsce lat 60. Moczar zgromadził wokół siebie kombatanów z Armii Ludowej (AL), a także z Armii Krajowej (AK) skupionych w Związku Bojowników o Wolność i Demokrację (ZBoWiD) - stąd nazwa "partyzanci", jak również i młodych działaczy partyjnych o nacjonalistycznej orientacji, czasem nazywanych "patriotami". Według historyka Jerzego Holzera partyzanci krzewili "swoisty etos kombatancki niewolny od nacjonalizmu, skierowany przeciw Niemcom, Ukraińcom, Żydom i w bardziej zakamuflowany sposób nawet Rosjanom" (Eisler 1991: 47-48). MSW pod przywództwem Moczara zaczęło kompletować listę osób pochodzenia żydowskiego opierając się na kryteriach Ustaw Norymberskich! Prowadzono inwigilację wpływowych osób pochodzenia żydowskiego, zresztą bez zgody Biura Politycznego, co może świadczyć o umacnianiu pozycji w kręgach władzy przez Moczara. Analogiczną "dejudeizację" resortu prowadzono w korpusie oficerskim, mocno inspirowaną przez ZSRR, gdyż ZSRR w tym czasie podjął ideologiczną w krajach arabskich (Eisler 1991: 48-49). Antysemityczne nastroje ujawniły się jeszcze później w następstwie transmitowanego na żywo przez radio i telewizję przemówienia Gomułki z czerwca 1967 roku, gdzie pojawiło się określenie "piąta kolumna" odnoszące się do ludności żydowskiej w Polsce (Eisler 1991: 135). Tuż przed wydarzeniami marcowymi, w lutym 1968 roku rozpoczęła się na Uniwersytecie Warszawskim akcja Służby Bezpieczeństwa (SB), której jednym z przejawów było kolportowanie antysemitycznych ulotek i rozsyłanie antysemitycznych wierszyków (Eisler 1991: 159-161). Odbywało się to w kontrze do działań studentów, którzy prowadzili kampanię w sprawie przywrócenia inscenizacji "Dziadów" w reżyserii Kazimierza Dejmki, zdjętych z afisza w styczniu 1968 roku za rzekomą antyradziecką wymowę. Jak widać antysemityzm, który przybrał niebezpieczne rozmiary w Marcu 1968 roku miał swoje źródło zarówno w ukształtowaniu się grupy wewnątrz partyjnej o nacjonalistycznym charakterze, a także w polityce ZSRR i całego Bloku Wschodniego na Bliskim Wschodzie, jak i w akcji sabotowania działalności studentów, wśród których znajdowali się Polacy żydowskiego pochodzenia.

Bibliography

- Eisler, Jerzy (1991), *Marzec 1968: geneza, przebieg, konsekwencje*. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Hillebrandt, Bogdan (1986), *Marzec 1968*. Warszawa, Wydawnictwo Spółdzielcze.
- Karpiński, Jakub (1988), *Krótkie spięcie: (marzec 1968)*. Warszawa, Myśl.

Michał Podsędek

University of Wrocław, Institute of History, Wrocław, Polska
michalpodsedek@gmail.com

Badania historyczne w kategoriach koncepcji czynności i wytworów Kazimierza Twardowskiego

The article deals with the possibility and consequences of describing historical research in terms of the Kazimierz Twardowski's conception of actions and products. The author states that actions and products, as people's behaviors and its results, are an important part of past reality. A historical source is a psychophysical product. A historian, via actions, creates products, among which most important is a historical narration. Presumably, historical sources and historical narrations express past reality. Applying the Kazimierz Twardowski's conception to historical research raises questions and reflection, which also have been mentioned by the author.

Keywords: Kazimierz Twardowski, actions and products, philosophy of history, psychohistory

Wprowadzenie

Kazimierz Twardowski był polskim filozofem przełomu XIX i XX wieku, związanym z uniwersytetami w Wiedniu i we Lwowie, stworzył szkołę naukową filozofii i psychologii. Koncepcję czynności i wytworów przedstawił w referacie *O czynnościach i wytworach. Kilka uwag z pogranicza psychologii, gramatyki i logiki* (Twardowski 1912/1965: 217-240). W koncepcji tej widzi się niekiedy podstawę wszystkich nauk humanistycznych lub punkt wyjścia do dyskusji o nich (Twardowski 1912/1965; Kleszcz 2013; Słomski 2008; Rzepa 1997). Jeśli tak, to powinno być możliwe opisanie istotnych elementów każdej nauki humanistycznej w kategoriach omawianej koncepcji Twardowskiego. Niniejszy tekst sprawdza tę możliwość w odniesieniu do historii.

Ponieważ podobne rozważania nie były dotychczas podejmowane, artykuł ma charakter wprowadzający. Przedstawione zostaną jedynie najważniejsze kategorie koncepcji czynności i wytworów, zaś dyskusje dotyczące analizowanej koncepcji pominięte. Chcąc zgłębić prace Kazimierza Twardowskiego można sięgnąć między innymi do opracowania autorstwa Wojciecha Rechlewicza (2015). Część opisująca badania historyczne opiera się na wnioskowaniu dedukcyjnym z twierdzeń sformułowanych przez Twardowskiego. Udało się scharakteryzować kwestie najbardziej ogólne i podstawowe. Problemy szczegółowe wymagają dalszych badań i dyskusji, co zostało każdorazowo zasygnalizowane. Scharakteryzowanie badań historycznych w kategoriach koncepcji czynności i wytworów podsumowują wnioski płynące z takiego sposobu myślenia o historii.

Czynności i wytwory

Czynności są procesami zmieniania, przeobrażania określonych stanów, które nadają dynamiki życiu człowieka. Do zajścia czynności potrzebne są między innymi dyspozycje, czyli pewne istniejące wcześniej stany rzeczy. Na skutek czynności powstają wytwory. Przykładowo wytworem myślenia jest myśl, skakania skok, rzeźbienia rzeźba, mówienia wypowiedziane słowa, a pisanie słowa napisane.

Czynności oraz odpowiadające im wytwory dzielą się na psychiczne, fizyczne i psychofizyczne. Dla nauk humanistycznych interesujące są głównie czynności i wytwory psychiczne i psychofizyczne, gdyż wiążą się ze świadomą działalnością człowieka. Czynność psychiczna zachodzi wewnątrz podmiotu, w umyśle człowieka. Tam wytwarza wytwory psychiczne. Czynność psychofizyczna zachodzi poza umysłem, jednak pod wpływem czynności psychicznej, tak, że wytwór psychofizyczny powstaje na zewnątrz podmiotu. Czynności i wytworów psychicznych nie da się zatem bezpośrednio obserwować, nie podpadają one pod zmysły, natomiast czynności i wytwory psychofizyczne podpadają pod zmysły i możemy je obserwować.

Wyrażanie

Między czynnościami i wytworami psychicznymi a czynnościami i wytworami psychofizycznymi zachodzi relacja wyrażania. Wytwory psychiczne wyrażają się na zewnątrz, poprzez czynności psychofizyczne w wytworach psychofizycznych. Przykładowo, nasze myśli (wytwór psychiczny) wyrażają się w słowach (wytwór psychofizyczny), które wypowiadamy (czynność psychofizyczna).

Istnieje różnica między wyrażaniem się wytworu psychicznego w wytworze psychofizycznym a wyrażaniem wytworu psychicznego przez wytwór psychofizyczny. Twardowski (1911/1965: 231) przywołuje przykład rysunku, „w którym się wyraża myśl rysownika, [rysunek ten] tylko wtedy myśl tę naprawdę wyraża, jeżeli w oglądającym rysunek osobniku powstaje myśl odpowiadająca tej, którą miał rysownik kreśląc swój rysunek”. A zatem, o tym, że wytwór psychofizyczny wyraża wytwór psychiczny możemy mówić tylko pod warunkiem, że ten wytwór psychofizyczny „może się stać częściową przyczyną powstania takiego samego lub podobnego wytworu psychicznego, który w nim się wyraża” (*Ibid.*).

O wyrażaniu wytworu psychicznego przez wytwór psychofizyczny decyduje zatem kryterium podobieństwa wytworów psychicznych. Ponieważ wytwory psychiczne powstałe u różnych ludzi (jak i u tego samego człowieka po pewnym czasie) mogą być podobne do pierwotnego wytworu pod różnymi aspektami, konieczne jest abstrahowanie od tych różnic i skupienie się na cechach wspólnych. Cechy te uznawane są za znaczenie wytworu psychofizycznego. Jak się zatem wydaje, im bardziej poszczególne wytwory psychiczne są podobne, tym bardziej będący częściową przyczyną ich powstania wytwór psychofizyczny jest zrozumiały.

Elementy procesu badawczego

Znając podstawowe kategorie koncepcji czynności i wytworów można odnieść je do istotnych elementów badań historycznych, wśród których wyróżniam przeszłą rzeczywistość (w zakresie w jakim dotyczy działalności człowieka), źródło historyczne, historyka, narrację historyczną i jej odbiorców.

Przeszłą rzeczywistość

Omawiana koncepcja Twardowskiego pozwala tylko po części określić przeszłą rzeczywistość. Kategorie czynności i wytworów oraz relacja wyrażania dają się łatwo zastosować w wypadku analizy jednostkowych zachowań. Zachowania te jednak nie są jedynym elementem przeszłej rzeczywistości. Zawsze zachodzą w pewnych kontekstach: instytucjonalnym, społecznym, kulturowym. I chociaż konteksty te można by zredukować do poszczególnych wytworów i relacji wyrażania, to jest kwestią dyskusyjną czy byłoby to korzystne poznawczo.

Źródło historyczne

Źródło historyczne jest wytworem psychofizycznym. W wytworze tym wyrażają się wytwory psychiczne jego wytwórcy. Wytwory te powstały w określonej sytuacji, pod wpływem innych obecnych w przeszłej rzeczywistości wytworów i zjawisk. Posługując się kategoriami czynności i wytworów, można powiedzieć, że przeszła rzeczywistość jest dyspozycją, która staje się częściową przyczyną powstania wytworów. Jeśli tak, to wydaje się, że przeszła rzeczywistość zawiera się jakoś w wytworach psychicznych autora źródła. A zatem w wytworze psychofizycznym, jakim jest źródło, poprzez wytwory psychiczne jego autora, wyraża się przeszła rzeczywistość. Rzecz jasna, nie chodzi o całą przeszłą rzeczywistość, ale o pewien jej fragment. Pomijam też problem źródeł masowych, w wypadku których trudno określić, jak znaczący wpływ na ich powstanie miały poszczególne wytwory psychiczne.

Ponieważ źródła historyczne nie powstawały na ogół jako kaprys autora, ale miały pełnić jakieś funkcje społeczne, były elementem systemu komunikacji, to musiały być zrozumiałe. Zrozumiałość zaś jest kryterium wyrażania wytworu psychicznego przez wytwór psychofizyczny. A zatem nie tylko przeszła rzeczywistość wyraża się w źródle historycznym, ale także źródło historyczne wyraża przeszłą rzeczywistość, czyli może stać się częściową przyczyną powstania wytworu psychicznego odpowiadającego przeszłej rzeczywistości.

Historyk

Historyk, badając źródło historyczne, wykonuje pewne czynności psychiczne i psychofizyczne. Na skutek tych czynności powstają w umyśle historyka wytwory psychiczne. Ponieważ częściową przyczyną powstania tych wytworów było źródło historyczne wyrażające pewien fragment przeszłej rzeczywistości, wytwory te odpowiadają owemu fragmentowi w zakresie, w jakim są podobne do wytworów psychicznych autora źródła. Określenie owego zakresu wymaga osobnej dyskusji. Być może, wytwory psychiczne historyka tylko w niewielkim stopniu są podobne do wytworów psychicznych autora źródła, gdyż autor wytwarzał źródło w określonym celu, historyk zaś bada je z wielu punktów widzenia, w zależności od problemów badawczych. Mogłoby się okazać, że podobne są jedynie wytwory powstałe na skutek odczytania źródła wprost, i że to jedynie te proste fakty źródłowe (źródłowe informacje bazowe w terminologii Topolskiego (1996)), odpowiadają przeszłej rzeczywistości, są jej znaczeniem.

Trudno opisać w sposób rozstrzygający kolejny etap pracy historyka, gdyż w całości zachodzi wewnątrz podmiotu, a zatem nie daje się obserwować. Przypuszczalnie, wytwory psychiczne wywołane badaniem źródła w połączeniu z wytworami psychicznymi wywołanymi wcześniejszą wiedzą historykatworzą w jego umyśle nowy wytwór psychiczny, którym jest obraz przeszłej rzeczywistości. Rzecz jasna, dzieje się to na skutek czynności psychicznej, którą jednak trudno zdefiniować bez dalszych badań. Być może, w jaśniejszym określeniu, czym jest, i jak powstaje obraz przeszłej rzeczywistości pomogłoby włączenie do analizy innej koncepcji Kazimierza Twardowskiego dotyczącej treści i przedmiotu przedstawień (1894/1965: 3-91).

Narracja historyczna i jej odbiorcy

Historyk, chcąc przekazać obraz przeszłej rzeczywistości, który wytworzył w swoim umyśle, musi go wyrazić na zewnątrz. Czyni to przez narrację historyczną, która jest wytworem psychofizycznym. Narracja historyczna wyraża obraz przeszłej rzeczywistości, który wytworzył historyk, w takim zakresie, w jakim jest w stanie stać się częściową przyczyną powstania podobnych obrazów w umysłach odbiorców narracji. Znaczeniem narracji historycznej nie jest zatem dokładnie taki sam obraz, jaki wytworzył historyk, ale te jego cechy, które podziela z wytworami jej odbiorców wywołanymi między innymi przez narrację. Ponieważ w obrazie przeszłości wytworzonym przez historyka częściowo zawiera się przeszła rzeczywistość, narracja historyczna w zakresie swojego znaczenia również wyraża przeszłą rzeczywistość.

Wnioski

Myślenie o badaniach historycznych w kategoriach czynności i wytworów uwidacznia pewne podstawowe dla praktyki badawczej kwestie.

Po pierwsze, w świetle logiki koncepcji czynności i wytworów badania historyczne są procesem odtwarzania i wyrażania wytworów, w których zawiera się przeszła rzeczywistość. Dotyczą zatem właśnie rzeczywistości – narracja historyczna nie jest jedynie fikcją literacką, ale wyrazem obrazu przeszłej rzeczywistości, który wytworzył historyk. Obraz ten zaś jakąś część przeszłej rzeczywistości zawiera. Chociaż trudno określić jaka to część, i chociaż obraz przeszłej rzeczywistości może być zniekształcony przez poszczególne etapy procesu badawczego, topozostaje on zakotwiczony w wyrazie przeszłej rzeczywistości, jakim jest źródło historyczne.

Po drugie, źródło historyczne jest zazwyczaj wytworem psychofizycznym, a więc wytworem świadomie i celowo działającego człowieka. W wytworze tym wyrażają się jego wytwory psychiczne: intencje, pragnienia, myśli, emocje. Zatem analizując źródło, nie można nie brać pod uwagę stanów umysłu jego wytwórcy. Teza o śmierci autora i postulat badania samych tekstów (Barthes 1967/1999), wydają się, w tym kontekście, przesadzone.

Po trzecie, proces badawczy podlega intersubiektywnej kontroli tylko na niektórych jego etapach. Część elementów procesu, mianowicie przeszła rzeczywistość oraz czynności i wytwory psychiczne historyka, nie dają się bezpośrednio obserwować, nie podpadają pod zmysły. Dlatego intersubiektywna kontrola procesu badawczego możliwa jest tylko przez wytwory psychofizyczne, w których wyrażają się elementy nieobserwowalne, czyli przez źródła i narrację historyczną. Tylko te elementy możemy badać empirycznie i intersubiektywnie oceniać, pozostałe możemy jedynie rozważać teoretycznie. Jednak nawet te rozważania teoretyczne mogą zaistnieć naukowo, tylko o tyle, o ile zostaną zakomunikowane, czyli wyrażone.

Podsumowanie

Kategorie koncepcji czynności i wytworów Kazimierza Twardowskiego pozwalają opisać istotne elementy badań historycznych. Czynności i wytwory, jako działania ludzi i ich skutki, są istotnym elementem przeszłej rzeczywistości. Źródło historyczne jest wytworem psychofizycznym. Historyk wykonuje czynności i wytwarza wytwory, spośród których najważniejszym jest narracja historyczna, będąca wytworem psychofizycznym. Wydaje się również, że za pośrednictwem wytworów psychicznych autora źródła i historyka, między źródłem historycznym i narracją historyczną a przeszłą rzeczywistością zachodzi relacja wyrażania.

Rozważania, będące połączeniem refleksji filozoficznej, psychologicznej i historycznej, nie prowadzą nas, mimo woli, do wniosków nowych, czy odkrywczych. Potwierdzają raczej uznane już podstawowe znaczenie źródeł, historyka i narracji w procesie badania przeszłości. Niemniej porządkują one myślenie o poszczególnych elementach procesu badawczego, skłaniają do refleksji i wywołują wątpliwości. W kontekście koncepcji czynności i wytworów oraz badań historycznych – analizowanych zarówno osobno, jak i razem – wciąż pozostają kwestie problematyczne i dyskusyjne, które mogą stać się przedmiotem kolejnych rozważań.

Bibliography

- Barthes, Roland (1967/1999), Śmierć autora. tr. Markowski Michał Paweł, *Teksty Drugie*. 1/2, 247-252.
- Kleszcz, Ryszard (2013), *Metoda i wartości. Metafilozofia Kazimierza Twardowskiego*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe Semper.
- Rzepa, Teresa ed. (1997), *Psychologia w szkole lwowsko-warszawskiej*. Warszawa, PWN.
- Rechlewicz, Wojciech (2015), *Nauka wobec metafizyki. Poglądy filozoficzne Kazimierza Twardowskiego*. Kielce, Wojciech Rechlewicz.
- Słomski, Wojciech (2008), Kazimierz Twardowski – człowiek i filozof. In: *Twórca Szkoły Lwowsko-Warszawskiej. W 70. rocznicę śmierci Kazimierza Twardowskiego*. Warszawa, Katedra Filozofii Wyższej Szkoły Finansów i Zarządzania w Warszawie.
- Topolski, Jerzy (1996), *Jak się pisze i rozumie historię: tajemnice narracji historycznej*. Warszawa, Oficyna Wydawnicza „Rytm”.
- Twardowski, Kazimierz (1894/1965), O treści i przedmiocie przedstawień. In: *Wybrane pisma filozoficzne*. Warszawa, PWN.
- Twardowski, Kazimierz (1912/1965), O czynnościach i wytworach. Kilka uwag z pogranicza psychologii, gramatyki i logiki. In: *Wybrane pisma filozoficzne*. Warszawa, PWN.

Ágnes Szébenyi

Eötvös Loránd University, Institute of Slavic and Baltic Philology, Budapest, Hungary
agnes.szebenyi@invitel.hu

František Kupka jako symbolistická osobnost

I have met the name of František Kupka (1871-1957) first in a book about symbolism. Looking back on this fact, it seems to be very interesting because Kupka is regarded by the art theoretics as the founder and the main representative of Czech abstract art. His figurative works with deep meanings were dominant till about 1906. In my presentation I study his works (paintings and graphics) having typical artistic characters of symbolism. Paralell with this I'd like to demonstrate, that in comparison with the West European contemporaries unworthily little attention is paid to this great czech painter František Kupka who is no less valuable.

Keywords: František Kupka, symbolism, Czech art, occult sciences

Symbolismus

Ve druhé polovině 19. století se v Evropě objevovaly nové umělecké styly, které hledaly duchovní podstatu člověka a zdůrazňovaly jeho vlastní vnitřní prožitky. Tzv. symbolismus vznikl ve Francii jako reakce na naturalismus a impresionismus. Důležitým rokem je rok 1886, kdy Jean Moréas poprvé použil termín symbolismus pro označení uměleckého hnutí, cílem kterého bude vyjádření vyššího, duševního světa.

Kulturní život v té době vytvářel těsný duševní a osobní kontakt mezi malíři, básníky, hudebníky i teoretiky. Paříž se svými kavárnami, salony a časopisy byla hlavním centrem umělců, spisovatelů a radikálních intelektuálních reformátorů, kterých cílem bylo rozšíření ducha té doby.

František Kupka jako symbolistická osobnost

Kupkovo dílo je složité a nelze k němu přistupovat jen podle vžitých schémat vývoje moderního umění. Komplikované je zejména svou vnitřní strukturou, protože bylo realistické i abstraktní zároveň, racionální stejně jako intuitivní.

Umělecký vývoj Františka Kupky má všechny znaky proměnlivého období počátku 20. století a celé jeho dílo dokládá, že umělec prošel výhni této neklidné a myšlenkově rozkolísané doby se zvýšenou intenzitou a citlivostí. Necítil se být programově svázan ani ztotožňován s žádným filozofickým hnutím ani avantgardní skupinou. Naopak byl solitérem, který hledal svá vlastní východiska a který po celý svůj dlouhý život se intenzivně zajímal o spiritismus, magii, astrologii, východní náboženství a filozofii, studia přírodních věd (antropologie, astronomie, biologie, fyzika, geometrie apod.) a umění (hudba, umění starověkých civilizací, umění evropského středověku apod.). Později také zjistíme, že názor umělecké kritiky se v mnohém nebude shodovat s názorem umělcovým.

Důležitá místa / lokality

Často se říká, že životopisná data a události ze života umělců netvoří často správný přístup k analýze jejich tvorby. Ale v případě Františka Kupky si dovoluji tvrdit, že místa, osobnosti i činnosti jeho života důležité jsou, protože jsou v silném vztahu s jeho uměleckým vývojem. Jeho silná touha po poznání, zkušenosti s „fungováním“ coby medium i zvláštní zvyky směřující k touze utéct ze všednodenního a neúspěšného života, stejně tak jako touha existovat v jakémsi jiném nadpozemském světě, objevuje se také v jeho obrazech.

Ač se František Kupka narodil v Českém království uvnitř Rakousko-uherské monarchie, největší část svého života strávil ve Francii. Na jeho formování měla vliv řada osobností a různých uměleckých směrů, proto bych se zde chtěla těch zvláště významných.

Dobruška (1872 – 1889)

František Kupka se narodil v Opočně ve východních Čechách, ale jen pár měsíců poté se stěhuje s rodiči do Dobrušky. Ve vzpomínkách se popisuje jako samotářské dítě, jehož po matčině smrti deptala macecha tím, že mu zakazovala kreslit, proto se ke své zálibě uchýlil na půdě, kam na něj nemohla. Přitahovala ho nejrůznější mystéria, hřbitovy, márnice, náhrobky ...tedy místa spojené se smrtí. Františka Kupku smrt bytostně zajímala, zejména však to, co následuje po ní.

V Dobrušce vytvořil své první obrazy, které jsou hmatatelným důkazem jeho talentu, který se právě tady začal rozvíjet. Kupka nastupuje do učení k sedlářskému mistrovi Josefu Šiškovi a jeho prostřednictvím objevuje spiritismus.

Praha (1889 – 1891)

V roce 1889 se stěhoval do Prahy, kde studoval na Akademii umění. Kupkova kreslířská rutina se ta zdárně rozvíjí. První rektor Akademie, Profesor Sequens si vážil Kupky jako svého nejlepšího žáka, a tak mu každý rok připadly školní ceny. Škola ale ho nudila.

Vídeň (od 1891)

Po realistických začátcích, k nimž byl veden během studií v Praze a z nichž si osvojil svoji kreslířskou zručnost, se ve Vídni před ním objevil nový svět představ, kde na něho silně zapůsobil především dekorativní směr Gustava Klimta. Jedenadvacetiletý Kupka se tady seznámil s teozofií. Kosmopolitní velkoměsto přelomu století nabízelo zájemcům o okultní síly velmi mnoho. Od svého přítele, umělce Karla Diefenbacha, získal patřičné instrukce týkající se vegetariánské stravy a jejího vlivu na rozvoj výjimečných schopností. Diefenbach ho zasvětil také do meditačních technik.

Paříž (1895 – 1957)

V roce 1895 Kupka se vypravil jako stipendista do Paříže, kde předtím často navštěvoval Alfonse Muchu. Za svého pobytu v Paříži se naučil částečně hebrejsky, řecky a latinsky. Využíval možnosti jezdit na mystická místa a navštěvoval také jeskyně na jihu Francie, aby shlédnul nejstarší známé evropské kresby. Jezdil také do Berlína.

Puteaux (1906 – 1957)

Koncem prvního pětiletí dvacátého století začínala v Kupkově životě nová epocha. V pozadí byla žena, Eugenie Straubová, tehdy ještě žena francouzského důstojníka. Do Kupkova života vnesla konečně pořádek a klid. V roce 1906 se odstěhovali do malého domku v Putaux, tehdy předměstí Paříže. Zde Kupka již strávil celý život.

Motivy objevující se v jeho tvorbě

Prvek vody (jezero a moře)

Velmi často u něho setkáváme se prvkem vody, hlavně jako jezery a moři. Viz tvorba *Balada – Radosti života* a *Duše lotosu*.

Ženská krása a erotika

Ostatně nahá dívka procházející se davem v Kupkově pařížském raném období. Nahota obklopená lidmi je u Kupky vůbec častá. Viz *Balada – Radosti života*.

Hvězdné nebe a planety

Motiv nebe a vody odráží hlobku, tajemství a nekonečna. Viz *Cesta ticha*.

Lekniny

Lotos jako květina představuje jeden z nejdůležitějších symbolů buddhismu. Podle legendy, na každém místě, kam Buddha vstoupil, vykvetly lotosy. Sláva lotosu, květu neustále se obracejícího ke slunci žije i nadále a právě vzhledem ke své více než tisícileté tradici se stal lotos symbolem dlouhověkosti, znovuzrození a také duchovní čistoty. A toto vše se nejjasněji objevuje v Kupkově obraze *Počátek života*.

Kupka, František: Počátek života
Barevný lept s akvatintou, 1894

Skály, kamenné masivy, především sfingy

Řada grafik a přípravných studií s tematikou egyptského a antického umění předcházela Kupkovým obrazům s historickými archeologickými vizemi. Egyptské sfingy se objevují na mnoha kresbách i grafikách a mezi nejkrásnější a nejpůsobivější patří olejomalba *Cesta ticha*.

Ze zvířat především kůň či opice

Zajímavé je, že dalším oblíbeným Kupkovým zvířetem byly opice, přesněji šimpanzové, ideální zvířata lidské alegorie. Motiv koně viz tvorba *Balada – Radosti života*.

Ilustrace a grafické dílo

Jak dokládá obraz *Počátek života*, vynikající je i Kupkovo dílo kreslířské a grafické, jež mu prorazilo cestu k popularitě. Bohužel zde nemám možnost o této tvorbě hovořit dopodrobna, ale dovoluji mi říct alespoň několik slov o jeho grafických cyklech.

Ve druhé polovině devatenáctého století vztah mezi umělci a spisovateli byl velmi silný. Literární hnutí z konce století přivedlo Kupku ke studiu schopenhauerovské filozofie a s ní i k tvorbě rozměrných pláten plných pesimistických myšlenek. Paříž pozměnila jeho myšlenkovou orientaci, počáteční pesimismus se změnil v satiru společnosti. Tehdy vznikly jeho proslulé satirické cykly *Mír*, *Náboženství* a *Peníze*, které ilustrují jeho myšlenky z doby, kdy se v Paříži po existenčních problémech mohl konečně začít věnovat svobodné umělecké práci.

Dalším Kupkovým dílem byly ilustrace k Šalamounově *Písni písní*. Jím vstupuje do Kupkovy tvorby nový prvek: dřívější hořkost, vyjadřovaná zprvu symbolickými vidinami a později satirickou karikaturou, se změnila ve smyslounou životní radost. Jí je plná vášnivá píseň Šalamounova i další antické hry, např. Aristofanovy *Lysistraty*, Aischylův *Prométheus*. Kupka stojí osvobozujícím přístupem k dílu *Písni písní*, kdy se oprošťoval od všech teologických a alegorických přístupů, jeho kresby jsou hodně erotické a provokativní.

Paradoxem je, že jeho kreslířská tvorba zůstala v české veřejnosti téměř neznámá. V letech, kdy slavil úspěchy karikaturisty, rozvíjel Kupka témata v něm hluboce zakořeněná již od časů vídeňského pobytu a zde se začal naplňovat symbolistický Kupka.

Duše lotusu (lotosového květu) (1894)

Tento akvarel námětově nosí na sobě zájem o exotické látky a indickou filozofii, rozvířeného symbolismem. Základní formou obrazu je obvyklý triptych, má ale diptychální charakter. Je to umožněno tím, že střední pole, představující výhled na vodní hladinu pokrytou lekníny a ztrácející se v mlhách, je dějově prázdné. Tento „prázdný“ interval vyjadřuje vnitřní touhu hrdiny vytvářející citový most mezi ním a jeho ideálem v melancholickém rozpoložení. Program triptychu odpovídá starému členění člověka na tělo, duši a ducha.

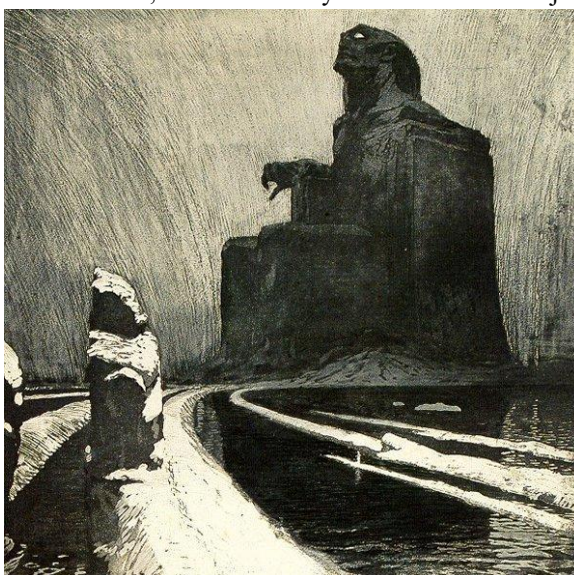

Kupka, František: Duše lotusu (lotosového květu)
Kolorovaná kresba, kroš, 1894

Počátkem století pracoval Kupka na cyklu *Cesta ticha*, tvořeném řadou kreseb, obrazů i grafik, z nichž nejznámější jsou *Vzdor – Černý idol*, *Cesta ticha* a *Počátek života*.

Vzdor – Černý idol (1903)

List *Vzdor* byl inspirován básní Edgara Allana Poea *Dream-Land* o poutníku putujícím obskurní a osamocenou krajinou, kde Eidolon, zvaný Noc, sedí vzpřímen na černém trůnu. Je to divoká krajina osamocených a mrtvých vod, v níž bloudí drobná lidská postava, poutník. Nad ním se tyčí ta kolosální figura vládce s hlavou sfíngy. V kresbě sedící vládce země vzdorovitě hledí vzhůru k nebesům a ruce má zkrouceny v gestu křečovitěho odhodlání. Eidolon, v řečtině obraz, idol, zjevení či fantom, má v teosofii význam astrálního dvojníka lidské bytosti.

Kupka, František: Vzdor – Černý idol
Barevný lept s akvatintou, 1903.

Cesta ticha (1900)

Sfingy stojící v řadách, známé z obrazu *Cesta ticha*. Skrývají teozofický názor, že člověk, stejně jako kamenná sfinga, patří do nižšího hmotného světa, ale pokud otevře oči a upře svůj zrak k vyšším duchovním rovinám, může odhalovat záhady vesmíru.

Kupka, František: *Cesta ticha*
Barevný lept s akvatintou, 1900.

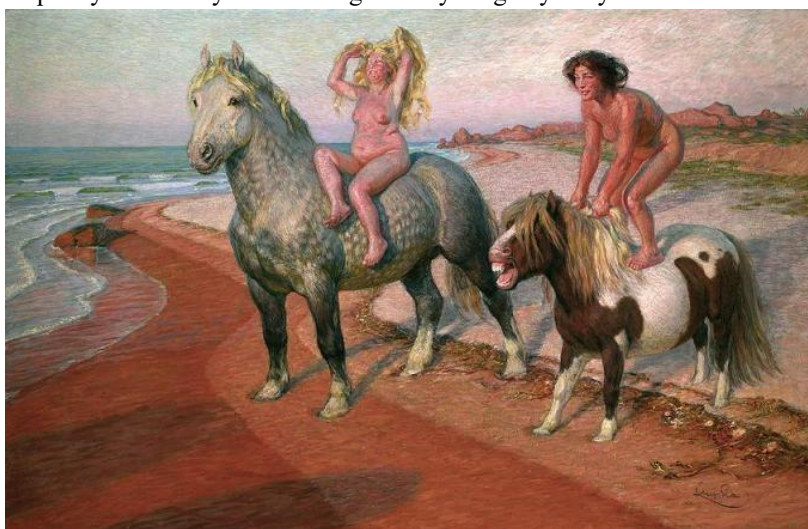
Balada – Radosti života (1901-1902)

Obraz byl vystavený na *Salónu nezávislých* v roce 1902. Zobrazuje nahé a nestoudné prostitutky sedící na koních na břehu moře. Kraj a postavy jsou v nezvyklém barevném světle.

Obraz představuje zároveň symbolistický a naturalistický pohled na předmět. Krajinné prostředí obrazu bylo sice záznamem mořského pobřeží u Trégastelu, kde Kupka trávil prázdniny, ale zároveň bylo posunuto do mytologické roviny jako setkání země a moře. Nahé ženy, robustnější Dánka se zrzavými vlasy a atletická tmavovlasá Gabriela, byly aktérkami Kupkova osobního života. Jejich koně však představují pradávno, pravěké rasy. Pro kompozici obrazu byly podstatné čáry odlivu, kde různě vlhká pásma písku a pěna vody tvořily charakteristické secesní křivky ubíhající do dále.

Hlavním tématem malby jsou metafyzické radosti. Těmi je sluneční světlo, poznamenávající svým vlivem všechny předměty a pochopené jako nositel základní kosmické energie.

Původní titul díla byl *Epona – Ballade*, podle keltsko-římské bohyně, ochránčyně koní, a v tomto směru byl také projevem Kupkových rozsáhlých archeologicko-mytologických výzkumů.

Kupka, František: *Balada – Radosti života*
Olej, dřevo, 1901-1902

Od symbolizmu k abstrakci

Symbolické obrazy, které Kupka vytvořil, se postupem času staly v abstrakci mezinárodně uznávanými. Od roku 1906 směřoval na neforemnému malířství, čímž doufal překonat napodování přírody. Pro něho byly přírodní vědy vždy v souvislosti s hudbou, která byla rovněž důležitým zdrojem inspirace pro nové, moderní umění, v němž Kupka experimentoval s barevným spektrem fauvistickým, silným zjednodušením a barevným kontrastem. Dostáváme se tak k poslední kapitole jeho umělecké tvorby, k abstrakci, o které zde však již hovořit nebudu.

Moje poslední myšlenky se týkají jeho osudu a neúspěchu. Osud mu dal pocítit hořkost zneuznání vlastního díla, ba téměř jeho naprosté zapomenutí. Teprve po smrti jeho odkaz postupně nabýval všeobecně uznávaného významu. O co paradoxnější tedy je, že obraz Františka Kupky *Série C I.z* roku 1935 se na aukci *Adolf Loos Apartment and Gallery* prodal v roce *dva tisíce šestnáct* v novém rekordu českých aukcí, za šedesát dva milionů korun a vytvořil tak nový český rekord.

Bibliography

- Cassou, Jean (1985), *A szimbolizmus enciklopédiája*. Corvina.
Komlós, Aladár (1977), *A szimbolizmus*. Budapest, Gondolat.
Kresba a grafiky Františka Kupky. Vyd.: Národní galerie (1946).
Lamač, Miroslav (1984), *František Kupka*. Praha, Odeon.
Šimon, Patrik (2012), *Konec (s)novéepochy*. Praha, Eminent.
Vachtová, Ludmila (1968), *František Kupka*. Praha, Odeon.
Vurm, Bohumil (2000), *Tajné dějiny Evropy 3*. Praha, Eminent.

Internetové zdroje

- (1900 – 1903) *Vzdor -Černý idol František Kupka*. Zdroj: <http://www.investinart.biz/obchod/1900-1903-vzdor-cerny-idol-frantisek-kupka/>
Vzdor -Černý idol. Zdroj: http://sbirky.ngprague.cz/dielo/CZE:NG.R_23011
Lotos – symbol znovuzrození a dlouhého života. Vydané: 05. 11. 2013. Zdroj: <http://www.magazinzahrada.cz/rostliny/lotos-symbol-znovuzrozeni-a-dlouheho-zivota.html>
SKŘIVÁNEK, Jan, *Top 10 Kupka – Nejdražší obrazy Františka Kupky na domácím i zahraničním trhu*. Vydané: 26. 11. 2016. Zdroj: <http://www.artplus.cz/cs/aukcni-zpravodajstvi/1/top-10-kupka>

Seznam obrázků

- Kupka, František. *Balada – Radosti života*. Zdroj: <https://www.topzine.cz/kupkova-cesta-k-amorfe-vas-nadchne-vystava-odkryva-vyvoj-abstrakce>
Kupka, František. *Cesta ticha*. Zdroj: <https://www.arsgravis.com/frantisek-kupka-el-viajero-del-astral/>
Kupka, František. *Vzdor – Černý idol*. Zdroj: <https://www.arsgravis.com/frantisek-kupka-el-viajero-del-astral/>
Kupka, František. *Duše lotusu*. Zdroj: <https://www.wikiart.org/en/frantisek-kupka/the-lotus-soul-1898>
Kupka, František. *Počátek života*. Zdroj: <http://www.isabart.org/person/2618/works>

Kristína Estera Szudová

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

Research Institute of the Slovaks in Hungary, Békéscsaba, Hungary

krisztinaszuda@gmail.com

Účast' Slovákov v Maďarsku na Kongrese európskych menšín v Ženeve v roku 1931 v zrkadle dobových novinových článkov

The subject of the lecture is the issue of the European People's Congress in Geneva between 29 and 31 August 1931, which was raised in the question of the legitimacy of representation of the Slovaks living in Hungary. The original representative, Lajos Zsigmond Szeberényi, could not travel because of illness, and because he did not appoint an alternate deputy, the delegation of the Cultural Association of Slovaks from Hungary based in Bratislava also participated at that congress with Ľudovít Hrdlička. The situation was complicated by the fact that the members of the Uhorsko-krajinský vzdelávací spolok of Budapest were also represented. In the lecture, I present the conditions of setting up a delegation, and I compare Czechoslovakian articles with articles from Prágai Magyar Hírlap published in the press, with a special mention to those parts where is recorded controversy between Ľudovít Hrdlička and Géza Szüllő.

Keywords: Inter-war period, Slovaks from South Great Plain, Congress of European Minorities, Nationalities Rights, Use of Mother tongue.

V mojom príspevku sa zaoberám s otázkou zastupovania dolnozemských Slovákov na Kongrese európskych menšín v Ženeve 29 – 31. augusta 1931. Kongres sa stal pre Slovákov v Maďarsku najmä významným kvôli komplikovanej situácii, ktorú spôsobila absencia pôvodného zástupcu, Ľudovíta Žigmunda Szeberényiho. Síce sa odvolával na ochorenie, ale keďže nevymenoval za seba náhradníka, na kongrese zúčastnili nielen delegáti Kultúrnej jednoty Slovákov z Maďarska [ďalej KJSM] so sídlom v Bratislave, ale aj poprední predstavitelia Uhorsko-krajinského vzdelávacieho spolku v Budapešti.

Kongresový štatút bol upravený tak, že iba tá organizácia môže právoplatne zastupovať národnostnú menšinu, ktorej sídlo existuje na území daného štátu. Z uvedeného dôvodu KJSM nemohli uznať za legitímnu zástupcu slovenskej národnostnej menšiny v Maďarsku, lebo jej sídlo sa nachádzalo v Československej republike. Ku skutočnosti, že účasť organizácie na Kongrese nebola vítaná, pravdepodobne prispel aj fakt, že medzi delegátmi bol ten Ľudovít Jaroslav Hrdlička, komlôšsky ev. farár, ktorý v horthyovskom režime musel pre jeho „panslavistické“ činnosti emigrovať do Československa, kde pokračoval v začatom boji za národnostné práva Dolnozemečanov.

Stručne o organizácii „Kultúrna jednota Slovákov z Maďarska“

Po roku 1919 v horthyovskom Maďarsku vytvorila vlna slovenskej politickej emigrácie (Hrdlička 1946). K najznámejším predstaviteľom tejto vlny patril komlôšsky farár Ľudovít Jaroslav Hrdlička a Juraj Hrabovský z Békešskej Čaby (Jančovic 2014). Najprv založili 2. zbor Slovenskej Ligy v Bratislave, ktorý sa mal zamerať na starostlivosť o Slovákov v Maďarsku. Keďže mnohí odišli z mesta, uvedený zbor po krátkom čase rozpadol, a ako jeho nástupcu na pokyn predstaviteľov Slovenskej Ligy založili v roku 1921 *Kultúrnu jednotu Slovákov z Maďarska*, ktorá naďalej spolupracovala s členmi Ligy (Letz 2000: 31-32). Základným poslaním KJSM sa stalo pomáhať Slovákom v Maďarsku, a v rámci tejto práce užšie spolupracovať s ľuďmi zo Slovenského Komlôša, Békešskej Čaby a Nadlaku. Vďaka tejto cezhraničnej spolupráci, predstavitelia Ligy dostali spoľahlivé informácie o postavení slovenskej národnostnej menšiny (SSNJ k 21: 3). V roku 1922 vypracovali tzv. „*Memorandum Slovákov z Maďarska*“, kde okrem iných zaoberali sa charakterom kultúry Slovákov v Maďarsku, a ktoré bolo rozšírené práve na tento Kongres (Hrdlička 1946: 46).

Kongres európskych menšín 1925 – 1938

Vznikol v roku 1925, zameriaval sa na otázky úzko súvisiace s ochranou menšín. Jeho zakladateľom bol estónsky novinár a politik, Ewald Ammende, ktorý stanovil za cieľ stať sa reprezentatívnou organizáciou národnostných

menšín (Szeberényi 1937: 51-53). Organizácia sa opierala o medzinárodnú tlačovú publicitu a menšinovú solidaritu. Mala dve dôležité zásady: jednak musela uznať Spoločnosť národov za legitímne fórum pre medzinárodnú ochranu menšín, jednak európske hranice sa dá zmeniť iba s predbežnou iniciatívou a súhlasom Spoločnosti národov. Taktiež počas rokovaní jednotlivých bodov programu účastníci nemôžu nijaký štát konkrétne kritizovať. Kongres vystupoval ako voľná organizácia, ktorej členové skupiny sa schádzali raz ročne – zvyčajne v Ženeve, väčšinou na trojdňovej konferencii, kde boli prediskutované výborom vopred stanovené body programu. Na konci stretnutí prijali uznesenie ako jednotné stanovisko, ktoré bolo poslané Spoločnosti národov a pracovníkom tlače (Eiler 1996).

Hoci Ammende už na jar roku 1925 považoval za potrebné pozvanie Slovákov v Maďarsku na Kongres, avšak v 20-tych rokoch nikto nežiadal, aby ich aj formálne prijali. V skutočnosti však maďarská vláda vytvorila svoju vlastnú menšinovú organizáciu pod názvom Uhorsko-krajinský vzdelávací spolok. Uvedená organizácia však dôležitú úlohu v živote slovenskej menšiny nezohral, ani neplánovala, že sa stane celokrajinskou. V podstate aj tu sa uplatnil plán maďarskej vlády, že umiestnením spoľahlivých ľudí do vedúcich pozícií bude vytvorenie samostatnej slovenskej organizácie zmarené (Eiler 2007: 199).

Okolnosti postavenia delegácie na zastupovanie Slovákov v Maďarsku

Vo fonde Slovenskej Ligy [SL] nájdeme aj celú korešpondenciu s predstaviteľmi československej menšinovej rady pre republiku Rakúsku, ktorí už od 28. júla 1925 informovali SL o tom, že je vhodná príležitosť poslať delegáciu na zastúpenie Slovákov v Maďarsku už 25 – 27. augusta 1925. Vo svojom liste poznamenávajú, že by sa mali odvolávať na rokovania Antona Macháta [predsedu kultúrneho združenia Čechov vo Viedni] a Františka Strnada [tajomníka rady] s predsedom Kongresu Wilfanom, aby vysvetlili svoju žiadosť o vyslanie svojho delegáta na Kongres (SL 181: 6/1; Szudová 2018: 53-58).

Našu celú problematiku môžeme kompletne rekonštruovať aj pomocou denníkov vychádzajúcich na dnešnom území Slovenska od 28. augusta 1931. Najviac článkov chrániacich potrieb Slovákov v Maďarsku ako aj ich zástupcov [najmä Hrdličku] publikoval slovenský politický denník *Slovák*. K tejto problematike venovali aj ďalšie noviny, napríklad *Slovenský denník*, ako aj *Slovenská krajina*, denník Česko-slovenskej strany socialistickej (Kipsová 1968).

Tiež z archívnych dokumentov uložených v Slovenskom národnom archíve v Bratislave vyplýva, že Anton Granatier, tajomník Slovenskej Ligy a SNR, listom z 23. augusta 1931 ubezpečoval Machátovcov, že KJSM a SL ručia za Hrdličku. Spolu s Hrdličkom posielali uvedené organizácie aj memorandum, ktoré vysvetlilo, prečo práve on zastupuje Slovákov. Z odôvodnenia memoranda vyplýva, že Slováci v Maďarsku v čase uskutočnenia Kongresu nemali vlastnú organizáciu, ktorá by ich reprezentovala. Na Kongrese sa spolu s Hrdličkom zúčastnil aj redaktor Milan Janota, ktorý poslal Granatierovi správy o situácii Slovákov v Maďarsku (SL 181: 6/10). Na tieto správy sa opieral aj samotný tajomník Granatier vo svojom článku „*Budú Slováci z Maďarska zastúpení na menšinovom kongrese v Ženeve?*” publikovanom v Slovenskom denníku dňa 29. augusta (Granatier 1931:1).

Myšlienky Szüllóho publikované v novinách „Prágai Magyar Hírlap“

V tejto časti zverejním tri články z Prágai Magyar Hírlapu [po slov.: Pražské maďarské noviny, ďalej len PMH] s osobitným dôrazom na konflikt medzi Ľudovítom Hrdličkom a Gejzom Szüllóm. Na konci tejto časti zosumarizujem aj reakciu Hrdličku zverejnenú na stránkach Slovenského denníka dňa 16 – 17. októbra.

Dňa 5. septembra 1931 vyšiel článok v PMH pod názvom „*Ženeva a Hrdlička*”, kde sa autor snaží u maďarského menšinového čitateľa žijúceho v Československu vytvárať odpor a bagatelizovať problémy Slovákov žijúcich v Maďarsku. Podľa názoru autora, československí zahraniční činitelia sa snažili zneužiť legitímnu nútenú absenciu delegátov slovenskej menšiny na to, aby ich mohol nahradiť Hrdlička, „*békešký slovenský emigrant žijúci v Bratislave*”. Dôvodom jeho zvolenia za zástupcu podľa autora je, že „*Hrdlička je hnacou dušou propagandistického úradu účinkujúceho v Bratislave, ktorý pod záštitou československých zahraničných činiteľov šíri a vyrába propagandistické dokumenty v mene slovenskej menšiny v Maďarsku ale sťažuje sa aj na životné podmienky v Maďarsku*.” Zmieňuje sa aj o informácii z novín Právo Lidu a Slovenská Krajina, že nie Szeberényi ho vybral za zástupcu. Preto na Kongrese neuznávali ani Hrdličku, ani „*slovenských delegátov z Uhorsko-Krajinského vzdelávacieho Spolku, ktorí boli náhle poslaní do Ženevy z Budapešti*”. V príklade zástupcov Uhorsko-Krajinského vzdelávacieho Spolku zdôrazňuje, že dôvodom ich odmietnutia bola skutočnosť, že

„predsedníctvo kongresu nedostalo presvedčenie o tom, že by v skutočnosti môže považovať tento spolok za slovenský a jeho reprezentanta za Slováka” (PMH 1931a).

Problematika zastupovania rozpútala v Československu „tlačovú vojnu“ medzi československými novinami na jednej strane a maďarskou menšinovou tlačou na druhej strane. Dňa 29. augusta 1931 PMH predstavil aj názory dvoch českých novín. Podľa českej národnej demokratickej noviny Národní Politika, „na tomto kongrese sa zdá, že slovenská menšina je najkrajšia a najlepšia, zatiaľ čo najhorší osud mala maďarská menšina v Československu.” Na vyhlásenie Lidových Novín, že bratislavskú organizáciu bude reprezentovať „Ludevit“ Hrdlička, reagoval PHM nasledovne: „Po vyhlásení Lidových novín sa zdá, že Maďarskí Slováci budú mať v Ženeve dva druhy zastúpenia: oficiálne a nepozvané. Učiteľ Hrdlička môže byť iba ten posledný – lebo je československým občanom” (PMH 1931b).

Dňa 8. septembra 1931 vyšiel článok s názvom „Prečo sa zlyhala československá propaganda a emigrant Hrdlička na kongrese menšín”. V podtitule autori zhrnú obsah správy Gejza Szüllóa, ktorá správa podľa nich „plne osvetľuje problém okolo zastupovania slovenskej menšiny v Maďarsku, ktorý tendenčne držia v tme československé noviny.” Pre noviny Szülló vysvetlil, že Slováci z Békešskej župy svoju prvú žiadosť podali pred dvoma rokmi v Grazi pomocou Macháta, predsedu kultúrneho združenia Čechov vo Viedni. Na zasadania predsedníctva Szülló ako predseda plne podporil, aby Slováci v Maďarsku boli na Kongrese prítomní. Poukázal však aj na to, že v súlade s pravidlami, žiadosť nemôžu predložiť Čechoslováci z Viedne, len slovenské organizácie z Maďarska. Avšak združenie s názvom „Kultúrnej Jednoty Slovákov z Maďarska so sídlom v Bratislave” tiež podalo žiadosť s uvedením mena delegáta, bývalého komlôšskeho ev. farára, Ludovíta Hrdličku. Podľa organizačného poriadku konferencie, všetky národnostné menšiny majú nárok na poslanie delegátov pochádzajúcich iba z územia vlastnej krajiny. Zahraničný menšinový orgán môže požiadať o výnimku len v prípade, ak účasti jeho zástupcu na Kongrese bráni „vyššia moc”, alebo v prípade, ak príslušná domovská krajina neumožňuje účasť vlastnej menšiny. Svoj protest odôvodnil ďalej jednak tým, že slovenská menšina v Maďarsku žije aj mimo Békešskej župy (napríklad okolo Pešti, v Zadunajska a v župe Borsod a Gemer), jednak tým, že v Maďarsku nežijú Čechoslováci. Ako o tom podal výrok: „Termín československý je termínom verejnoprávnym, ale nie etnickým”. Nakoniec dodal, že celý výbor uznal, že Hrdlička nemá ani objektívne ani subjektívne vlastnosti, aby figuroval ako zástupca slovenskej menšiny v Maďarsku, pretože emigroval (PMH 1931c).

Hrdličkova odpoveď

Svoju reflexiu na Szüllóov rozhovor Hrdlička uverejnil pod názvom „Ešte o menšinovom kongrese” v dvoch častiach. Prvú časť začne protestom proti maďarskej ortografii jeho mena, a prízvukuje, že za „československý mäkkčeň zaplatil som svojho času do 2000 rak. uh. korún.” V roku 1907 seniorálne predstavenstvo békéšskeho seniorátu ho postavilo pred cirkevný súd za používanie slovenského jazyka v súkromnom živote, ako aj preto, že svoje priezvisko písal po slovensky. Najprv ho odsúdili na stratu úradu, ale generálny cirkevný súd trest zmiernil peňažný trest na 1000 rak. uh. korún, a tiež podobnú sumu musel zaplatiť aj titulom trov konania.

Pokračuje ďalej s tým „nezdarom československej propagandy”, kde vysloví názor, že je „rád, že maďarská žurnalistika sama uznáva, že sa nám na kongrese krivda stala. My sme si to dosiaľ ani neuvedomili dostatočne”. Oni len boli radi, že sa slovenská menšina stala členom Kongresu, a že Bernolákovci nemohli svoj prejav predniesť, lebo „boli by cele vážne presvedčovali neorientovaných delegátov, že prototypickí asimilátori, maďarskí šovinisti pripravujú pre Slovákov v Maďarsku raj”. Ďalej polemizuje so Szüllóm, že Slováci žijú nielen na ním spomenutých miestach, ale „aj v župách novohradskej, hevešskej, zemplénskej, sabolčskej, hajdúckej, čongrádskej, biharskej, hontianskej, ostrihomskej a temer vo všetkých zadunajských stolicách“, napriek tomu „žiadnu svoju organizáciu nikdy nemali.” Svoju myšlienku ďalej rozvíja tým, že pred 1918 im „Kvapkalo ... čo-to z výtobytkov, ktoré si Slováci terajšieho Slovenska vymáhali a mali tu i tu aj svojich miestnych zástupcov, a to bolo všetko”, ktoré potom takmer všetkých aj stratili. Podľa štatistických údajov z Memoranda Slovákov v Maďarsku, ich počet je okolo 300.000, ale nemajú svoje školy, časopisy, ani spolky, lebo im to nedovolia. Preto podľa neho „nie div, že so svojimi bolesťami a žalosťami prichodia k nám a že sa tu mnohí z nich už aj usadili.” Kvôli týmto udalostiam založili práve v Bratislave KJSM, ktorý „kultúrne chce dvíhať úroveň Slovákov z Maďarska, nachodiacich sa v cudzine a v Maďarsku, kde toho najviac potrebujú”. Zdôrazňuje, že tento spolok sa už pred niekoľkými rokmi snažil upozorniť predsedníctvo Kongresu „na akútnosť menšinovej otázky v Maďarsku”, preto požiadal aj Čechoslovákov vo Viedni, aby im pomohli dostať sa na Kongres. Udáva, že sa to aj podarilo, ale „vďaka maďarskej taktovke a jej ozvene, Szüllóvi” nie dostatočne, lebo „títo dvaja faktori vyvinuli taký šikovný „forcemajeur”, že za prijatú menšinu Slovákov z Maďarska ani delegát z Maďarska dr. L. Ž.

Szeberényi, ani delegát zo Slovenska, prof. L. J. Hrdlička nemohli svoje prejavy predniesť.” Dostaneme ukážku medzivojnových fráz v nasledujúcej vete, podľa ktorej „Szüllő bez všetkých škrupúl využil svoje predsednícke postavenie, aby poškodil Slovákov tu i v zahraničí, ačkoľvek je členom československého národného shromaždenia. Využil ho splna, ba i zneužil, ponevác iste proti svojmu lepšiemu presvedčeniu vyforsoval usnesenie proti prijatiu Hrdličku za informátora.” Ako dôvody tu vymenuje, že podľa Maďarov údajne Beneš podporil KJSM aby predložil svoju prihlášku na zastúpenie slovenskej menšiny, čo Hrdlička odmietne. Však dodá, že ako Slováci v Maďarsku, tak aj Beneš praje *„aby ... predložená bola k preskúmaniu aj politika Maďarska voči menšinám atedy dostane Maďarsko kvalifikáciu (subjektívnu či objektívnu!?), ktorej sa tešiť nebude”* (Hrdlička 1931: 1-2).

V druhom článku zo 17. septembra reflektuje na výrok Szüllóa, ktorý uznáva, že Slováci z Maďarska sa už pred dvoma rokmi hlásili o členstvo [Szüllő používal iba pojem „békéški Slováci“]. K tomu vysvetľuje Hrdlička, že je to pravda, že tam žijú najkompaktnejšie, ale oni sa hlásili ako zástupcovia všetkých Slovákov v Maďarsku. Polemizuje s povolením prítomnosti peštianskych Slovákov namiesto nich, a že békéški Slováci skoro 10 rokov bojujú márne za vytvorenie vlastného spolku, *„ale peštianski, ktorí si napochytre, r. 1930 utvorili spolok s názvom k veci podozrivé pasentným: „Uhorsko-krajinský vzdelávací spolok slovenský.”* Tiež opíše, ako úradné orgány založili tento spolok, aby prislúchoval kongresovým štatútom, že organizovaná slovenská menšina má predostreť žiadosť, a aby Janovec *„mal predniesť chválospev na Maďarov.”* Ammende tiež zistil, že by *„najpovolanejším delegátom slovenskej menšiny v Maďarsku bol by čabiansky farár a senior dr. Szeberényi”*, ktorého aj vláda uznala, aby sa nenastal „forcemajeur”, umožňujúci prejavu delegáta KJSM. Szüllő vraj odôvodnil neschopnosť Hrdličku tým, že nemôže zastupovať všetkých Slovákov, *„lebo účinkoval len v Békéšsku, na Komlóši kdežto Slováci bývajú aj v Pešti a na jej okolí aj za Dunajom aj v Boršode, aj v Gemeri.”* Ale pokračuje ďalej, že *„podľa tejto logiky však nebol by mohol byť delegátom ani dr. Szeberényi, ktorý tiež len v Békéšsku účinkuje a tým menej Janovecz, ktorý vôbec nikde neúčinkuje.”* Druhým dôvodom jeho nekompetentnosti je podozrenie, že je *„Čechoslovákom, kdežto v Maďarsku Čechoslovákov niet.”* Hrdlička tomu udáva, že *„je to typický „jogász-sky” sofizem”* [t.j. „právnické mudrovanie”, poznámka autorky], pretože podľa neho práve v Maďarsku bývajú ozajstní Čechoslováci, lebo *„nikde sa Slováci tak húževnate nepridržiajú svojej dvojrečovosti: starej československej ako bohoslužobnej a svojej slovenskej, ako práve vo veľkých slovenských osadách Maďarska”.* Vysvetľoval to tým, že keď on prišiel na Komlós, *„samí prví ma moji poslucháči žiadali, zvlášť starší, aby som im kázal po „biblicky“, potom kolegovia a zvlášť cirkevná vrchnosť, ktorá zrovna to žiadala odo mňa, aby som na pr. Ondreja Môtovského neoznamoval a nemenoval Ondrejom Môtovským, ale po „biblicky“: „Motyovszky Andrášem.”*

Na konci svojho článku reagoval na tvrdenie Szüllóa, že *„celé komité uznalo, že Hrdlička nemá ani objektívnej ani subjektívnej kvality, aby mohol vystupovať ako zástupca slovenskej menšiny v Maďarsku, tým menej, že emigroval.”* Uvedie, že toto tvrdenie sa nezakladá na pravde, keďže *„predsedníctvo kongresu i mne osobne i na kongrese verejne vyhlásilo, že som ako pozorovateľ za člena kongresu bezpodmienečne prijatý a že budem môcť aj prejav povedať, jestli dr. Szeberényi nepríde.”* Iba na tretí deň mu oznámili, že k prejavu nedôjde, čo zapríčinil podľa klebiet sám Szüllő, za čo by mohol *„spraviť z veci aféru”*, čo však pokladal za zbytočné. Nakoniec položil Szüllóovi otázku *„jestli nie, či je náklonný účinkovať — má k tomu možnosť! — aby Slováci v Maďarsku, ktorých je asi polovica toľko, ako Maďarov u nás aspoň polovicu tých minoritných práv požívali, čo Maďari u nás?”* (Hrdlička 1931:2).

Zhrnutie

Ako zhrnutie by som konštatovala, že hoci na 7. Kongrese európskych menšín v Ženeve 29-31. augusta 1931 sa členovia Jednoty zúčastnili na akcii iba ako pozorovatelia, ale bezpochybne aktívne upozornili medzinárodné fórum na problematiku a hlavne na existenciu Slovákov v Maďarsku v medzivojnovom období.

Bibliography

- Eiler Ferenc (2007), Magyar résztvevők és kapcsolati hálók az Európai Nemzetiségi Kongresszuson (1925 – 1939) *Kisebbségkutatás*, 16/1. <http://epa.oszk.hu/00400/00462/00033/1770.htm>
- Eiler Ferenc (1996), Nemzetközi kisebbségi kongresszusok a két világháború között. *Regio*, 7/3,199. Online: <http://kisebbssegkutato.tk.mta.hu/uploads/files/archive/295.pdf>
- Granatier, Anton (1931), „Budú Slováci z Maďarska zastúpení na menšinovom kongrese v Ženeve?” *Slovenský denník*. 29. augusta 1931, XIV/197, 1.
- Hrdlička, Ludovít Jaroslav (1931: 1-2), Ešte o menšinovom kongrese. (Reflexie na interview pána G. Szüllő). *Slovenský denník*, 16. septembra 1931, XIV/ 212, 1-2.
- Hrdlička, Ludovít Jaroslav (1931:2), Ešte o menšinovom kongrese. (Reflexie na interview pána G. Szüllő). *Slovenský denník*, 17. septembra 1931, XIV/213, 2.
- Hrdlička, Ludovít Jaroslav (1946), *Spoved' a účtovanie exulanta. Svojim Komlóšanom*. Bratislava, Vydané nákladom autorových priateľov-Komlóšanov.
- Letz, Róbert (2000), *Dejiny Slovenskej Ligy na Slovensku (1920-1948)*. Martin, Matica Slovenská, 31-32.
- PMH (1931a), Miért vallott kudarcot a csehszlovák propaganda és Hrdlicska emigráns a kisebbségek kongresszusán. *Prágai Magyar Hírlap*, 08. 09. 1931. 10/204, 3.
- PMH (1931b), Ki képviseli Genfben a magyarországi szlovák kisebbséget? Szüllő Géza nyilatkozatának cseh viszhangja. *Prágai Magyar Hírlap*, 29. 08. 1931. 10/196, 2.
- PMH (1931c), Genf és Hrdlička. *Prágai Magyar Hírlap*, 05. 09. 1931. 10/202, 5.
- Kipsová et al. (1968), SLOVENSKÁ KRAJINA. *Bibliografia slovenských a inorečových novín a časopisov z rokov 1919 - 1938*. Martin, Matica slovenská.
- Slovenský národný archív (SNA), Fond Slovenská Liga 1922 – 1953 (SL), kartón 181- Slovenská Liga ÚSSL, Sign. Korešpondencia medzi Československou menšinovou radou pre republiku rakúsku a Slovenskou Ligou (1930-1931), kartón 181, č. j. 1 - 10.
- SSNJ k21:3 - SNA, Fond Strana slovenskej národnej jednoty (SSNJ), Inv. č. 88, Sign. Materiály a činnosť Juraja Svetlíka, Anton Granatier: Slováci v Maďarsku, k. 21, č. 3
- Szeberényi, Ludovít Žigmund: Dr. Ewald Ammende – Rozpomienka (1893-1936). In: *Čabiansky kalendár*, č. 18, 1937, s. 51-53.
- Szudová, K. E. (2018), Zastupovanie dolnozemsých Slovákov na Kongrese európskych menšín v Ženeve v roku 1931, *Dolnozemský Slovák*, XXIII (XXXVIII)/ 1-2, 53-58.

Lenka Tkáč-Zabáková

Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia
ltkaczabakova@ukf.sk

Lexika češtiny v premenách času

The contribution explains the connection between the genesis of society and its impact on the cultivation of the lexicon of Czech language. Considering the influence of other cultures and languages in the process, we provide brief historical cross-section. It specifies several outer elements as well as some internal factors. The evolution of the lexical inventory of one of the Western Slavic Languages that is currently used by around 12 million speakers. Among the most influential impulses there have been Czech-German, Czech-Latin contact as well as a contact of Czech with surrounding Slavic languages, primarily Slovak and Polish. Within different historical periods there also were various other factors having an impact, such as geopolitical situation or general scientific and other progress of the society.

Keywords: Czech language, genesis, languages in contact, Czech lexicon.

Jestvuje mnoho vnútrojazykových podnetov, no aj podnety pochádzajúce z oblasti mimojazykovej roviny, ktoré ovplyvňujú genézu jazyka. Vďaka civilizačnému a kultúrnemu vývoju, ale aj každej nepatrnej zmene v štruktúre spoločnosti, v jej fungovaní či poznaní samej seba a okolitého sveta, môžeme nájsť impulz pre jazykové zmeny. Pri ich skúmaní cez prizmu kultúrnej a jazykovej interdisciplinariny preto jazyk chápeme ako otvorený systém, ktorý je v neustálom kontakte so svojím okolím.

Genéza jednotlivých jazykových podsystémov je teda prirodzeným procesom, pričom dynamika zmien v týchto podsystémoch nie je rovnaká. Nové vyjadrovacie potreby ovplyvňujú predovšetkým lexiku. Vďaka mnohým interným (štylistická, významová a ďalšie typy motivácie) a externým vplyvom dochádza k zániku afunkčných prvkov a naopak, pribúdajú nové. Prirodzenými sú aj procesy zastarávania slov (archaizácia a vznik historizmov) a ďalšie javy spojené s temporálnou motiváciou lexém. Vznikajú aj jazykové neologizmy, a to jednak na základe intralingválnej motivácie, kedy lexikálne jednotky pochádzajú z vlastného jazyka, inokedy má proces interlingválny charakter, teda prekračuje hranice národného jazyka.

Na príklade genézy českej spoločnosti sa pokúsime demonštrovať niektoré jazykové a mimojazykové reality, ktoré ovplyvnili zmeny v lexikálnom inventári češtiny. Dôraz pritom kladieme na kontakt českej jazykovej kultúry s európskymi vplyvmi, dobový spoločenský kontext a ďalšie okolnosti, ktoré sa stali podnetmi vo vývoji českej lexiky.

Geografický a kultúrny región, v ktorom sa čeština vyvíjala, disponuje viacerými jedinečnými špecifikami – počnúc slovansko-neslovanským pôvodom národov žijúcich v oblasti až pomocenský a všeobecný geopolitický aspekt, ktorý v priebehu storočí determinoval vzťah používateľov češtiny ku kultúre Západu a Východu (ale aj kultúre nordickej či napr. mediteránskej). Historická skúsenosť, ktorá sa viaže s oblasťou lemovanou Českým masívom a Západnými Karpatami, svojsky ovplyvnila aj vývoj, emancipáciu a kultiváciu jazyka.

Kým vlastný (predčeský) pôvod môžeme sledovať cez praslovančinu až po indoeurópsky základ mnohých lexém, cudzie slová sa do jazyka dostali procesom preberania v rôznych historických obdobiach. V rozvoji slovnej zásoby češtiny zohrala dôležitú úlohu kresťanstva, a to už v staroveku. Vďaka reáliám spojeným s náboženstvom sa do lexikónu západných slovanských dialektov, medzi nimi aj do základov budúcej češtiny, dostali cudzie lexémy ako *papež, pohan, anděl, almužna*, tiež kalky *zlořečit, svědomí, hřbtov, Vánoce* a mnohé ďalšie. Misia z pasovskej a salzburskej diecézy priniesla viaceré germanizmy spojené s vierou (*almužna, opat, biskup, mnich, žaltář oltář, postitse, žalma* i.). Rozšírením gréckeho písomníctva sa v spojitosti s cyrilometodskou tradíciou rozšírila náboženská a iná lexika často zhodná so staroslovienskou. Prienik romanizmov do českej slovnej zásoby považujeme za dôsledok priameho kontaktu so zaniknutou Západorímsku ríšou, ktorá siahala až na dnešné česko-moravské hranice.

Komunikačným kanálom v stredoveku bola latinčina. Tá zaujala popredné miesto pri prehlbovaní medzinárodných politických aj obchodných stykov. Do staročeštiny tak prenikli mnohé latinské slová, a to

z oblasti ekonómie a finančnictva (*banka, manko, konto, kapitál* a i.), neskôr aj umenia (*mozaika, pastel, arabeska, torzo* a i.), gastronómie a ďalšie. Z latinčiny sa pritom preberali slová buď priamo, alebo cez tranzitný jazyk, zvyčajne nemčinu. Inokedy bola v roli tranzitného jazyka práve latinčina, kým pôvod slov bol starogrécky (napr. *eucharistia, apoteka, karakter*).

Jeden z prvých pokusov o vedecký prístup k slovnej zásobe zaznamenávame v období vlády Karla IV. – učenc, lexikografa majster pražskej univerzity Klaret okolo roku 1360 vydal slovník *Glossarius*. Uviedol v ňom príklady novotvarov z oblasti vzdelania – *bakalář, dvojhláska, fakulta, kolej, mistr, hlasna* a *čtena*. Autorom niektorých ďalších bol pravdepodobne sám Klaret (vlastným menom Bartoloměj z Chlumce), napr. *bohomluvná* (teologie), *slovočtena* (gramatika) (Cuřín, 1985: 28). V období pôsobenia Tomáša Štítného ze Štítného a Jána Husa prevládala aktivita súvisiaca s tvorením nových výrazov (*křivověrec, břichoplec, bláznomluvenie* a i.). Medzi ďalšie české ekvivalenty, ktorými chcel Hus nahradiť cudzie prvky v národnom jazyku, patrili slová spoluhlas ako náhrada za slovo *consonans*, *bděníe* za vigílie, *čtena* za litera, *ukázka* za monstrace a i. (Čermák, 2010: 216). Husovým zámerom bolo priblížiť národný jazyk jeho ľudovej forme. Mnohé z týchto nových lexém odrážali širší dobový spoločenský kontext. Ten bol spojený s prekonaním vnútornej roztrieštenosti feudálnej spoločnosti ako aj so snahou o vytvorenie centralizovaného štátu. Pod pretrvávajúcim latinským a nemeckým jazykovým a kultúrnym vplyvom pribudla aj právna a organizačná terminológia, napr. slová *registra, majestát* a i.

Humanizmus posledných desaťročí 15. st. priniesol reorientáciu na záležitosti celoeurópske, zároveň došlo k posunu od religiozity ku svetskej kultúre. Aj vďaka vynájdeniu kníhtlače došlo teritoriálnemu rozšíreniu latinských slov, najmä v oblasti lekárstva. Termíny spojené s vojenstvom, zbrojením a armádou prenikali z románskych jazykov, rytierska tematika z nemčiny, a to najmä v období Habsburskej monarchie (Cuřín, 1985: 53).

Prekladová, edičná a tlačiarenská činnosť Daniela Adama z Veleslavína sa zaslúžila o rozšírenie počtu čitateľov a čiastočnú stabilizáciu jazyka. Medzi prevzaté cudzie prvky z veleslavínskeho obdobia patria slová *regál, duplovaný, altán* a i. Baroková čeština pobelohorskej doby (po r. 1620) je charakteristická ideológiou českého národného patriotizmu, ktorý sa premietal aj do jazyka, obzvlášť lexiky. V zmysle snahy o vytvorenie obrodeneckých neologizmov priniesol purista Václav Jan Rosa (17. st.) viacero novotvarov, napr. *čechořečnost*. Jeho nedokončený slovník *Thesaurus Linguae Bohemicae* bol založený na vzore slovníka iného významného polyhistora Jána A. Komenského. Vďaka svojmu preskriptívnemu charakteru však boli takéto účelovo vzniknuté novotvary v konkurencii germanizmov často neúspešné. Príkladov je mnoho – cigareta → podnosnice libočudná, estetika → krásnověda, inspektor → provozovák, nos → citoň, chlór → kazík, chrom → barvík, kalendář → letodník/rokodník, Luna/měsíc → Nočena a i. (Čermák, 2010: 206). Sám Komenský pripúšťal preberanie jazykových prvkov z iných jazykov, no zároveň kládol dôraz na zachovanie všeobecnej zrozumiteľnosti a ľubozvučnosti reči.

Pre obdobie národného obrodzenia (koniec 18. až do pol. 19. st.) boli najvýraznejšie lingvistické snahy intelektuálov (Josef Jungmann, Antonín Jaroslav Puchmajer, Pavol Jozef Šafárik, František Palacký, Jan Swatopluk Presl, Václav Hanka a ďalších) doplniť biele miesta v českej slovnej zásobe. Orientácia na slovanské jazyky, staročeštinu či české teritoriálne nárečia ovplyvnila vývoj modernej českej terminológie v oblasti prírodných a literárnych vied, estetiky a filozofie. Aj napriek opätovným puristickým tendenciám sa nevyhli kalkovaniu nemeckých slov. Puristická predstava o jazyku však postupne ustúpila funkčnému pohľadu na slová prevzaté z iných jazykov. „Žádný jazyk není „čistý“... někteří staromilci odmítající paušálně vše nové v naivní víře, že je to škodlivé a ošklivé (a jazyk tedy „špinící“). Mají krátkozrnce za to, že si čeština či jiný jazyk vystačí s vlastními silami sám...Nevystačí“ (Čermák, 2010, s. 203). Rozvoj obchodu a techniky v 2. pol 19. st., ale aj rozdelenie pražskej univerzity na českú a nemeckú (1882), vydanie Gebauerových pravidiel českého pravopisu a iniciatíva Matice českej v ustanovení komisie pre „brus českého jazyka“ naznačili tendencie, ktorými sa jazyk mal ďalej uberať. Veľké spoločensko-politické medzníky kapitalistického systému so sebou priniesli nové realie, a teda aj lexikálne prvky: komise, magistrát, obecní úřad, stroj, strážník a i.

Pre rozvoj socialistickej spoločnosti boli typické nové slová vzniknuté v súvislosti s budovateľským zámerom režimu. Sem patrili lexémy plniace potreby odborného vyjadrovania (napr. *vrátka, panelárna, tesil, nástěnka*), pojmy súvisiace s rozvojom výpočtovej techniky, športová terminológia (napr. *dřep, klek, vzpažit*) a iné. Dynamickosť rozvoja lexiky priamoúmerne vzrástla s intenzívnym a mnohostranným rozvojom Československa po roku 1918. Český jazyk vznikom nového štátu nadobudol nové funkcie – stal sa jazykom úradným a armádnym. Na tento účel nebol celkom pripravený. Preto aj dlho po rozpade Rakúsko-Uhorska pretrvávalo využívanie niektorých germanizmov, napr. v oblasti administratívy. V kontexte vojenského konfliktu svetového rozmeru sa

inventár českých slov rozšíril o ďalšie technické a armádne pojmy ako *kulomet, tank, pilot, podvozek* a pod. V medzivojnovom období prenikala do jazykového povedomia lexika formou aj obsahom príznačná pre fašistický okupačný režim, napr. *vérmacht, arizovať, anšlus, kolaborant* a pod. Komunistická totalita priniesla slová ovplyvnené najmä ruštinou (napr. *bony, ideologie, kulak, sputnik, kolchoz, soudruh, pětiletká, tesil, Tuzex* a pod.).

Opätovné posilnenie vplyvu ZSSR v okupačnom období a normalizácia prebiehala aj prostredníctvom ďalšej vlny preberania východných jazykových prvkov do češtiny – kádrový posudok, manifestace, kult osobnosti, polytbyro, pracujícitřída, národní výbor, socialistický realismus, Kupředulevá, zpátkyni krok a stovky ďalších lexém spojených s dobovými kolokáciami (Čermák, 2010: 218). Pre obdobie 2. pol. 20. st. bolo typické počesťovanie lexiky prevzatej z iných jazykov, napr. aeroplán→letadlo, helikopéra→vrtulník, autostráda→dálnice, rádio→rozhlas a pod. (Hauser, 1980: 45).

Špecifický vývoj nastal v dôsledku diferenciacie politických a spoločenských procesov v r. 1989. Pokračuje prakticky dodnes. Otvorenie stredoeurópskeho priestoru zahraničným vplyvom spôsobilo početné zmeny v stredoeurópskych národných jazykoch. Posuny v konotačných významoch slov z pozitívneho na negatívny zaznamenal Edvard Lotko pri slovách *bolševik, soudruh, komunista* a i. (2008: 216). Asociácie k minulému režimu boli dôvodom, prečo boli výrazy nahradené novými. Tento špecifický jav naznačuje nielen politickú, ale aj všeobecnú spoločenskú zmenu a snahu abstrahovať od reálií, ktoré aj napriek eliminácii jazykových prvkov pretrvávajú v kolektívnej historickej pamäti národa. Zároveň došlo k obnoveniu mnohých predtotalitných skutočností, ktorých obsah sa spolu s formou na istý čas archaizoval. Došlo k revitalizácii starších výrazov v oblasti administratívy. Zmenu preto považujeme za komplexnú.

Okrem mimojazykových vplyvov na genézu češtiny boli ešte v 80. rokoch minulého storočia definované aj konkrétne vnútrojazykové tendencie – snaha vytvoriť symetriu medzi významom a formou, odstránenie polysémie a homonymie (dôsledkom je pojmová konkretizácia), štylistická diferenciacia v lexike, no aj snaha o zblíženie variant jazyka; tzv. unifikácia národného jazyka (Filipinec – Čermák, 1985: 99). Všetky tieto faktory determinovali stav, v akom sa česká lexika nachádzala na prelome tisícročí.

V súvislosti so vzájomnou integráciou európskych štátov v rámci politických, obchodných a ekonomických partnerstiev, dochádza ku kultúrnej a jazykovej globalizácii, resp. europeizácii. Tá síce nie je novým procesom v dejinách starého kontinentu, no v súčasnej dobe sa javí intenzita šírenia globalizujúcich elementov a ich vplyvov na jazyk a kultúru priam nekontrolovateľná. Hlavným zdrojom globalizujúcich jazykových a kultúrnych prvkov je hlavne angličtina. Jej civilizačný význam spočíva v množstve používateľov a v silnejúcej univerzálnosti komunikácie v tomto jazyku, a to prakticky vo všetkých sférach. Tento jazyk obchodu, diplomacie, cestovania, masovokomunikačných prostriedkov a médií sa stáva súčasťou nadnárodnej mentality. Preto aj český lexikón obsahuje veľké množstvo anglických prvkov s rôznym stupňom adaptácie a prakticky vo všetkých oblastiach života – publicistika, reklama, obchod, technika, šport, zábava, móda, cestovanie a veľa ďalších. K adaptácii anglicizmov a javov vlastných tomuto jazyku dochádza na každodennej báze, pričom nadmiera používania prevzatých anglických prvkov v bežnej komunikácii je často negatívne hodnotená. Pre iných je často pretraktovaná téma frekvencie výskytu anglicizmov v češtine neopodstatnene mýtizovaná.

Jazyky sú vo svojom vývoji prirodzene ovplyvnené dominantne susednými jazykmi – v prípade češtiny išlo v minulosti predovšetkým o nemčinu, no v jej lexikálnom inventári evidujeme aj početné polonizmy (medzi nimi mnohé poetizmy obrodeneckého obdobia, lingvistické/literárnovedné termíny a lexikuz oblasti botaniky) a slovakizmy (už od predobrodeneckého obdobia). Z nadnárodných jazykov to bola v období renesancie latinčina alebo výrazný vojenský a mocenský vplyv ruštiny z obdobia 1945-1989. Jazyková globalizácia v súčasnosti prebieha prostredníctvom šírenia angličtiny ako lingua franca tretieho milénia.

Ako je možné vidieť v poskytnutom stručnom priereze genézou českej lexiky, zložitú „jazykové inžinierstvo“ bolo a je neustále stimulované mnohými podnetmi. Pod tlakom internacionalizačných tendencií v kultúre a jazyku, ale aj mediálnej a informačnej sily prostriedkov modernej spoločnosti, je nevyhnutné zachovať (alebo ideálne zvyšovať) štandard vlastnej jazykovej kultúry, a to v jej vlastnom záujme.

Bibliography

- Cuřín, František (1985), *Vývoj spisovné češtiny*. Praha, Státní pedagogické nakladatelství.
Čermák, František (2010), *Lexikon a sémantika*. Praha, Nakladatelství Lidové noviny.
Filipec, J. – Čermák, František (1985), *Česká lexikologie*. Praha, Academia.

Hauser, P. (1980), *Nauka o slovní zásobě*. Praha, Státní pedagogické nakladatelství.

Lotko, Edvard (2008), O některých vývojových tendencích v současné slovní zásobě a jejich příčinách (na materiálu češtiny, slovenštiny a polštiny), In *Srovnávací a bohemistické studie*, Olomouc, Vydavatelství Univerzity Palackého.

Катерина Войнова

Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria
ksmile@abv.bg

Езикови стратегии за изграждане на фалшиви новини в онлайн медиите

Among the major challenges today's online media consumers face are fake news. Fake news is thriving in this new media environment by spreading online extremely fast, leaving a publication author anonymous. The present paper analyzes the ways fake news is created – what type and range of vocabulary prevails, what structure is typical. Repeated language expressions will be specially addressed as they have turned into a sign that a certain news story might be fake or, should be at least read critically. Critical reading and the verification of the source of information are some of the instruments to help the consumers spot and identify fake news.

Keywords: online media, fake news, misinformation

Онлайн медиите се характеризират с някои специфики, които са следствие на технологичното развитие, както и на различния канал, по който се предава информацията. Основните особености на новите медии са: интерактивност, хипертекстуалност и актуализиране на информацията. Заедно с тях се появяват и други важни елементи, като възможността за споделяне на информация и запазването на анонимност в онлайн пространството. Именно последните две специфики се превръщат в предпоставка за появата и разпространението на фалшиви новини.

С цел по-правилното разбиране на процесите, които протичат в онлайн пространството, е важно да се уточни значението на понятията дезинформация и фалшива новина. Идвете те се използват, за да означат сходни явления, като често са взаимозаменяеми. Определението, което представя речника на българския език на БАН за думата дезинформация, е следното: „*Книж.* Невярно, лъжливо съобщение, сведение, което цели да внесе заблуда.; 2. Съзнателно заблуждаване чрез даване на неверни сведения; дезинформиране.” (Чолакова 1981: 658). Понятието фалшива новина (от англ. fake news) се е превърнало в част от жаргонната лексика и се употребява в различни случаи. Може да се отнася за лъжлива новина, която съдържа грешни факти, съзнателно или неволно публикувани. Често в бързината журналистите предлагат съдържание, което не са проверили или за което нямат достатъчно информация. Така те неволно се превръщат в преносители на дезинформация. За фалшива новина се говори и при информация, която подвежда или манипулира аудиторията чрез преувеличаване и сензационно представяне на събитията.

Споделянето на информация допълнително улеснява разпространението на фалшивите новини в онлайн средата. Една публикация може за секунди да достигне до хиляди хора, които дори не са я потърсили. Според изследване на Масачузетския технологичен институт, публикувано в сп. Science, фалшивите новини се разпространяват по-бързо от истинските (<http://www.sciencemag.org/news/2018/03/fake-news-spreads-faster-true-news-twitter-thanks-people-not-bots>). Това се дължи до голяма степен на факта, че фалшивите новини се изграждат така, че да бъдат по-интересни и интригуващи за потребителите. Те се споделят по-често, а оттам и достигат до повече хора.

Възможността всеки да публикува съдържание и в същото време да запази своята анонимност позволява безпроблемната поява на неистинно съдържание. Липсата на автор под дадена публикация мигновено премахва отговорността от написаното. Редица информационни сайтове не посочват автор на материалите, които публикуват, защото често по една статия работят няколко журналисти. Затова е важно да се проверяват самите сайтове – посоченоли е кои журналисти пишат в конкретната медия, има ли данни за собственика на медията (например: За нас; Контакти; Екип). Анонимността на един сайт е един от елементите, които трябва да направят потребителите по-бдителни към предлаганата им информация.

Една от най-честите стратегии при изграждането на фалшиви новини е създаването на сензационни заглавия. В редица заглавия се срещат експресивни езикови изрази средства – *шок, скандално, ексклузивно, сензационно, извънредно, брутално, ужас*, като често те са изписани с главни

букви и удебелен шрифт, което допълнително привлича вниманието на читателите. „Чрез хиперболизацията даден конкретен и изолиран факт се генерализира и представя като важен феномен.” (Дачева 2014: 76). Заглавията имат ключова роля в онлайн медиите, тъй като първоначално само те са видими за потребителите. За да бъде прочетена една новина, трябва да се кликне върху нея и едва тогава се отваря целият текст. От друга страна, при споделяне на новини и статии в социалните мрежи, отново заглавието е единственият видим елемент от съдържанието. Затова, основната цел на журналистите е вниманието на потребителите да бъде привлечено от заглавието. По този начин се увеличава шансът читателите да кликнат върху една новина и да я прочетат докрай. Все повече изследователи на медиите започват да говорят за т.нар. „кликбайт“-сайтове (от англ. click, букв. `щраквам` и англ. bite – хапя, захапвам; 2. впивам се; 3. кълва (за стръв)) или за click-baiting (използване на кликванията като стръв) (Рус-Мол, Инджев 2017: 252). Всяко кликване върху една публикация води до повече читатели, а оттам носи и приходи за медията. Редица информационни сайтове превръщат преследването на по-голям трафик в своя основна политика.

Друг похват заподвежда не на читателите е поставяне на твърде общо заглавие, което не дава информация какво се съобщава в статията: „*Виждете каквоселучи с Жан Виденов*” (09.06.2016г., blitz.bg). Употребен глаголът виждам в повелително наклонение (*Виждете*). По този начин се създава усещане у читателите, че ще получат доказателство за нещо важно, ще станат свидетели на събитията. Заглавието е типичен пример за използването на т.нар. „тактика на „сензационен пирон”, с помощта на която се разместват информационните акценти и се манипулира читателският интерес” (Замбова 2000: 139). В заглавията се поставят имена на популярни личности, като целта е любопитството на читателите да бъде заинтригувано и те да кликнат върху публикацията. Друга стратегия за привличане на внимание е поставянето на многоточие в края на заглавието: „*Румен Радев свиква КСНС! Темата е...*” (12.04.2018г., bnews.bg); „*„Спасителят” на нацията – Борисов се зае със случая на Желяз Андреев! Нареди на Вършинода...*” (12.04.2018г., bnews.bg).

Съзнателното публикуване на фалшиви новини цели манипулиране на аудиторията. Темите, по които се появяват най-много неистинни новини могат да бъдат разделени най-общо в две категории. Към първата категория спадат апокалиптичните сценарии и клюките за популярни личности, чиято основна цел е по-голям трафик. Тяхната цел е чисто комерсиална. Значително по-опасни могат да бъдат фалшивите новини, които засягат политически, икономически и обществени въпроси. При отразяването на политически събития целта на соченото въздействие върху читателите може да бъде изключително опасно, тъй като политиката оказва силно влияние върху живота на хората.

Новина, която може да бъде класифицирана като фалшива е следната: „*Ексклузивно: Разгром! ГЕРБ ГУБИ ИЗБОРИТЕ! България буквално Отряза Главата на Борисов! Виж Резултатите Тук:*” (skandalno.net). Липсва дата и час на публикуване, както и автор на текста. Очевидна е целта да се манипулира аудиторията, тъй като новината не представя реалния развой на събитията, защото ГЕРБ все пак печелят парламентарните избори през март 2017г. Заглавието започва с маркер за актуалност (*ексклузивно*). Следват три изречения, като всички завършват с удивителен знак. Употребена е експресивно натоварената дума *разгром*. Във второто изречение е използвана метафора: *отряза главата на Борисов*. С цел да направи по-атрактивно изложението си, авторът е поставил думата *буквално* пред израз, употребен в преносен смисъл (*буквално Отряза Главата на Борисов*). Думите, върху които авторът се стреми да концентрира читателското внимание, са изписани с главни букви.

За манипулативно може да бъде прието и друго заглавие, свързано с изборите през 2017г.: „*Традиционната десница умря! Малките десни партии остават и без пари*” (www.epicenter.bg, 27.03.2017г.). Преносната употреба на глагола *умря* прави заглавието сензационно. За читател, който не е запознат със събитията в изборния ден, подобно заглавие може да се окаже подвеждащо. Ако потребителят прочете само заглавието, без да продължи към цялата статия, може да остане с впечатлението, че десните партии са се разпаднали, че са се отказали от политиката. В действителност новината е, че десните партии не са събрали достатъчно гласове, за да имат народни представители в парламента. Това послание прозира във второто изречение от заглавието: *Малките десни партии остават без пари*.

Една от последните фалшиви новини, появили се в българското онлайн пространство, е публикувана в сатиричния сайт Гъделнюз: „*82 турски танка, дошли на "учение" у нас, отказват да напуснат! Окупация на Тополовград и Родопите... Бойко мълчи...*”

(<http://www.gudelnews.com/2017/11/82.html>). Под логото на сайта е публикувано следното уточнение: „Новините, каквито биха били, ако зависеше от един умерено луд, с богато въображение. Не се ”врзвайте”, забавлявайте се.” Очевидно е, че авторът на този новинарски блог няма претенциите да информира, а само да забавлява. Въпреки това „новината” е споделена от няколко сайта (frognews.bg, zagata.info, bgnews.host), вследствие на което бързо залива социалните мрежи и всява безпокойство у хората.

Апокалиптичните сценарии намират широко разпространение в популярните медии. Това е така, тъй като евентуалната заплаха за бъдещето на човечеството неминуемо привлича читателския интерес. Злоупотребата със страховете на хората гарантира кликания и споделяния, но е далеч от журналистическата етика. Периодично в някои сайтове се появяват плашещи заглавия, които предричат края на света, природни стихии и бедствия: „Учениот НАСА: Между 15 и 29 ноември слънцето ще свети в синьо”(25.06.2017г., petel.bg). Впечатление прави позоваването на източник, с което се цели внушаване на достоверност на информацията. „ЛЕДЕНА ПРОГНОЗА! Слънцето угасва за 2 седмици” (17.11.2017г., pik.bg). Според брояча на сайта тази статия е прочетена от 51504 читатели. В текста е посочено, че цялата планета ще потъне в мрак. Същата новина е съобщена и от друг сайт: „Преди минути. Учени от НАСА: Гответе се, между 15 и 29 ноември 2017г. няма да има слънчева светлина!” (skafeto.com). Новината има 5212 споделяния. Заглавието започва с думи, които наблягат върху актуалността на новината (*Преди минути*). Отново има позоваване на източник. „Учените са в шок: Нещо се случва със Слънцето, никой не може да го обясни! Астронавти: То може да се взриви, ще загинем всички” (18.09.2017г., vchas.net). Заглавието започва с хипербола (*шок*), следва апокалиптична прогноза (*ще загинем всички*). „Бичоткосмоса, всички са застрашени! Върхлитат ни мощни магнитни бури!” (13.04.2018г., bradva.bg). Преносната употреба на думата *бич* подсилва емоционалното въздействие на новината.

Как да спрем появата на фалшиви новини? Истината е, че фалшиви новини е имало преди, вероятно ще има и напред. Все пак, всеки от нас може да спомогне за ограничаването на тяхното разпространение. Редица изследователи предлагат различни препоръки как да разпознаем истинската новина от фалшивата новина. Изключително важно е читателите да прочитат целия текст на една новина, тъй като авторите на фалшиви новини често поставят заглавие, което не отговаря на съдържанието на самия материал. За онлайн потребителите е характерно повърхностно четене (сканиране на съдържанието). При прочитане единствено на заглавието, читателите могат да останат с погрешно впечатление за реалния развой на събитията. За разпознаване на фалшивите новини е необходимо потребителите да са добре информирани и да проверяват източниците. Вглеждането и премислянето на информацията, която четем също би спомогнало да се избегне заблудата. Важно е да подхождат скептично към информацията, която четат, да не се доверяват лесно – това са най-добрите оръжия срещу дезинформацията.

Все по-ясно се очертава тенденцията медиите и обществото да предприемат мерки за ограничаване разпространението на фалшиви новини. Сред медиите, които започват собствени кампании, са информационният сайт mediapool.bg (Ти си това, което четеш) и Нова телевизия. Една от инициативите, свързани с ограничаването на дезинформацията, е проектът на Красимир Гаджиков „Медийно око”. Той представя списък на онлайн медиите, които публикуват фалшиви, сензационни новини; дава информация кои сайтове са анонимни (<https://mediascan.gadjikov.com/starting/p>). Сред сайтовете, които са посочени, като публикуващи фалшиви новини, са: pik.bg, blitz.bg, bradva.bg, skandalno.net, frognews.bg, nenovinite.com, onovini.com, petel.bg, skafeto.com.

Оказва се, ченя кои от тези медии са и най-четените сайтове (pik.bg – 17-томя сто по посещения; blitz.bg – 5-томясто; bradva – 1-во място по читатели) (<http://e-vestnik.bg/27143/top-50-na-nay-chetenite-onlayn-medii-i-regionalni-saytove-se-namesvat/>).

Еврокомисията също започна своя инициатива за откриване на фалшиви новини – EU vs DISINFO, в която представя списък с български медии, които са публикували фалшиви новини, като сред тях са: pik.bg, blitz.bg, bradva.bg (<https://euvsdisinfo.eu>).

Онлайн медиите все по-често се превръщат в мястото, от което хората се информират за актуалните новини и събития. Достъпността и възможността за навременно актуализиране на информацията, са сред безспорните предимства на новите медии. В същото време се оказва, че някои от особеностите на онлайн пространството позволяват безпроблемното разпространение на фалшиви новини. Фактът, че всеки може да публикува съдържание и да запази своята анонимност, наред със светкавичното

разпространение на информация в мрежата, са основните предпоставки за появата на дезинформация. Глобалната мрежа се превръща в усилвател на крайни мнения и позиции. Липсата на автор под една статия позволява употребата на агресивна лексика. Отговорността за ограничаването на разпространението на фалшиви новини е на всички потребители на мрежата. Критичното четене и проверяването на информацията преди да споделим една новина, би спомогнало за една по-чиста информационна среда.

Bibliography

Дачева, Гургана (2014), *Стилистични ефекти на алузивните заглавия*. София, Изд. Парадигма.
Замбова, Антония (2000), *Манипулативни езикови стратегии в печата*. София, ИК "СЕМА РШ".
Рус-Мол, Щефан, Инджев, Иво (2017), *Журналистиката. Учебник и наръчник*. София, Изд. Изток-Запад.
Гл. редактор Кристилина Чолакова (1981), *Речник на българския език*, том 3. София, Издателство на българската академия на науките.

Maciej Waraczewski

Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland
maciejwaraczewski@wp.pl

Судьбы вспомогательного глагола в формах перфекта в древнепольском и древнерусском языках – сравнительный анализ

The aim of the article is to compare the changes in the form of an auxiliary verb byti (to be) used as a part of a complex past form (perfect) in Old Polish and Old Russian. At the beginning, its development is described separately in both languages. Then, the similarities and differences of the two processes are shown, with special attention being paid to the syntax of the two languages. In the conclusion, an attempt to reveal the factor contributing to the different paths of development of the verb mentioned is made.

Keywords: Old Polish, Old Russian, perfect, auxiliary verb

Термин *перфект*, по *Encyklopedii językoznawstwa ogólnego*, относится к двум понятиям: в индоевропейском языкознании к формации, выражающей настоящее состояние как результат прошлого действия; в современных языках – к времени, выражаемому причастием прошедшего времени и вспомогательным глаголом, употребление которого "чаще всего внушает какую-нибудь связь с настоящим" (Polański 1999: 429–430). Ко второму значению этого слова относится праславянский *перфект*, который входил также в языковые системы древнепольского и древнерусского языков. В настоящей статье сравним судьбу перфекта в обоих языках, особое внимание уделяя его употреблению вместе с подлежащим, которое может объяснять различия в его развитии в польском и русском языках.

В праславянском языке формы перфекта создавались путем соединения форм настоящего времени глагола *быти*, склоняемого по лицам и числам (вспомогательного глагола / глагола-связки / связки), с формой причастия на *-л*, склоняемого по родам и числам, Черных 1952: 224–225). Эта формация дала аналогичные формы в древнепольском и древнерусском языках:

	древнепольский язык	древнерусский язык
число лицо	единственное	единственное
1-е	jeśm działał, -a, -o	есмь несль, -а, -о
2-е	jeś działał, -a, -o	еси несль, -а, -о
3-е	jest działał, -a, -o	есть несль, -а, -о
число лицо	множественное	множественное
1-е	jeśmy działali, (-ły, -ła)	есмь несли, (-ы, -а)
2-е	jeście działali, (-ły, -ła)	есте несли, (-ы, -а)
3-е	są działali, (-ły, -ła)	суть несли, (-ы, -а)

В обоих языках перфект первоначально сохранил праславянское значение времени, выражающего настоящее состояние как результат прошлого действия. Однако, со временем начал терять эту специфическую функцию и стал универсальным выражением любого прошлого действия, вытесняя другие претериты. Одновременно происходили изменения в его форме.

В общих чертах процессы изменений в области употребления перфекта в обоих языках происходили очень похожим путем, а различия в употреблении перфекта в современном виде (понимаемого просто как единое прошедшее время) в польском и русском языках незначительны.

Однако, что касается формального аспекта вышеупомянутого процесса, то результаты его сравнения в обоих языках представляются более сложным образом. Присматриваясь подробно изменениям в форме перфекта, заметно, что они происходили разным образом в польском и русском языках.

Первая разница касается формы причастия. В польском языке в формах мн. ч. сохранилось распределение по двум родам: лично-мужскому и безлично-мужскому, которое исчезло в русском языке. Таким образом, форму причастия прошедшего времени, содержащуюся в составе формы прошедшего времени, в польском языке можно считать более архаичной. Еще более глубокие различия обнаруживаются при сравнении судьбы вспомогательного глагола, которую рассмотрим отдельно в обоих языках, начиная с древнепольского.

Итак, Барбара Грещук указывает на причины, по которым форма третьего лица утрачивает связку в отличие от форм остальных лиц, в случае которых произошло включение ее в состав причастия (Grzeszczuk 1996). Автор прежде всего подчеркивает тот факт, что формой, употребляемой чаще других, была форма мужского рода, в которой не наблюдалось условий для контракции. По этому поводу, единственным возможным способом их сокращения являлся эллипсис вспомогательного глагола. В свою очередь, необходимость сокращения упомянутых выше форм была вызвана действием закона Ципфа, согласно которому между частотностью выступления языковых единиц и их длиной существует большая взаимозависимость – чем чаще употребляется данная единица, тем она короче.

Агнешка Мотыль в своей книге *Normalizacja fleksji werbalnej w zakresie kategorii czasu doby średniopolskiej* (Motyl 2014), описывая процесс исчезновения вспомогательного глагола *być* в 3 л. и превращения его в подвижное окончание, обращает особое внимание именно на эту новую флексию и ее способность соединяться с разными частями предложения (причастиями, союзами, местоимениями). Флексия очень редко присоединялась к наречиям и именам, а если таковое происходило, флексия выполняла в нем выделяющую функцию.

Подробный анализ аналитических временных форм с причастием на *-l* в польском языке провела также А. Ковальска (1976). В своем исследовании автор проанализировала тексты XIV – первой пол. XX вв. Ею подчеркивается тесная зависимость, которая существовала между исчезновением простых прошедших времен и изменениями в формальном строении и семантике перфекта не только в польском, но и во всех славянских языках, в которых произошел этот процесс. Исследовательница обращает внимание на тенденцию к редукции вспомогательного глагола, в соответствии с упомянутым ранее законом Ципфа. Начало процесса редукции вспомогательного глагола *być* автор усматривает в дописьменном периоде развития польского языка. Из подробного анализа изменений, которым подвергалась связка, особого внимания заслуживают следующие замечания. Во-первых, эллипсис глагола *być* в формах третьего лица привел к тому, что показателем лица стало нулевое окончание, а конечная морфема партиципального элемента совмещала в себе функцию показателя числа и рода. Во-вторых, очень интересным является замечание о наблюдаемом спорадическом пропуске вспомогательного глагола также в 1 и 2 л., в случае чего показателем лица становилось личное местоимение. Аналогичное явление будет происходить в древнерусском языке, однако в намного большем масштабе. В польском языке оно касалось чаще всего 1 л. ед. ч., но ни в одном памятнике не превышало нескольких процентов всех употреблений перфекта. При описании синтаксиса форм перфекта автор подчеркивает также большую неустойчивость аналитических конструкций. Глагол-связка в редуцированном виде мог присоединяться к разным членам предложения и находиться так в пре-, как и в постпозиции по отношению к глагольной форме на *-l*. Со временем, полные аналитические формы употребляются все реже и в новопольский период (от XVIII в.) становятся также доминирующей формой.

Ниже будут представлены результаты исследований, в ходе которых языковеды пытались показать процесс разрушения временной системы древнерусского языка, особое внимание уделяя формальному аспекту употребления перфекта, а также результаты нашего собственного исследования.

К интересным выводам касательно перфекта приходит Т. Д. Маркова (2013). Прежде всего, Маркова обращает внимание на сильную связь между преобразованием временной системы древнерусского языка и обрисовыванием категории вида, которую называет "смыслокомпенсирующей". Кроме того, автор считает, что разрушение перфекта обусловлено его модальной семантикой, а причины того, что он стал единым прошедшим временем, усматривает в социальных изменениях русского общества и меной его мировоззрения.

О сущности исследования роли грамматических форм в культурном аспекте пишет также Борис Гаспаров (2003). Приходит он к выводу, что по неизвестным причинам именно перфект стал формой выражения понятий абстрактных, мистических, связанных с верой и божественным миром и категоризирует эти значения. Но в конце своей статьи автор замечает, что в текстах другого типа перфект служит также выражению значений секулярных, "земных", тем самым, по нашему мнению, доказывая, что анализ семантики перфекта не приводит к убедительным результатам.

Из других сведений о развитии перфекта во времени, стоит также привести замечания А. И. Соболевского о существующей связи между применением вспомогательного глагола и личного местоимения. Во-первых, автор отмечает, что формы третьего лица в перфекте очень рано начали употребляться без глагола-связки и, таким образом, оказали влияние на формы 1-го и 2-го лица. Кроме того, со временем наблюдается увеличенное употребление личных местоимений в функции подлежащего, прежде всего под логическим ударением и при приложении, но и в случаях, в которых особенные причины для его применения отсутствуют, что привело к избыточности вспомогательного глагола *быти* как указателя лица действия. И именно в этом явлении А. И. Соболевский (1907) усматривает главную причину вытеснения из языка полных форм перфекта. Похожим способом этот процесс описывает А. А. Зализняк (2008: 240–249).

Указанные выше сведения хотим также подтвердить результатами нашего собственного исследования, в котором анализу подверглись формы перфекта в древнерусских грамотах XIV–XVI вв. Из более 3000 обнаруженных форм, огромное большинство образуется согласно образцу, в котором кроме партиципальной формы выступает либо подлежащее (выраженное личным местоимением или существительным), либо вспомогательный глагол. Отклонения от этой нормы (т.е. формы, в которых находятся оба элемента или оба они отсутствуют) составляют лишь 5% всех употреблений перфекта. Кроме того, все из них можно объяснить причинами либо стилистического, либо внеязыкового характера. Эти сведения доказывают огромную формальную связь, существующую между употреблением глагола-связки и подлежащего в древнерусском языке. Первоначально указателем лица в формах перфекта является связка. Со временем, однако, в древнерусском языке увеличивается роль эксплицитно выраженного подлежащего, применение которого делает вспомогательный глагол лишним элементом. И именно по этому поводу глагол-связка мог совсем выйти из употребления.

Как показано выше, изменения в формах перфекта происходили параллельно в обоих языках. Как в польском, так и в русском языках, их начало ученые относят к дописьменной эпохе. Определение конкретного момента завершения этого процесса в обоих языках очень сложно, поскольку нет возможности точно определить время, в которое первичные формы исчезли из разговорного языка. Принимая во внимание, что даже в современном польском языке возможно соединение окончания прошедшего времени с другими, чем глагольная форма на *-l*, частями предложения, можно считать, что этот процесс в польском языке на самом деле еще не закончился.

Что касается употребления вспомогательного глагола в обоих языках, то здесь заметны большие различия. В русском языке он исчез, а вместе с ним показатель лица, и эту функцию приняло на себя личное местоимение. Зато в польском языке глагол-связка подвергся изменениям, в результате которых превратился в окончание, присоединяющееся обычно к глагольной форме на *-l*, но способное присоединяться и к другим членам предложения, что является пережитком давней аналитичности форм перфекта. Так, в обоих языках перфект превратился из аналитической формы в синтетическую, утрачивая вспомогательный глагол как отдельный, независимый элемент.

Тот факт, что вспомогательный глагол не превратился в окончание, но совсем вышел из употребления, можно объяснить другими причинами, связанными с общими изменениями в строе русского языка, а именно увеличивающейся ролью личного местоимения в функции подлежащего. В древнепольском языке, в свою очередь, не было аналогичных преобразований в синтаксисе. До сих пор личное местоимение является опциональным элементом предложения. По этой причине глагол-связка не мог быть совсем утрачен, так как был он главным средством указывания на лицо. В формах третьего лица показателем лица стала нулевая флексия. В остальных лицах редуцированный вспомогательный глагол сохранился.

Указанный выше анализ доказывает, что причины различий в формах прежнего перфекта в польском и русском языках стоит усматривать в отличиях в их синтаксисе. Увеличивающееся употребление личных местоимений в функции подлежащего в русском языке привело к полной утрате

глагола *быти* в формах перфекта. Поскольку аналогичных явлений не было в польском языке, прежний вспомогательный глагол должен был сохраниться как указатель действующего лица.

Bibliography

Greszczuk, Barbara (1996), *Staropolskie praeteritum, jego budowa morfologiczna i obciążenie funkcjonalne morfemów fleksyjnych*. In: *Studia historycznojęzykowe II – Fleksja historyczna*, Kraków, Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN.

Motył, Agnieszka (2014), *Normalizacja fleksji werbalnej w zakresie kategorii czasu doby średniopolskiej*, Poznań, Wydawnictwo PTPN.

Kowalska, Alina (1976), *Ewolucja analitycznych form czasownikowych z imiesłowem na -l w języku polskim*, Katowice, Wydawnictwo UŚ.

Polański, Kazimierz (1999), *Perfectum*. In: *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław, Ossolineum.

Гаспаров, Борис (2013), Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах. *Русский язык в научном освещении*, №1 (5), 215-242.

Зализняк, Андрей Анатольевич (2008), *Древнерусские энклитики*, Москва, Языки славянских культур.

Маркова, Татьяна Дамировна (2013), Древнерусский перфект в аспекте реализации функционально-семантической категории темпоральности. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. № 1, 247-259.

Соболевский, Алексей Иванович (1907), *Лекции по истории русского языка*. Москва, Университетская Типография.

Черных, Павел Яковлевич (1952), *Историческая грамматика русского языка - краткий очерк. Пособие для педагогических и учительских институтов*. Москва, Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР.

Piotr Wojnarowicz

University of Wrocław, Wrocław, Polska
voynar@gmail.com

People's Crusade – an overture to the First Crusade

The second half of the eleventh century was a very interesting time in European and Mediterranean history. Odo de Lagery became pope in 1088, choosing the name of Urban II. Thanks to his diplomatic activities the Western Europe rise the chance of calling the crusade to regain the Holy Land for Christianity. But before official crusade started, there was a people's crusade – an event which was the result of the spirituality of the simple people of the time, this pilgrimage was led by the charismatic Peter the Hermit.

Keywords: Crusade, Peter the Hermit, People's Crusade, Outremer

After the synod in Piacenza, throughout the summer of 1095, Pope Urban II made a tour of the southern and south-eastern French territories by pilgrimage. On August 16 the same year in Le Puy he officially called a synod which was to be held in November in Clermont. In this appeal to the French bishops, nothing indicated the extraordinary character of the events planned on it - the synod was to deal first with church-related matters, intra-ecclesiastical French - like the extramarital relationship of the king of France, through which he was in conflict with the Pope. The issue of the Peace of God was also to be addressed, and the "cross" issues raised only one small point about the need for spiritual reward for potential willing crusaders.

The Synod in Clermont was taking place from the day of its commencement in accordance with the established plan, only towards the end - on November 27 1095, an event took place that was to have a powerful effect on the entire Christian civilization. Because of the promised papal speech, clergy and clergy began to gather to Clermont. For this reason, the place of speech was moved to an open space outside the city, so that all interested people could listen to it. Urban II was apparently an exceptionally gifted rhetorician. The reaction of the gathered population to the Pope's speech was immediate and exactly what the Pope expected. Even during his speech people loudly shouted "Deus le volt", means "God wants it". As the first bishop Ademar of Le Puy came to papal feet asking the Holy Father for a cross and permission to participate in the expedition. After him, everyone in the immediate vicinity of the Pope did so, then kneeled down and confessed Confiteor. They started to cut the robes into pieces and make the sign of the cross from these pieces, then place it on their shoulders to "carry the cross" on the model of Christ. Enormous crowds gathered to swear an oath to participate in an armed pilgrimage to places known to the majority only from the pages of the Holy Bible. However, not all of them were given permission to do so, to prevent later problems (like clergymen, single woman and marriages).

The transition from a lofty idea to a specific preparation of an army capable of actually gaining Jerusalem and freeing the brothers of Christians from the East from Muslim oppression required a series of appropriate actions. Above all, it was necessary to determine the leadership of the planned armed pilgrimage. Due to both logistical and, above all, political reasons, there was virtually zero chance of participating in Crusade any of the crowned European rulers. Already in Clermont, bishop Ademar of Le Puy was established as the papal legate for the planned armed expedition. He was to be primarily a spiritual leader of the crusade, but also to influence its direct course as an extension of the papal will. The one who arrived first, Count Rajmund of Toulouse, was proclaimed the military leader.

The Pope returned to the Italian lands knowing that he achieved a real success. From all over the Christian Europe began to flow into the planned military armed pilgrimage, even from such distant countries as Scotland or Denmark. Most important, however, was the application of several important, wealthy and having many men with swords under command. The group of the most important commanders of the armed pilgrimage was composed of great lords from Latin Europe, often belonging to royal families, or closely related to them, but not personally at the helm of power, which could greatly complicate matters of leadership, especially the problem of caesaropapism and papocaesarism. Meanwhile, the leaders of the crusade had no difficulty agreeing to have Bishop Ademar officially at the helm, hoping that the priest would not interfere in military matters.

When Pope Urban II returned to Rome at the time of Christmas, he could be sure that he had done everything in his power to make the crusade come to fruition. He ordered bishops in their dioceses to promote the Crusade call, which certainly had a huge impact on the number of interested people. In fact, despite the fact that the beginning was only due in eight months, the armed pilgrimage of Christians to Jerusalem was already beginning.

In the second half of the 11th century, Europe was full of wandering preachers who did not necessarily know the teachings of the Church and the truths of faith, but often made up for it with strong charisma. Many of them were ordinary crooks who did not want to work hard, but to earn money, food and enjoy all the other charms of life. There were also people whose faith left no doubt and deeds were written down in contemporary chronicles. Such a person was Peter from Amiens, called the Hermit.

His unquestionable and ardent faith ignited the crowds listening to his sermons, and in a short time he gained a large group of students, and an increasing number of crowds followed him to participate in the crusade. Peter pleaded, allegedly received by the supernatural route - straight from heaven, a letter from God, ordering him to gather people for the recovery of the Holy Land. His initiative was against the Pope's one, and the bishops did their best to prevent the faithful from taking part in the project, foreseeing its failure, even going to the official ban for clerics and religious who would take part in this people's crusade. Unfortunately their appeals did not bring enough results and the increasing crowds gathered around Peter. Among the mass of the poor were also impoverished representatives of minor knight families such as helping the Hermit from the military side Wilhelm Sans-Avoir, Hugon Count Tübingen, Henry, Count Schwarzenberg, Walter from Teck and the three sons of Count Zimmern.

The assembly point of the popular crusade was in Cologne, from where, on April 20, 1096, Piotr Pustelnik set off with an innumerable crowd willing to free Jerusalem and the entire Holy Land from muslim rule. These numbers still divide historians trying to determine the real number of participants of the folk crusade, picking out news from the chronicles, which then, like today's mass media, did not always reflect the present truth, but rather propaganda. The reported numerical values show huge differences from eighteen thousand to about two hundred thousand. Recent research tends to oscillate around several tens of thousands, and this number seems to be the most likely, taking into account the further fate of this pilgrimage.

All those crowds have moved, in groups of several to several thousand, to the southeast, through Hungary and the Bulgarian lands. Attempts to keep such a mass of people in line were made both by the leader and the well-born, unfortunately, even the authority of the knights or clergymen, did not help and already in the territory of the Kingdom of Hungary, the entire expedition seemed to the same danger for rural population, like Tatar hordes, venturing into these regions. Plunderage, requisitioning of food, rape and arson were commonplace throughout the people's Crusade.

Another event, or rather a whole series of events, which caused a dark legend shadowing over the course of the people's crusade expedition led by Peter the Hermit, were anti-Semitic rants, forced baptisms and serial Jewish suicides caused by all of these. This was happening on all the areas that were crossed by the expedition. In spite of these events, Peter the Hermit was officially received by the Hungarian King Coloman Beauclerc /1095-1116/, who admitted that he would punish any offenses, but he did not have too many opportunities to carry out his threats.

Contemporary historians believe, however, that these events were not robbery pogroms, they appeared rather as a perverted form, in the attempt to "organize the world" in connection with the on-going armed pilgrimage to Jerusalem. The infidels on the way, especially Jews, those who condemned Jesus to death either had to be converted to Christian faith or had to die. It should be remembered that not only on the folk expedition, but also during the first Crusade itself, many believed that they go not only to earthly Jerusalem, but also to this heavenly.

After reaching the lands that were in the possession of Byzantium, the first regular clashes with the Petcheneks at the service of Emperor Alexius took place. It happened just after the "army" of the people completely plundered and burned Belgrade. Then they headed towards Nisz. The commander of neighboring Byzantine troops Nicetas, after he received from Peter the Hermit the request to deliver provisions for his armed pilgrims, immediately sent messengers to the Emperor Alexius, asking for instructions on how to proceed. And Komnen did the wisest thing that a ruler could do. When his messengers met with the people's crusade of Sofia, from now on, without regretting the provisions and all available means, demanding that the bait be no longer than three days, Byzantines quickly led them to Constantinople, where Alexius Comnenus could have had this mass of Latin people under control. The emperor, not wanting the misfortune of the pilgrims led by Peter, urged them to stay in the

vicinity of the city and wait for the main forces of the crusaders to move together to the pagans occupying Jerusalem. Unfortunately, for the further fate of the folk expedition, this proposal was rejected by Hermit, additionally the fighting mood was so high among the participants that they made the time of waiting for the Byzantine land with robbery and plundering.

The emperor of Byzantium helped the Crusaders cross the Asian shore on August 6, 1096. There, the imperial subordinates, near the Byzantine-Turkish borders, organized a military camp for the Hermit and his men. Franks managed to carry out even a one successful outing, but the career of the people's crusade quickly was heading towards its end.

On October 21, the main forces of the armed pilgrimage led by Peter the Hermit were completely broken down near Civetot, near Nikeia. Those of the participants who did not die had to accept Islam or were taken prisoner and sold as slaves. Peter of Amiens himself survived, because at the time of the battle (although looking from the military perspective it was simply the slaughter of an unorganized crowd through military units), he was again in Constantinople, where he negotiated with Emperor Alexius Comnen to provide food rations for his army. In the end he did exactly what Alexius wanted him to do – he waited for the real forces of Crusade, and went with them into Outremer, where he was still a important figure of the Latin Crusade army.

Concluding, the people's crusade want an unique event in world's history. Dozens of thousands of (mostly) poor, uneducated, but fulfilled with faith and passion men, went through half of Europe to the shores of Asia, to conquer from muslim hands land, they only knew from sermons in church. This couldn't even get started without charisma of Peter the Hermit from Amiens, who leadthis mass of people all the way. Such a conception, based on XI century spirituality, was confronted with reality very brutally. The huge number of crimes committed by the crowds along the route of the march, as well as the great slaughter that ended the folk crusade proved cruelly that this idea made no sense and did not achieve any of the objectives, both military and spiritual.

Bibliography

- Angold, Michael, *Cesarstwo Bizantyńskie 1025-1204*. Wrocław, Ossolineum.
- Armstrong, Karen (2001), *Holy War: The Crusades and their impact on today's world*. New York, Anchor Books.
- Asbridge, Thomas (2006), *Pierwsza krucjata – nowe spojrzenie*. Poznań, Rebis.
- Cowdrey, Herbert – Edward, John (1988), *Byzantium and the West c.850-c.1200*. Amsterdam, Hakkert.
- Fulcher of Chartres (1969), *Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana*. Knoxville, University of Tennessee Press.
- Hauziński, Jerzy (1993), *Burzliwe dzieje kalifatu bagdadzkiego*. Warszawa-Kraków, PWN.
- Meyer, Hans Eberhard (2008), *Historia wypraw krzyżowych*. Kraków, WAM.
- Nicolle, David (2008), *Chrześcijaństwo i dżihad 1000-1500*. Warszawa, Bellona.
- Piwowarczyk, Dariusz (1997), *Rycerze Chrystusa*. Warszawa, Iskry.
- Read, Peter Paul (2003), *Templariusze*. Poznań, Rebis.
- Runciman, Steven (1997), *Dzieje wypraw krzyżowych t.1*. Warszawa, PIW.
- Tyerman, Christopher (2006), *God's War: a new history of the Crusades*. Cambridge, Belknap Press.
- William of Tyre (1943), *William of Tyre - a history of deeds done beyond the sea*. New York, Columbia University Press.

Анна Закутня

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Chernivtsi, Ukraine
anna.prokopowa@gmail.com

Системні стильові та структурні ознаки українських рекламних текстів кінця XIX- першої половини XX століття

The paper focuses on the systemic stylistic and structural features of the Ukrainian advertising texts of the late XIXth and the first half of XXth century. Ukrainian advertising texts are systemically considered for the first time as a holistic linguistic and socio-cultural phenomenon. Advertising texts published in more than 40 Ukrainian periodicals in Ukraine and among the Ukrainian diaspora of Canada and the USA were taken as the source of the research.

Keywords: advertising texts in Ukrainian periodicals of the late XIXth and the first half of XXth century, stylistics of the advertising, verbal and nonverbal elements of the advertising text, embedded foreign elements in the structure of the advertising text.

Зародження й становлення українського рекламного жанру в межах стилю засобів масової інформації припадає на кінець XIX – першу половину XX ст. Остання чверть XIX ст. пов’язана з розвитком українськомовних періодичних видань в культурному середовищі тієї частини українських земель, що перебували в кордонах Австро-Угорщини, – Буковини та Галичини. Розвиток українських періодичних видань на землях, що входили до складу Російської імперії, був неможливим, оскільки за Емським указом царя Олександра II (травень 1876 р.) це заборонялося. Наприкінці XIX ст. українські газети та календарі побачили світ у Канаді та США, завдяки культурно-організаційним зусиллям діяльних кіл української діаспори.

Мета статті – виявити та проаналізувати системні стильові та структурні ознаки українських рекламних текстів, опублікованих в українськомовних періодичних виданнях кінця XIX – першої половини XX ст. Актуальність дослідження полягає в тому, що рекламні оголошення, які в цей період мають уже чітку структуру, є цінним джерелом для: 1) вивчення міської побутової культури та реклами як одного з її проявів, 2) аналізу явищ мовної інтерференції, 3) виявлення таких слів та номінативних словосполук, що в сучасній українській літературній мові вийшли з активного вжитку або й узагалі не відомі сучасним носіям української мови.

1. Структура українського рекламного тексту кінця XIX – першої половини XX ст. Тексти досліджуваного періоду мають усі основні структурні елементи, характерні і для сучасної реклами: 1) заголовок (назва закладу, підприємства); 2) орієнтовані на клієнтів звертання та інші засоби мовного етикету; 3) інформаційний блок; 4) шрифтові та інші графічні засоби актуалізації інформації; 5) підписи та коментарі; 6) графічно-ілюстративну частину (рамка, шрифт, малюнки товарів) (типовий приклад – на Мал. 1); докладніше про див. Закутня 2017^a, Закутня 2017^b).

Мал. 1. Реклама послуг столяра – майстра мистецьких виробів (газета „Буковина”, 1896)

2. Вербальні та невербальні компоненти рекламного тексту. Рекламний текст кінця XIX – першої половини XX ст. містить компоненти двох типів: *вербальні* (заголовок, основний текст, слоган, рекламний знак) та *невербальні* (шрифти різних типів та розмірів, малюнки, фотографії, кольори). Одним з образотворчих засобів текстового компонента реклами було застосування різних шрифтів як основного інструмента виокремлення змістових частин тексту (Мал. 1, 2). Важливими були й фотографії (Мал. 2) та малюнки (Мал. 3). Відповідно оформлені рекламні оголошення почали з'являтися на сторінках українських періодичних видань на початку 1900-х рр. Такий шаблон оформлення реклами зберігався й надалі. Малюнок привертав увагу читача, а також вказував на те, про який товар чи послугу йтиметься в тексті. Фотографія підприємця, що пропонував певні послуги, засвідчувала його відкритість до потенційних клієнтів та правдивість інформації, наданої в рекламі.

Мал. 2. Реклама grosерні („Календар для американських русинів”, 1903)

Мал. 3. Реклама машинки для гоління (газета „Добрі Ради”, 1901)

Текстова, або вербальна, частина рекламних оголошень містила певні характерні компоненти, що, за стратегією авторів реклами, мали б бути переконливими для клієнтів та впливати на їхній вибір. Такими компонентами були: 1) вказівка на тривалість роботи закладу (*найкраща обслуга – понад 30 літ досвіду; славна якістю пекарня від року 1931*); 2) інформація про досвід роботи (*старокрасвий кравець зі Львова з довголітньою практикою американською*); 3) відповідність товару чи закладу новочасним вимогам (*урядив єї [робітню] так, аби станула побіч перворядних робітень та відповіла новочасним вимогам*); 4) запевнення у високій якості виробів, що аргументується якістю матеріалу та відповідністю естетичним смакам клієнтів (*за якість матерії і досконале викінченє роботи ручить; наш стиль і пасовання, як також якість матерій, задовольнить кожного*); 5) інформація про нагороди і відзнаки (*робітня відзначена срібною медалю на виставі в Стрию 1909 році і многими похвальними листами*); 6) схвальні відгуки клієнтів та рекомендації авторитетних осіб (*солідність фірми потверджують численні похвальні листи і признання відборців; фірма горячо рекомендована їх преосвященством єпископом Никитою Будкою*); 7) заохочення до купівлі вказівкою на невисоку, доступну ціну (*по зниженій ціні; по уміркованій ціні і на речинець; точно, дешево і на час*); 8) апелювання до патріотичних почуттів адресатів реклами (*Українци! Свій до свого по своє!; попирайте рідний промисел*) тощо.

3. Тематичні групи лексики, представлені в рекламних текстах. Реклама досліджуваного періоду за своїм лексичним наповненням була найближчою до міського койне, оскільки відображала щоденний побут тогочасних міст і містечок (Ткач 2017^б; Закутня 2018). Слова на позначення конкретних предметів, зафіксовані в рекламних текстах, є надзвичайно цінним матеріалом для лексикографії, адже в текстах інших стилів такі слова можуть траплятися вкрай рідко. Особливо це стосується таких тематичних груп: 1) назви продуктів харчування; 2) назви одягу та взуття; 3) назви предметів побуту; 4) назви хімічних речовин; 5) назви технічних засобів, пристроїв. У складі кожної з названих груп перебувають слова, номінативні словосполучення, які в сучасній українській мові належать до пасивного фонду лексики. Лише окремі номени – як-от *кав'яр, лєтер, портєр* – актуалізуються. Інші – й надалі перебувають поза межами активного обігу, хоч за багатьма словами – тривала історія їх ужитку в міському койне чи діалектному мовленні – як засвоєнь з німецької, польської, румунської, турецької, угорської мов (Ткач 2007: 192–198). Особлива вартість рекламних текстів полягає в тому, що в них зафіксовані й новіші запозичення – з французької та з англійської мов.

У діаспорних виданнях особливим компонентом рекламних текстів були англізми (транслітеровані й нетранслітеровані), що вживалися в мовленні емігрантів з України (Жлуктенко 1964; Жлуктенко 1990; Ткач 2017^а; Закутня 2017^б).

Для прикладу наводимо перелік слів з певних тематичних груп, що в сучасних словниках української мови зафіксовані з обмежувальним маркуванням або ж узагалі не зафіксовані (коментарі щодо лексичних запозичень подаємо лише для двох груп назв – хімічних речовин та технічних засобів, оскільки для інших тематичних груп такі коментарі подані в наших попередніх публікаціях (Ткач 2017^б; Закутня 2018^{а,б})):

1) назви продуктів харчування: *андрути, мн.* – вафлі; *бішкопт* – бісквіт; *бобкове листя* – лаврове листя; *бомбон (бонбон)* – цукерка; *бриндзя* – сир з овечого молока; *кав'яр* – ікра (осетрових риб); *конфітури, мн.* – варення, джем; *мід прісний* – натуральний мед; *москалі, мн.* – оселедці; *муштарда* – гірчиця; *прецельки, мн.* – крендлі; *фіті, мн.* – інжир; назви напоїв: *женциця* – сироватка з овечого молока; *лєтер* – пиво, яке дозріває при зберіганні; *марцєве пиво* – березневе пиво; *портєр* – сорт пива; *розаліс* – солодка горілка;

2) назви одягу та взуття: *зарукавка* – муфта; *камаші, мн.* – верхня тепла панчоха; *кляк* – чоловічий головний убір, різновид циліндра; *лякерки, мн.* – лаковане взуття; *мантилька* – пальто, плащ; *пантофлі, мн.* – домашнє взуття без закаблуків; *ротунда* – жіноча накидка без рукавів; *ульстер* – чоловічий верхній одяг з широкою спинкою; *ціжемки, мн.* – чоботи; *шлафрок* – домашній халат;

3) назви предметів побуту: *вахляр* – віяло; *етуї, етюї* – футляр, коробочка; *зігарок* – годинник; *куфєр* – скриня, валіза; *несєсер, нецєзарія* – шкатулка, футляр; *портмонєтка* – гаманець; *пудєлко* – коробка; *пулярєс* – гаманець; *пушка* – бляшана банка; *ташка* – шкіряна сумка, портфель; *цвікєр* – пенсне;

4) назви хімічних речовин: *альпака* (нім. *Alpaka*, п. *alpaka*) – сплав міді, цинку і нікелю; *антимеруліон* (нім. *Antimerulion*) – речовина для захисту будівель від грибка; *байці, байца* (нім. *Beize*, п. *bajca, bejca*) – протруювач зерна; *вітріоль* (нім. *Vitriol*, п. *witriol*) – сірчана кислота, купорос; *каїніт*

(нім. *Kainit*, п. *kainit*) – мінерал, калійне добриво; *карболіней* (нім. *Karbol*, п. *karbolineum*) – карболова кислота, рідина для знищення шкідників; *лігроїна* (нім. *Ligroine*, п. *ligroina*) – нафтова фракція, що її використовують як розчинник; *мосяж* (п. *mosiqdz*) – латунь; *поташ* (п. *potas*) – карбонат калію; *тран* (нім. *Tran*, п. *tran*) – риб'ячий жир; *шеллак* (нім. *Schellack*, п. *szelak*) – природна смола, отримана з рослин, для виробництва барвників і лаків;

5) назви технічних засобів, пристроїв: *бловєр* (англ. *blower*) і *вімпрогон* – вентилятор; *дуплікатор* (англ. *duplicator*) – копіювальний пристрій; *пилесмок*, *пилосос* – пристрій для чищення від пилу; *радіо* – радіоприймач; *рефріджерейтор* (англ. *refrigerator*), *фріджидєдєр* (англ. *fridge*) – холодильник; *стовкєр* (англ. *stoker*) – механічна топка; *телевізор*, *Ті-Ві* (англ. *television*) – пристрій для приймання телевізійних передач; *товєстєр* (англ. *toaster*) – пристрій для підсмажування шматків хліба; *фотоапарат* тощо.

4. Паралельне використання засобів двох мов у рекламному тексті. Рекламні тексти, що публікувалися в цей період у галицькій та буковинській періодиці, нерідко містили різномовні компоненти – засоби двох мов у межах того самого тексту: української мови як основи рекламного повідомлення та елементи німецької / польської / румунської – як іншомовні вкраплення: імена власників, назви закладів, довідкова інформація, напр.:

1) в рекламних оголошеннях газети „Буковина” такі компоненти були подані німецькою мовою: *Найдешевше місце закупна доки стане засобу <...> Brüder Hurviz, Exporthaus, Krakau Stradom Nr. 17.* (Б., 1901); *До Канади можна тепер дістатися найдешевше і найскорше лиш через Роттердам <...> An Herr M. G. Freudberg, Rotterdam 209* (Б., 1904); *Erstes Wiener Waarenhaus B. Baitinester jun. Hauptstrasse 3. Тукравє і заграничні новости весняні, суть вже на складі у ведикім виборі* (Б., 1909);

2) у галицьких виданнях міжвоєнного періоду та в роки Другої світової війни такі компоненти подавали польською мовою: *Samochódowe Towarzystwo Transportowe „Protos”, Lwów, ul. Legionów 33. Збірні перевози ріжного роду річей до всіх місць в краю* (Криниця, 1938); *Увага Інженери і Архітекти! При будовах уживайте тільки відомого зі своєї якості цементу „Grodziec” . Замовлення слати Zakłady Solvay w Polsce, S-ka z o. o. Warszawa, ul. Czackiego 14* (Криниця, 1939); *Медівники, тісточка до чаю, цукрові вироби. Michał Wiśniowski, Warszawa, ul. Polna 30* (СГ, 1943).

3) у міжвоєнний період, коли землі Буковини входили до складу Румунської держави, рекламні оголошення містили румунськомовні латинографічні компоненти лише в довідковій інформації: *Укр. Швальня мужеського і женського біля, весільні виправи, діточа гардероба <...> Адреса: Piața Dacia, 16 I. Поверх, проти Музичного Товариства. Анна Горда* (Ч., 1928); *Адвокат-українець в Букарєшті Др. Денис Маєр-Михальський. Адреса București, str. Vîcențiu Babeș No. 7. str. Izvor* (Ч., 1928); *Спеціалістка ручних робіт, отвирєє курс модерних вишивок, гафтєв та мережок <...> Ольга Козоріз, str. 11 Noetvrie, 62, Чернівці* (Ч., 1928).

Виразною структурною особливістю рекламних оголошень у діаспорних виданнях були відповідні паралельні компоненти українською та англійською мовами, напр.: *Др. Й. Й. Шнайдер. Оптомєтрист. Оглядає очи при помочи нових прирядів і без ліків. Виробляє окуляри <...> Dr. J. J. Schneider. Optometrist. West Girard Avenue, Philadelphia, Pa* (Провидіння, 1920); *Не забувайте на клич: Свій до свого. Гросєрня і Бучєрня Йосифа Дзямби. Товар добрий і все свіжий. Услуга чесна. Joseph Dziamba (Arrowhead Store) Grocery & Meats of all kinds* (УНС, 1932); *Проспєкт Кафе у Содбурах <...> Даємо українські страви: пироги, голубці і прочє. Prospect Cafè* (НШ, 1945) тощо.

5. Глосовання як структурний елемент діаспорних рекламних текстів. В англійсько-українському мовному середовищі більш звичними й уживанішими були англійські назви товарів. Тому автори рекламних текстів нерідко вдавалися до глосовання – вживання паралельних назв для тих самих предметів чи послуг. Адаптовані англізми зазвичай подавали в дужках кириличними літерами (докладніше про це – Закутня 2017^б: 127), напр.: *Смачне печиво після випробування приписів!... ½ фунта мішаних сушених овочів, 2 куски ананасу (пайнапл), 1 горнятко масла...* (КФ, 1953; англ. *pineapple* ‘ананас’); *Друкарня українського народного союзу „Свободи”. Для фірм, бизнесменів і приватних осіб друкуємо афіші, білєти (тікєти) ріжні запрошення...* (УНС, 1927; англ. *ticket* ‘квиток’); *Доставляємо кредитові листи,*

подорожні чеки, чужинні векслі (дрэфти) (УНС, 1932; англ. *draft* 'вексель'); *Michael Dolinny... випожичую гроші на гіпотечу (мортечі), асекурую дома від огню* (УНС, 1926; англ. *mortgage* 'іпотека'); *Ми маємо на складі жіночі і діточі плаці (ковти) – зимові і літні...* (НШ, 1945; англ. *coat* 'пальто, плащ') та ін.

Висновки. Системні ознаки української реклами досліджуваного періоду виявляються в тому, що в ній охоплено якнайширші сфери суспільної комунікації, виробництва, товарного обігу; відображено різноманітні тематичні групи лексики на позначення товарної номенклатури; послідовно відтворюється репертуар спеціальних слів та сталих зворотів, типових для сфери купівлі-продажу, попиту та пропозиції товарів; паралельно використовуються засоби двох мов у межах того самого тексту.

Bibliography

- Жлуктенко, Юрій (1964), *Українсько-англійські міжмовні відносини: українська мова в США Канаді*. Київ, Вид-во Київського університету.
- Жлуктенко, Юрій (1990), *Українська мова на лінгвістичній карті Канади*. Київ, Наукова думка.
- Закутня, Анна (2017)^a, Реклама в церковно-релігійному житті українців у кінці XIX – першій половині XX ст.: тематика, структура та стилістика текстів. *Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету ім. І. Огієнка: Філологічні науки*. 44, 136-144.
- Закутня, Анна (2017)^b, Структурні та стилістичні особливості українських рекламних текстів кінця XIX – першої половини XX ст. *Dialogul slavisticor la inceputul secolului al XXI-lea*. 1, 118-131.
- Закутня, Анна (2018)^a, Лексика іншомовного походження в українській рекламі кінця XIX – першої половини XX ст. у контексті української лексикографії цього періоду. *Студії з філології та журналістики*. 5, 173-176.
- Закутня, Анна (2018)^b, Назви продуктів харчування у текстах української реклами кінця XIX – першої половини XX ст. *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія „Філологія”*. 31, 33-38.
- Іванова, Ірина (2016), *Історія української реклами: мовностилістичний аспект*. Харків, Видавництво „Юрайт”.
- Ткач, Людмила (2007), *Українська літературна мова на Буковині в кінці XIX – на початку XX ст. Частина 2: Джерела і соціокультурні чинники розвитку*. Чернівці, Чернівці–XXI.
- Ткач, Людмила - Закутня, Анна (2017)^a, Запозичення з англійської мови в українських рекламних текстах кінця XIX – першої половини XX ст. *Лінгвістика*. 1(36), 20-42.
- Ткач, Людмила - Закутня, Анна (2017)^b, Назви одягу в рекламних текстах кінця XIX – початку XX ст. (за матеріалами чернівецької газети „Буковина”). *Současná ukrajinistika: problémy jazyka, literatury a kultury: Sborník příspěvků VIII Olomoucké sympozium ukrajinistů střední a východní Evropy*, 169-173.

Джерела

- Б. – *Буковина*: газета (1901, 1904, 1909). Чернівці.
- Криниця – *Криниця*: календар (1938, 1939). Львів.
- КУ – *Календар канадійського українця* (1923). Вінніпег.
- КФ – *Календар Канадійського фермера* (1953). Вінніпег.
- НШ – *Календар Нового шляху* (1945). Вінніпег.
- Провідіння – *Календар „Провідіння”* (1920). Філадельфія.
- СГ – *Ілюстрований господарський календар „Сільський господар”* (1943). Львів.
- УНС – *Календар Українського Народного Союзу* (1926, 1927, 1932). Джерсі.
- Ч. – *Час*: газета (1928). Чернівці.